

А. К. ЧЕРЕВКО

ВОЕННЫЙ СОВЕТНИК

А. К. ЧЕРЕВКО

ВОЕННЫЙ СОВЕТНИК

**Симферополь
«Бизнес-Информ»
2008**

ББК 63.3 (2)

Ч 46

Черевко А. К.

Ч 46 Военный советник. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. — 208 с., ил.
ISBN 978-966-648-197-2

Генерал-лейтенант А. К. Черевко, почетный член Академии наук АР Крым, известен широкому кругу читателей как автор книги о маршале Жукове «Военный гений России».

В новой книге «Военный советник» Черевко А. К. рассказывает о своей сорокалетней службе в рядах Вооруженных сил, об исполнении им интернационального долга в Йемене и Мозамбике.

Предлагается широкому кругу читателей.

ББК 63.3 (2)

Генерал-лейтенант О. К. Черевко, почесний член Академії наук АР Крим, відомий широкому колу читачів як автор книги про маршала Жукова «Военный гений Росії».

В новій книзі «Военный радник» Черевко О. К. розповідає про свою сорокалітню службу у лавах Збройних сил, про виконання ним інтернаціонального обов'язку в Йемені і Мозамбіку.

Пропонується широкому колу читачів.

ISBN 978-966-648-197-2

© А. К. Черевко, 2008
© «Бизнес-Информ», 2008

ОБ АВТОРЕ

Черевко Алексей Константинович – генерал-лейтенант танковых войск Советской Армии. Родился в 1923 году на юге Приморского края. В Вооруженные силы призван в октябре 1941 года. С марта 1942 года – участник боевых действий: старший сержант, командир взвода автоматчиков. 5 февраля 1943 года ранен второй раз. После госпиталя откомандирован в танковые войска. Наводчик орудия танка «КВ». Участник Курской битвы и танкового сражения 12 июля 1943 года под Прохоровкой.

В конце 1943 года с Букринского плацдарма на Днепре направлен во второе Саратовское танковое училище. После окончания – младший лейтенант, командир танкового взвода. В октябре 1944 вступил в ряды КПСС.

В 1949 году окончил высшую офицерскую школу самоходной артиллерии.

В 1959 году – академию бронетанковых войск имени Сталина.

В 1970 году – окончил курсы командиров дивизий при академии им. Фрунзе.

Службу прошел на командных должностях – от командира отделения до заместителя командующего войсками Туркестанского военного округа.

Дважды исполнял интернациональный долг. В 1967 – 1969 гг. с должности заместителя командира дивизии, начальника штаба дивизии назначен советником начальника Генерального штаба вооруженных сил Йеменской Арабской Республики.

В 1977 – 1980 годы направлен главным военным советником в Народную Республику Мозамбик, где в сложной военно-политической обстановке успешно решил поставленные задачи.

В 1981 году по состоянию здоровья уволен из Вооруженных сил в отставку.

Черевко А. К. издал книгу «Военный гений России», за которую присуждена премия АРК. Он также является почетным членом Академии наук Крыма.

ОТ АВТОРА

Сегодня определенные политические круги пытаются нивелировать значение победы Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне.

Получая определенные заказы с запада, фальсификаторы истории, предатели и изменники Родины, такие как Резун (Суворов), Бунич, Мухин и другие, поднимают новую волну клеветы и лжи на наш народ, на Советскую Армию, ее полководцев и, прежде всего на маршала Г. К. Жукова.

Поэтому я решил выступить против этих предателей в защиту правды об истории ВОВ и, прежде всего, в защиту нашего лучшего полководца Второй мировой войны – Георгия Константиновича Жукова, о котором я написал в книге «Военный гений России». Эта книга отлично принята нашими читателями, которым надоела клевета всяких подонков, восхваляющих Гитлера, немецких генералов и очерняющих советских полководцев, блестящих стратегов, отправивших в небытие всех этих хваленых фашистов.

Но наше героическое поколение, разгромившее фашистскую Германию и спасшее весь мир от этой проклятой чумы, после войны решило еще одну историческую задачу – оно разрушило колониальную систему современного империализма. Многие страны, томившиеся под гнетом колонизаторов, при помощи Советского Союза, его советников и специалистов получили свободу и независимость. В мире возрос авторитет нашего государства.

И вот сегодня появились новые подонки, клеветующие на Советский Союз, на наших военных специалистов – интернационалистов. Они нагло врут, всячески оскорбляют их, прославляя американцев.

В книге «Не объявленные войны СССР» автор И. Дроговоз, с сомнительной биографией, утверждает в разделе Мозамбикский фронт: «...в Мозамбике появились советские военные специалисты, пытавшиеся создать боеспособные силы, могущие противостоять внутренним и внешним врагам. Но, как и повсюду в Африке, эта задача была практически невыполнимой. Несмотря на усилия многочисленной армии «воинов-интернационалистов», переломить ситуацию так и не удалось». Дроговоз врет, давая оценку всей Африке. В Мозамбике, в ходе боевых действий против банд колонизаторов, мы создали прекрасные национальные вооруженные силы.

Я, генерал Советской армии, решил написать правдиво и подробно о работе наших интернационалистов в Йемене и в Мозамбике, которую я возглавлял. Но когда я принял такое решение, мне мой сын Игорь и мои друзья посоветовали описать весь свой боевой путь, рассказать о моем отношении к солдатам, о заботе о них. Исполняя интернациональный долг, мы рушили, повторяю, колониальную систему империализма, освобождая народы от страшного гнета. В памяти народной навечно останутся немеркнущие страницы великого подвига, массового героизма, высокой морали. Будем же хранить верность воинской славе наших отцов и дедов.

Глава первая

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

На Украине, в Полтавской области, Хорольском районе есть деревня Вергуны. В 1908 году по деревне прошел слух, что правительство России приняло решение о заселении Дальневосточного края желающими жителями Украины.

Мой дедушка, Черевко Иван Иванович, и его семья из 5 человек, жили бедно. Вот они и решились на переселение, проводившееся за счет государства. Дедушка рассказывал мне, что когда вся семья со своим скарбом разместилась в товарном вагоне, у него в кармане было всего 40 рублей денег.

Товарный состав с переселенцами шел через всю Россию и через месяц прибыл на станцию Хорватово на юге Приморского края, недалеко от Маньчжурской границы, где и последовала команда выгружаться. Старшим эшелона переселенцев был Лука Вакуленко. Он должен был организовать переезд переселенцев к месту будущей деревни. Всех погрузили на телеги, которые были поданы встречающими. Проехали километров 40 и остановились. Места красивые: справа целинные поля, простирающиеся до западных отрогов Сихотэ-Алиня, а слева — ровный луг, покрытый пахучими травами. В конце луга, на горизонте — Синие горы, по ним проходит граница с Маньчжурией. По лугу, в двух километрах от будущей деревни, течет тихая речка Мо, впадающая в озеро Ханка. В озере полно рыбы: сом, сазан, карась, красноперка и всякая другая. Такая же рыба и в этой реке, и в ее заливах.

Полевая дорога, идущая между полем и лугом, на которой остановился обоз, и стала первой улицей будущей деревни. Рядом разбили параллельно еще одну

улицу. Определили каждой семье место для дома и площадь для огорода и сада. После этого дали команду рыть землянки. В этих землянках они должны были жить, пока не построят дома. Но для постройки домов нужны были лошади, чтобы из тайги вывозить бревна. Кто приехал с деньгами, тот с ходу решал эту проблему. А у моего дедушки денег не было. Поэтому он с младшим сыном Костей – будущим моим отцом, пошли в соседнюю деревню Поповку и нанялись на работу пастухами. Два года пасли стадо коров жителей этой деревни.

Деревня была расположена в сопках. Кроме этого у них появился еще и другой заработок, который сыграл решающую роль. На южных отрогах хребта Сихотэ-Алинь, в Уссурийской тайге растет драгоценный корень Женьшень. За ним было много охотников, которые хорошо знали, где он растет и успешно его добывали. Охотились за этим корнем и китайцы, и хунхузы (китайские бандиты из Манчжурии). Когда охотник находил корень, то стерег его до тех пор, когда уже будет выгодно продать, только после этого выкапывал. Затем укладывал корень в специальную коробочку, сделанную из коры бархатного дерева, но уйти далеко ему не удавалось: его убивает охотившийся за ним хунхуз. Но убийце не везет: его убивает третий охотник, который уносит добычу из тайги.

Мой дедушка со своим сыночком Костей пасли стадо коров в этих же сопках, кое-что узнали о женьшене и начали его искать. За эти два года они стали хорошими знатоками и добытчиками. Добытый корень дедушка сдавал в Торгсин в городе Уссурийске. За вырученные деньги купили пару лошадей и зимой вывезли из тайги бревна на постройку дома. Дома строили из бревен в сруб. Для покрытия этих домов Россия закупила у США оцинкованное волнистое кровельное железо, которое в то время поставлялось в город Владивосток, а оттуда к месту строительства деревень.

Построили два дома: один для дедушки, а второй, рядом, для его старшего сына Ивана, который уже

был женат. Деревню называли Лукашевка, по имени Луки Вакуленко, который возглавлял эту группу переселенцев. Вот в этой новой деревне в Хорольском районе Приморского края, в доме бабушки, 27 мая 1923 года и появился я на белый свет. Люди на новых землях зажили хорошо. Построили добротные дома, обзавелись скотом. Пахали и сеяли, охотились и ловили рыбу. Так было до 1914 года.

А когда началась 1-я мировая война, а потом, после свержения царского самодержавия – гражданская, жизнь ухудшилась. Обстановка в эти годы в Приморье была очень сложная. Колчак со своей контрреволюционной армией старался подавить советскую власть. Создавались банды белых, защищавшие свергнутый царский режим. Во Владивостоке высадились японские войска и оккупировали Приморье...

Партия большевиков и советское правительство принимали решительные меры по разгрому контрреволюционных сил. Кроме молодой Красной Армии активно участвовали в боевых действиях партизанские отряды. Моему отцу, Константину Ивановичу, шел двадцатый год, моей матери Зинаиде Карповне – семнадцатый. Она была красивая, отец был в нее влюблен, собирался жениться. Двоюродный брат матери, Марко Решетников был членом большевистской партии, центр организации находился в городе Хабаровске. Решетников воевал в первую мировую, хорошо был подготовлен в военном и политическом отношении. Поэтому его назначили командиром партизанского отряда, сформированного в том районе, где они жили.

Родной брат матери, Степан Тищенко, сразу ушел в его отряд. В этом отряде была группа пехоты и группа кавалерии. И когда мой отец делал матери предложение выйти за него замуж, она сказала: «Я за тебя, Костя, выйду замуж только тогда, когда ты тоже пойдешь в партизаны. Воевать за советскую власть. Вон наши хлопцы все в партизанах, а ты тут баклуши бьешь». Вскоре отцу прислали повестку в армию колчака. У ворот уже стояла телега с новобранцами. Отец

с этой повесткой выскочил через тыльное окно дома и ушел в сопки. Прошло какое-то время — он вернулся домой. Узнав, что Решетников с отрядом находится в соседней деревне, сел на своего коня и отправился к нему в отряд. Они друг друга знали, и Решетников сразу назначил отца командиром кавалерийской группы отряда.

Мать рассказывала, что к этому времени в деревне не осталось молодых парней. Ночью в нее врывались белые банды, требовали от жителей продовольствия, а утром их из деревни вышибал отряд Решетникова. Заходили в деревню и японцы. Останавливались в домах жителей. Посредине красивой улицы, поросшей мелкой травкой, японцы на камнях устанавливали огромный чан и разводили под ним огонь. У жителей собирали молоко и наливали в этот чан. Подъезжал офицер с охраной, раздевался догола и принимал ванну в чане с нагретым молоком. А жители через щелочки плетеных изгородей смотрели на действо. И только в 1922 году японцев выгнали из Приморья, прицепив метлу к последнему вагону, который вез их во Владивосток.

Когда в деревню вернулся партизанский отряд, то отец поехал не к своему дому, а к дому матери. «И когда я увидела, как он легко соскочил с коня, седло блестит, конь гарцует, а отец с саблей на боку, стройный, крепкий, в брюках галифе и хромовых сапогах направился в наш дом, я сразу сказала себе: нет, я выйду замуж только за Костю», — рассказывала мама, хотя за ней в то время ухаживал и другой парень — гармонист. И вышла.

Свадьба была большой и красивой, вся деревня гуляла несколько дней. Вскоре во дворе дедушки поставили дом для молодых. Жили в разных домах, а хозяйство было общее.

В 1926 году появился на свет мой брат Володя. Мы росли больше в доме дедушки, так как бабушка Настя нас очень любила и баловала, пока я однажды не подпортил репутацию. Я с детства очень любил сметану, и нам в этом отказа не было. Но я считал, что насто-

ящая сметана — не в тарелке на столе, а в кладовке, в горшке. И когда бабушка была на огороде, я в кладовку с ложкой и с горшков снимал сметану. А чтобы она не поняла, что кто-то здесь хозяйничал, я, собрав три пальца в пучок, макал их в сметану и делал следы на полке между горшками. Когда бабушка их увидела, схватила всеми нами любимого кота и начала мутузить. Мне стало жалко кота, и я признался. Посмеялись, на этом все и закончилось. Но бабушка за эту проделку еще больше меня любила.

После победы советской власти, которую дальневосточники Приморья хорошо и радостно приняли, Марко Решетников был назначен начальником НКВД Гродековского района, соседнего с нашим. Часто заскакивал в Лукашевку, к своим родителям. Вся деревня его любила и с радостью встречала.

В 1927 году во время операции по разгрому банд хунхузов в своем районе он был убит. Это была тяжелая утрата для нас всех. В районном центре Градекова ему был поставлен памятник, который сохранился до наших дней.

Во время коллективизации в нашей деревне был организован маслосовхоз «Комсомолец». Появились какие-то уполномоченные, увели со всех дворов коров в общее совхозное стадо. Было много вопросов и слез матерей, дети которых остались без молока, и мы тоже плакали. Появились коровы и из других сел, в совхозе образовались три мощных стада. Летом коровы паслись на этом просторном цветущем лугу. А на зиму траву косили, сушили, сено метали в стога, и его хватало до весны. Надо было распахивать огромные поля, сеять зерновые, для этого нужна была техника.

В совхозе появились гусеничные трактора из США — «кателпилары». А затем из города Челябинска — трактора ЧТЗ, зерновые комбайны и автомобили ГАЗ. Вот так хорошо снабжали совхоз. Отец мой был назначен начальником гаража, где находилась вся эта техника. Он лично привел первый трактор со станции Хорватов в село. Вся деревня встречала этот трактор и ли-

ковала. Отец умело организовывал эксплуатацию и ремонт этой техники. Построил гаражи, ремонтную мастерскую... И когда его спрашивали: «Костя, а какое у тебя образование?», он отвечал: «Семилетка – три года в первом и четыре во втором!». Мать моя была более образована – закончила сельскую приходскую школу, и всю жизнь старалась учить нас. Она говорила: «Нам советская власть дала все для того, чтобы вы учились». И мы старались.

Когда совхоз заработал, каждый день в г. Уссурийск уходил «ГАЗ», нагруженный ящиками со сливочным маслом. Все, кто работал в совхозе, получали зарплату.

Совхоз построил начальную школу. Мы с удовольствием посещали ее и старались в учебе. Я 4-й класс закончил с похвальной грамотой. Каждую неделю из Хороля приезжала машина-кинопередвижка, и мы смотрели кино. Это был праздник. В школе появилась пионерская организация, мы носили красные галстуки. Это нас радовало и вдохновляло. Все мы понимали, что пришла новая Советская власть, которая изгнала помещиков и капиталистов. В деревне были два кулака – многие на них работали. Кулаков отвезли в Сибирь. Народ зажил свободно. Все трудились.

Во время сенокоса мы верхом на лошадях таскали копны сена к стогам, которые скирдовали мужчины. А в обеденный перерыв, изображая чапаевцев, верхом на конях мчались к реке, она была рядом, и там, в тихом заливе плавали на них. В конце сенокоса – весь луг – в стогах, а мы за работу получали по 100, а иногда и больше рублей. Город Уссурийск находился от нас в 80 км. Совхоз давал автобус, и мы ехали в город за покупками. Помню и мы с отцом поехали – он купил мне хорошее пальто за заработанные мною деньги.

Река Мо протекала по нашему лугу тихо, без перепадов, земляными обрывами и песчаными косами. Берега ее с обеих сторон поросли лозой и вербами. Весной из озера Ханка, в которое впадала река Мо, вверх по течению реки шла рыба на нерест: щука, сом, сазан.... В это время вода в реке прибывает, и

когда рыба уходила в верховье реки, — вода выходила из ее берегов, заливала луг до самой деревни и катила в озеро Ханка. Вместе с этим валом воды рыба шла обратно в озеро, мечая икру. Иногда сазаны выскакивали из воды на траву, затем, подхваченные водой продолжали нерест. Глубина воды на заливном лугу — по пояс, а чаще по колено. Все это длилось 2–3 дня. В это время вся деревня выходила на луг с острогой, а некоторые с вилами, и добывали так рыбу. Картина была захватывающая. Вода спадала, и это чудо природы прекращалось.

В остальное время мы эту рыбу ловили на переметы в реке. На косах втыкали палку, на которой был закреплен один конец шнура, наживляли крючки червяками, а другой конец шнура перемета с грузилом швыряли в реку. Это мы делали вечером. Забросив переметы, разводили костер и проводили у него всю ночь, отбиваясь от комаров. А на рассвете каждый из нас со своих 5–6 переметов снимал рыбу. Сом, как правило, длиной с руку, а чаще и больше. Сазан, карась, — результат всегда был. По мешку рыбы мы с трудом тащили домой. Почти всегда отец или дедушка встречали нас на лугу, на полпути, помогая донести улов.

На той стороне реки стояла корейская деревня с фанзами и узенькими улочками. Корейцы поселились там раньше русских. Они занимались рисоводством, сеяли чумизу и пайзу. Рыбной ловлей почти не занимались. Поэтому часто бывало и так: переметы ставили с той стороны реки, а ночь проводили не у костра, а в корейской фанзе на циновке. Рано утром мы снимали рыбу с переметов и заносили ее корейцам, а домой несли рис. Обмен был выгоден для обеих сторон. Но при этом была одна особенность — если вы зашли в корейскую деревню с собакой, то уходите без нее. И никакие поиски не давали результатов. Из-за этого были и конфликты, но в целом жили дружно.

Через Приморье проходит одно из направлений перелета диких гусей и уток. Весной — на север, а осенью — на юг. В основном охотились на гусей, которые шли большими косяками и часто через нашу деревню.

Издавая клекот, наши домашние гуси отзывались, и было немало случаев, когда дикие гуси садились во дворы или в огороды, чаще ночью. Отец умело охотился на гусей, и мы нормально питались дичью и рыбой. Мне он давал свою двустволку-централку. Мать всегда была против, но когда я возвращался невредимым и приносил гусей, то все успокаивались и были довольны.

В начале 30-х годов пришла беда. Не было дождей – началась засуха, и мы голодали. Спасали нас в основном охота и рыба, а отцу по партизанской книжке иногда давали мешок муки, которая называлась крупчатка. И те, кто сейчас на Украине с чужих голосов доказывают, что в те годы Россия устроила в Украине голодомор, это наглая ложь, рассчитанная на то, чтобы вбить клин вражды между русским и украинским народами. В те годы голодали не только в Украине, но и по всей России, в том числе и на Дальнем Востоке.

Скажу несколько слов об отце: когда он был еще мальчиком, однажды бабушка, его мама, дала ему пятак, чтобы он купил себе крестик. Тогда прямо на улице этой мелочью торговали китайцы, со своих ящиков, которые носили на коромысле. Когда отец подал ему пятак, китаец сказал: «Хороший ты мальчик, давай я тебе лучше за пятак погадаю». Гадание он закончил словами: «Ты проживешь долгую жизнь, у твоего гроба будут стоять два сына и две дочери». Шло время и как-то вечером все сидели дома и слушали маму, которая вслух всем нам читала книгу Майн Рида «Всадник без головы». Ее на нашей станции читали по очереди. Во время небольшой паузы отец рассказал нам о том, что ему когда-то наворожил китаец. В это время нас было двое – я и Володя, на три года младше меня. И я подумал: «Два сына уже есть, остались еще две дочери». В 1930 году, вскоре после этого, родилась Зоя. В 1933 году появилась на белый свет Клава. «Все! – подумал я, – китаец сказал отцу правду. Все сбылось». У меня это накрепко засело в памяти.

Когда моя учеба в 4-м классе подходила к концу, мать все время тревожилась и говорила отцу: «Надо с

этой деревни уезжать туда, где есть школа, где можно будет дальше учить детей». И отец уехал на Камчатку, где завербовался на работу. Через год, заработав деньги, вернулся. В городе Уссурийске купил дом, и в 1936 году мы туда переехали. Отец работал на железной дороге. Здесь я учился в пятом классе. Было очень тяжело после деревни приживаться в городе: все чужие, ходить в школу далеко, и я даже грозился бросить эту школу. Но вскоре закончилось строительство железной дороги от города Сучана к Японскому морю, где строился порт Находка. Между Сучаном и Находкой основана новая станция – «Боец Кузнецов». Отцу предложили работу стрелочника на этой станции. В 1937 году мы туда переехали. Построили новый дом, все обеспечила железная дорога. Но школа-семилетка находилась в селе Екатериновка – в 5 км от станции.

Места здесь очень красивые: южные отроги Сихотэ-Алиня, сопки покрыты уссурийской тайгой, слева скалы обрываются на сучанскую долину. По этой долине шириной до 5 км течет река Сучан с перекатами и впадает в Японское море около города Находка.

Река от нашей станции находилась в 1–2 км, но рыба здесь морская. На нерест идет навстречу воде, преодолевая перекаты. С весны – корюшка и красноперка, затем горбуша и семга, а осенью, наиболее массово, кета. Если семга идет парами, то кета косяками. Она идет в самое верховье реки, мечет икру и погибает. А через три года ее мальки возвращаются в море, вырастают и идут на нерест в эту же реку и так же погибают. Эту рыбу мы ловили специальным крючком, сделанным из зуба сенных вил, он монтируется на 2–3-метровую жердь с рукояткой на конце. Опускаешь его на дно, рыба идет навстречу струе воды и оказывается между крючком и твоей рукояткой, ее хорошо слышно, и в этот момент – резкое движение крючка на себя. Прокалываешь рыбу за что попало, вытаскиваешь на берег. Метод браконьерский, властями пресекался, но мы ловили, как правило, ночью.

В сучанской долине корейцы жили группами, а китайцы — в одиночку. Как правило, одна фанза огорожена высоким плетнем, поросшим лианами. Заходишь — чистый двор, под навесом — парники, жернова и другие принадлежности. В фанзе внизу два котла: в одном вода, в другом постное масло, в котором они готовят пампушки. Выше — земляной пол по всей фанзе, накрытый циновкой из рисовой соломы. Под ним — дымоход от печки с котлами идет через всю фанзу и выходит с другой стороны в высокую, из четырех досок, трубу, поэтому пол теплый. Стоит одна фанза в зарослях, и китаец один в ней. Ранней весной в парниках выращивает редиску, огурцы, помидоры. В двух корзинах на коромысле несет он свой урожай на станцию, но там мало кто покупает. Тогда отправляется в село Екатериновка, где стоял восьмой стрелковый полк, и жены командиров у них все разбирали.

Рано утром с рыбой мы идем домой по тропинке мимо фанзы нашего друга — китайца Вани. Он обычно в это время стоит у калитки — поджидает нас — и спрашивает: «Ашула (вместо Алеша), рыба есть?». Отвечаем: «Есть». «Заходи, пампушка будем кушать». Мы, за ночь намаившись, проголодавшись, всегда заходили. Одну-две рыбы оставим ему, за это он нас угощает пампушками. Они были очень вкусными, и мы с удовольствием заправлялись, а отдохнув, шли домой.

На другой стороне стояла фанза китайца Володи (такими именами они себя называли). Он жил один, но однажды мы узнали, что Володя привез из города Сучана русскую Машу себе в жены. В это время в Приморье говорили: «не хочешь работать — выйди замуж за китайца». Мы зашли к нему, нас было трое, дали рыбу, он поставил нам пампушки, мы, с удовольствием уплетая их, наблюдали такую картину: на теплой циновке перед китайцем Володей сидела Маша.

Нам было лет по четырнадцать, и мы еще не очень в Машах разбирались, но я заметил, что Маша сидя перед Володей, оголила свои красивые ножки выше колен и так их расставила, что китаец Володя не спус-

кал глаз с того места, где эти ножки сходятся. Он с нами разговаривал, а его глаза все время были в том потайном уголке, который Маша ему устроила. По всему было видно, что она знала, как нужно перед ним сидеть.

Володя высыпал кучу помятых денег, вырученных за торговлю. Задача Маши заключалась в том, чтобы выравнивать помятые деньги. Она это делала мастерски: клала помятую купюру на оголенную выше колена ногу и гладила ее пальчиками, иногда ногу поднимала или опускала. Володя выглаженные деньги складывал в пачку, считал их вслух, и, перебирая пальцами, поднимал голову вверх, с закрытыми глазами произнося нараспев: «Ига, Ляга, Сага, Суга, Уга, Люга, Чига, Пага, Туга, Шига» — десять. Пачку перевязывал красной тряпочкой, которую давала ему Маша. В фанзе вдоль стены стояли серванты с очень красивой посудой. На циновках — ковры и продолговатые, с закругленными углами, подушки. Некоторые китайцы кроме парников сеяли и мак. Из зеленых головок мака получали опиум. Этот наркотик продавали во Владивостоке. Все знали, что это преступление.

Кроме всех этих наших занятий, в которых я был лидером, у меня очень рано возникла тяга к живописи. Моя тетя по матери, Ульяна, будучи замужем за командиром подводной лодки «Щука», капитаном третьего ранга Гатовым Сашей, — жила во Владивостоке, но часто приезжали к нам на выходные дни отдохнуть. И она поощряла мои занятия живописью, привозила мне масляные краски, кисти, растворители. Мой отец, следуя ее указаниям, натягивал на подрамник холст, я его грунтовал и маслом писал репродукции с картин или открыток. Желание заниматься живописью было настолько сильным, что, когда брал в руки кисть и садился за холст, меня уже трудно было оторвать от этого занятия. Я полностью отключался. Все говорили — Алеша будет художником. Тетя узнала, что в Хабаровске есть институт, который готовит художников, и сказала мне: «Только закончишь 10-й класс — мы с тобой едем поступать в этот институт».

Но кроме этих занятий у нас были еще и другие. По вечерам, когда за окном завывала вьюга, отец очень интересно рассказывал нам о боях, в которых он участвовал, будучи в партизанском отряде Решетникова. И мы тоже решили повоевать. Я создал отряд «красных», Федька Шлыков – отряд «белых». И все эти эпизоды мы проигрывали в сопках, покрытых Уссурийской тайгой. Иногда и ночи проводили в тайге. Возвращаясь домой, получали нагоняй, особенно от нашей дорогой мамы. Она ночами не спит, беспокоится, а мы воюем. В Уссурийской тайге очень много всякого зверья: тигры, барсы и прочее, поэтому было небезопасно оставаться там на ночь. Мы залазили на огромный кедр и укладывались ночевать на его ветках. Когда к нам приехал Гатов с тетей Ульяной, мама им жаловалась, что Алеша с ребятами каждый день, а иногда и ночью играют в войну. И вспоминала, что перед Первой мировой войной наши ребята тоже много играли в войну, и что получилось? Вот и сейчас – наиграют войну. Опасения моей мамы подтвердились: через три года разразилась Вторая мировая война.

В 1937 году по решению советского правительства все китайцы и корейцы были организованно вывезены из Приморского края в Среднюю Азию. В целом русские и корейцы жили дружно. Одно время даже начальником станции «Боец Кузнецов» был кореец. Но мы, ребята, с корейчатами все время воевали. До реки Сучан от станции – 1–2 км. В летние жаркие дни мы с утра и до вечера проводили время у реки, купались. Купанье было оригинальным. Река имела земляные обрывистые берега, а против нашей станции были всего два песчаных пляжа. Мы приходили на пляж группой, раздевались и бросались в чистую воду.

Барахтанье в бурлящей воде, несущей нас вниз по течению, – огромное наслаждение, которое трудно описать. А метров через 100 – 200, там, где струя утихает, мы выходили на берег и по тропе вдоль реки бежали на свой пляж, чтобы снова броситься в этот сказочный бурлящий поток. Но когда приходили корейчата, мы их на пляж не пускали, и начиналась драка. И кто

одерживал победу, оставался на пляже. Побежденные уходили.

У нас на станции были две группы. Одну возглавлял я, а другую – Федька. У корейчат тоже было несколько групп. В группу входили до десяти человек. Чтобы захватить пляж и быть его хозяевами в течение дня, мы действовали по-разному. Иногда, в солнечные жаркие дни мы поднимались пораньше, и первыми приходили к реке. Появляются корейчата, мы их не пускаем, начинается драка за пляж. Иногда мы выходили по тропе и, не доходя до реки, делали в кустах засаду. Когда появлялись корейчата, мы внезапно нападали. Схватка заканчивалась их поражением, они разбегались или расползались по кустам.

Нам тоже доставалось, когда они были в большинстве. Бывало, мы приходим на пляж первыми, раздеваемся, одежду свою оставляем на песке, а сами ныряем в реку, которая уносит нас от пляжа вниз. Корейчата выждав этот момент, выходят на песок, становятся в одну шеренгу, руки назад, и стоят впереди наших шмоток. Чтобы их забрать и одеться, нужно убрать эту шеренгу. Вначале предлагаем мирным путем решить создавшуюся проблему. Как всегда, мирным путем это не решалось. Начинали они. Из их шеренги обычно выскакивает самый маленький, часто под носом сопли, но он дерзко подскакивает ко мне, я оказывался впереди, и своим плечом меня подталкивает и кричит – «На утари! На утари!». Шеренга, видя эту картину, наливается яростью. Лопается терпение, долбанешь этого сопливого задирану так, что он носом в песок воткнется, и начинается. Только песок и пыль столбом стоят над дерущимися пацанами. Кончается тем, что с побитыми до крови лицами, поцарапанными голыми телами (мы в трусах, они – одеты), расползаемся кто к реке, к воде – отмывается, кто под обрыв, в холодок, там отходит. А когда приходим домой, только дверь открыл – материнское чутье сразу срабатывает: «Боже мой! Опять эти корейчата!».

Не один раз родители обеих сторон собирались, обсуждали, нас предупреждали, но ничего не помогало — наша жизнь продолжалась, потому что она сама, эта жизнь, создала для нас такие условия. А мы росли и закалялись. Готовились к будущей нашей жизни и войне.

При очередном приезде к нам Гатов сказал: «Я вот тоже смотрю на Алешу и думаю, что из него, скорее всего, будет не художник, а хороший командир», ну и обосновал свои наблюдения. Вскоре прислал мне книгу академика Тарле «Наполеон» и сказал: «Изучай историю войн, так как жизнь человеческая на земле — одни войны». Я вцепился в эту книгу, и все, кажется, 53 войны, проведенные Наполеоном, не читал, а изучал. И до сих пор на память знаю многие эпизоды из этой книги. У меня сейчас книги Тарле нет, и я начало его книги привожу по памяти: «В 1769 году на острове Корсика, недалеко от города Аячеио, девятнадцатилетняя жена небогатого дворянина, занимавшего адвокатскую должность, гуляла в саду. Почувствовав родовые муки, она не успела вбежать в гостиную, как ребенок из чрева матери выпал на пол, так прибавилась семья Бонопарте». Сейчас некоторые спрашивают: кто одержал победу в битве при Бородино в 1812 году: Наполеон или Кутузов? Отвечаю словами Наполеона: «В ночь после битвы Кутузов приказал разжечь огни по всей линии фронта, а сам русскую армию организованно повел на Москву. Наполеону докладывают, что русские стоят. Тогда он к утру написал приказ: «Французы, вы побиты. Завтра на рассвете я даю новое сражение, пусть в нем погибнут все трусы, я буду командовать только храбрецами!». Вот и ответ на вопрос, что еще может быть яснее. Читая и другие книги по истории войн и военного искусства, я заинтересовался этой темой.

В 2006 году я легко написал книгу о Г.К. Жукове «Военный гений России», в которой защищаю нашего национального героя, лучшего полководца Второй мировой войны от нападений разных подонков, которые выполняют заказы из-за океана, клеветают на нашу

победу и на наших полководцев. Приписывают разгром фашистской Германии англо-саксам.

Занятия живописью я не оставил, пишу копии с картин Айвазовского и Шишкина, то есть я и маринист, и пейзажист. И эти истории войн и военного искусства, которые мне по профессии командира положено знать, и живопись, сопровождают всю мою жизнь. Без них она была бы пустой.

Вернемся к нашей станции «Боец Кузнецов». Здесь была только школа-четырёхлетка, а семилетка находилась в селе Екатериновка. И чтобы закончить семилетку, мы три года ходили в Екатериновку. Рано утром поднимались и пешком, через два перевала, по таежной дороге километров 5 туда и 5 обратно. Справа — тайга, слева — скалы. Зимой было очень тяжело, летом легче. В хорошую погоду мы ездили на велосипедах.

Седьмой класс я закончил с похвальной грамотой. Откровенно скажу, я к учебе тянулся, учился отлично до седьмого класса включительно. После восьмого класса, который я закончил в районном центре, жил на частной квартире, где мне было плохо. Когда я закончил учебу, пошел работать. С каждым годом наш советский народ жил все лучше и лучше: все работали, обучение было бесплатным. Не было безработных и нищих, как сейчас. Мы все знали, что с каждым годом наша Родина становится богаче, строится много заводов, фабрик, лечение бесплатное.

Глава вторая

ВОЙНА

22 июня 1941 года на нашу Родину напала фашистская Германия. Эта коричневая чума собрала всю Европу и повела на Восток, чтобы уничтожить новый социалистический строй в нашей стране, завоевать наши богатства, а нас, советских людей, превратить в рабов. На второй день начала войны из всех репродукторов зазвучала новая песня «Священная война» (композитор Александров, слова поэта Лебедева-Кумача). Слушая полные тревоги слова:

*«Вставай, страна огромная,
вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
с проклятою ордой!»,*

я понял, что наше спасение в смертном бою.

1 октября 1941 года я получил повестку и, под слезные проводы всей семьи, отправился на сборный пункт в город Находка. Оттуда мы, уже в товарных вагонах, ехали через нашу станцию в сторону Владивостока. На нашей станции поезд пошел на проход, я увидел мою дорогую плачущую маму и понял, что всех я вижу в последний раз.

Я всегда помнил того китайца, который отцу наворожил, что у его гроба будут два сына и две дочери. К 1941 году произошли следующие изменения в составе нашей семьи. В 1938 году родилась девочка Валя, и дочерей стало три – одна из них должна уйти. Когда Вале исполнился год, она заболела и умерла. Все стало на свои места, но в 1940 году родился мальчик – Борис. Нас, ребят, стало трое. Кто-то из нас троих должен был уйти.

И когда маме и всем, кто провожали меня, я махал рукой из вагона, уезжая на войну, то был уверен — уйду я. И как-то с этим смирился. А на войне пулям особо не кланялся.

Наш эшелон с призывниками 3 октября 1941 года прибыл на станцию Шкотово. Выгрузились. В старом военном городке сформировалась 253 отдельная курсантская стрелковая бригада. Почему курсантская? Я и сам не знаю. Видимо, потому что она формировалась только из молодых ребят. Поскольку командных кадров не хватало (они были выбиты перед войной, как враги народа), то командиром бригады был назначен капитан первого ранга Бабенко, которого сняли с Тихоокеанского флота. И всем нам было понятно, что этот капитан первого ранга просто не знал, что ему с этой бригадой делать. Командир роты, старший лейтенант Бигачев, меня как-то сразу заметил и назначил командиром отделения. Я добросовестно исполнял свои обязанности.

Напряженная учеба: тактика, стрельбы, штыковой бой, марш-броски на стрельбище (12 км туда и обратно), «конница слева», «конница справа» при входе в городок. Команда «Запевай!». Песня «Священная война» в строю. С тех пор я люблю эту песню и считаю ее гимном Великой Отечественной войны.

В начале марта 1942 года бригаду подняли ночью по тревоге, мы совершили марш-бросок до станции Смоляниново, в 18 км от Шкотово, назад к Находке. Там стояли товарные вагоны, нас с ходу рассчитали по вагонам с двухъярусными нарами. Окна и двери закрыли и приказали без команды не открывать. Ночью двинулись, прошли в Шкотово без остановки. Эшелоны нашей бригады шли друг за другом. На десятые сутки мы оказались в районе Воронежа. На перегоне в лесу остановка и команда «Выгружайся!». Мы совершили ряд переходов в западном направлении навстречу наступающим немцам.

В начале апреля на рассвете развернулись в линию батальонных колонн, затем в боевую линию и атаковали деревню Склеяво. Без танков, без артилле-

рийской поддержки. Немцы оказали сильное сопротивление, и мы залегли. Появились бомбардировщики с крестами на плоскостях и начали сбрасывать на нас бомбы. Я хорошо видел, как они отрываются от самолета и летят, как мне казалось, прямо на меня. Тогда я впервые услышал разрывы бомб рядом. Закопыхалась земля, потемнело, все сыпалось прямо на меня. Раздалась команда командира роты «Закопаться!», и бригада перешла к обороне. Я, хотя и неопытный еще командир отделения, сразу понял, что этот бой был крайне неорганизован, что так воевать нельзя. Затем нас перебросили на другой участок, сменили какие-то части, оборона которых в инженерном отношении была оборудована хорошо: траншеи в полный рост, впереди минные поля, проволочные заграждения, а дальше мы ее совершенствовали. Немцы перешли в наступление в направлении Воронежа. Впереди шли танки, за ними пехота, била артиллерия, сверху – авиация. Мы поняли – вот она, настоящая война.

У нас были противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Первые их атаки мы отбили. Два дня в тяжелой обстановке мы удерживали наши позиции. Горели немецкие танки, немало и фашистов перебили. Я чувствовал себя нормально – бойцы отделения как-то сразу приняли меня как командира, и мне было легко. Находясь в траншее, мы должны были пропустить через себя немецкий танк и швырнуть бутылку ему прямо на моторное отделение, она разбивалась, и танк загорался. Иногда танки от нас уходили горящими, а иногда экипаж тут же выскакивал, и мы его расстреливали. Все это происходило в огне, в дыму, в грохоте войны. Я не испытывал большого страха и старался подавать пример воинам отделения. Немецкую пехоту мы подпускали поближе, у меня был автомат «ППШ», и после каждой очереди по фрицам я менял позицию, и снова очередь.

На третий день слева от нас наши танки и пехота контратаковали наступающих немцев. Завязался бой, нам дали команду отходить, потому что немцы справа прорвали нашу оборону. Самый тяжелый вид боя –

это отступление. Отступали мы до Дона, деревни обходили, шли в основном по полям и лесам. Командир роты связи с батальоном не имел. Как-то днем появился наш «У-2» и высыпал листовки с текстом: «Советские воины, организованно отходите в этой полосе за Дон, там для вас подготовлены оборонительные рубежи!».

Вышли к Дону, южнее Воронежа. На берегу какие-то строения, от которых потянуло запахом свежеспеченного хлеба. Мы – голодные – туда. Стоит с винтовкой часовой, нас не пускает. Мы его тут же обезоружили и начали хватать еще теплые булки хлеба, так и перекусили. Кое-кто несколько булок сунул и в вещмешок. Спустились к воде, и на чем попало, в одежде, автоматы за спину, поплыли на тот берег. Дон тихий, далеко не сносил. Я переправился на сухой коряге. На том берегу назначили нового комбрига. Он со штабом собирал отходящие подразделения и отправлял их на оборудованные позиции.

В нашем батальоне был отдельный взвод автоматчиков. Меня вызвали в штаб батальона и назначили заместителем командира этого взвода, присвоили воинское звание «старший сержант». Это самое активное и элитное подразделение в батальоне. И здесь продолжалась наша боевая жизнь. Оборонялись и наступали. Из района Каротояна перешли в Воронеж. Когда немцы пытались его взять, мы зажали их в районе железнодорожной станции и дальше не пустили. Затем бригада ушла из Воронежа на юг в район Донская Нигючевка. Там в июле 1942 года после артподготовки атаковали немецкие позиции. Первыми из траншеи выскакивают сержанты. Так было и здесь. Я, заместитель командира взвода автоматчиков, выскочил первым, левой рукой поднял автомат, а правой махнул и закричал «Ребята, вперед, за Родину, за Сталина!». И в этот момент немцы открыли минометный огонь. Одна мина разорвалась рядом.

Сильный удар осколком в левую руку с автоматом, чуть выше кисти. Автомат выпал из руки и ударил меня по голове, я упал. Слышу – в левом сапоге хлю-

пает кровь, в левой руке торчит осколок. Я его выдернул из кости и увидел голубую кость руки с дыркой от осколка. Осколок был горячий, с руки текла кровь. Второй осколок – в левую ногу выше колена. Дырка в брюках, течет кровь и острая боль в ноге. Подоспел санитар, снял сапог, разрезал штанину, перевязал рану, сказал – осколок в ноге, перевязал руку и – в медсанбат бригады. Там из ноги вытащили осколок, обработали рану в руке, сказали «Отдыхай здесь, в госпиталь отправлять не будем».

Я три недели в медсанбате залечивал свои раны, а затем снова в строй на свое место. В июле 1942 года командир моего взвода лейтенант Цветков был тяжело ранен и меня назначили командиром взвода автоматчиков. Командир бригады требовал от нашего командира батальона майора Герасимова установить номер немецкой части, занимавшей оборону в нашей полосе. Она была новая. Попытки разведывательного взвода захватить языка успеха не имели. Командир батальона и его заместитель по политчасти вызвали меня и говорят: «Алеша, надо языка» (Так по-свойски меня звали, потому что мы все были с Дальнего Востока). Операцию решили провести в малоохраняемом немцами овраге. Вершина оврага начиналась у немцев, и дальше он расширялся, спускался в нашу сторону. Недалеко от его вершины проходил немецкий передний край, а внизу – наша первая траншея. Овраг был опутан нашими и немецкими проволочными ограждениями, заминирован. И на него немцы мало обращали внимания.

Наши саперы хорошо подготовили эту операцию. Расчистили в наших и немецких ограждениях проход, который выводил нас к переднему краю у вершины оврага. Поставили артбатарейку 76-мм пушек, прикрывающую место наших действий, на прямую наводку. Создали группу прикрытия. Группу захвата возглавил я, со мной еще двое. К ночи нам повезло: пошел дождь. Немцы прекратили ракетами освещать наш передний край, укрылись от дождя в блиндажах.

И мы быстро преодолели заграждения и немецкую траншею. Поползли в глубину. Вскоре наткнулись на немецкий кабель, перерезали его, и концы кабеля потянули в находящуюся рядом воронку. Через несколько минут немец с кабелем в руке бежит, согнувшись, к месту разрыва связи. Не успел опомниться, как оказался с кляпом во рту и связан. Положили на плащ-палатку и потащили. Он был молодой и не сопротивлялся. Немцы, видимо, нашу возню слышали, забеспокоились. Начали пускать ракеты в нашу сторону. Батарея открыла огонь по этим ракетчикам, мы удачно проскользнули через их передний край и благополучно доставили языка в наш штаб батальона. Это был подвиг, как мы сейчас понимаем. А тогда, в 1942 году, плохо награждали. Но все-таки меня наградили первой медалью «За отвагу». Даже в бригадной газете напечатали.

После разгрома немцев под Сталинградом и наш Воронежский фронт тоже перешел в наступление на Курск. Наша отдельная стрелковая бригада была передана 38-й армии Москаленко. Перед наступлением меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). Я был уверен, что меня убьют, и хотел, чтобы моей матери сообщили: «Ваш сын пал смертью храбрых, коммунистом».

Наступление началось в декабре 1942 года. Западнее Воронежа были окружены несколько немецких дивизий, развивалось наступление на запад. Зима — декабрь. Советские войска были хорошо одеты. На бриджи и гимнастерку надевали ватные брюки и фуфайку, валенки с шерстяными портянками, сверху шинель и шапка-ушанка с шерстяным подшлемником. Сверху — белый маскхалат и теплые рукавицы. Я, например, в траншее занесенный снегом спал. Немцы одеты плохо — легкая шинель, пилотка, закутанная женским платком голова, на ногах — ботинки и плетеные, соломенные эрзац-валенки, поэтому они оборонялись только в населенных пунктах; а между ними поля, снег по колено. Сюда немцы не высывались и можно было дойти до самой Германии.

Батальон наступает вдоль дороги, подошел к деревне — атака. Немцы отбивают. Тогда комбат Герасимов вызывает меня и командира взвода разведки, старшего сержанта Польских, и ставит задачу «Обойти деревню слева, другому — справа, и атаковать ее с тыла!». Тяжело было по залежалому снегу идти, но мы это делали сравнительно легко, к рассвету выходили, и с тыла били немцев, деревню брали и дальше по дороге наступали.

Заслуживает внимания случай в г. Нижнедевицке — два дня бились с фронта, город взять не смогли. Тогда я получил приказ: со взводом автоматчиков обойти город по полям и к рассвету выйти на дорогу, идущую из города на станцию Нижнедевицк. Снегу было много, но мы вышли вовремя и перехватили эту дорогу, и в снегу от очищенной дороги мы сделали засаду. Рядовых пропускали, а когда появилась легковая машина, несколько коротких очередей, и она воткнулась в снег. Вытащили шофера и майора — оба были убиты. Быстро обшарили, забрали все документы. Развернули машину поперек дороги и опрокинули ее. По дороге с тыла пошли в город, попадавшихся нам немцев уничтожали. Мы действовали по двум параллельным улицам. Стрельба русских из автоматов в тылу немцев приводила их в ужас.

Около одного из домов стоял немецкий мотоцикл, в его кожаных карманах было полно советских денег, как сейчас помню — красные тридцатки. Вышла из дому бабуся, я ее спросил: «Давно этот мотоцикл и где его хозяева?». Она мне: «Все вон в том погребе». Мы их в этом погребе вначале хотели забросать гранатами, а потом решили вытащить. Мы им подали команду, и они под дулами наших автоматов начали выходить. Их было 7 человек. Один из них на меня плохо посмотрел: я достал свой парабеллум и тут же всадил ему пулю в лоб. Мы ненавидели их за все преступления, убийства наших матерей и детей, поэтому я построил их в шеренгу и каждому из них пустил пулю в лоб. Мы только отошли — наши женщины тут же их раздели. Деньги мы забрали и потом

сдали в штаб батальона. Когда мы в городе подняли стрельбу, наши подразделения перешли в наступление, и немцы заметались.

К исходу дня город был освобожден. В центре города, на бугре стояла школа. Немцы разместили госпиталь, а перед тем как уйти из города они всех своих раненых перестреляли и с кроватей стащили в кучу посреди класса. Когда наше командование вошло в город, кто-то замполиту батальона доложил, что я расстрелял пленных немцев. Я его спрашиваю: «Где комбат, — чтобы доложить ему о выполнении задачи», а замполит, вместо благодарности начал меня мутузить: «Почему вы расстреливаете пленных немцев?» — «Потому что это война, а они — наши заклятые враги. Потому что у меня не было специального конвоя, который бы караулил в тылу у немцев этих пленных. Был только один выход — расстрелять. А потом вы же сами сколько раз призывали нас: «Убей его, иначе он убьет тебя!». Я выполнил ваши требования». Он махнул рукой и ушел, а командир батальона сказал: «Вы большие молодцы, здорово сработали», и приказал представить к правительственным наградам, меня наградили второй медалью За Отвагу». Мы начали наступление 5 декабря 1942 года. Весь декабрь и январь 1943 освобождали нашу землю и наших людей. Шли на запад. Боевой дух был высокий, настроение отличное. Действовали активно и били фашистских извергов по-настоящему.

При подготовке этой наступательной операции маршал Г. К. Жуков требовал от командиров всех степеней активных действий. Обходить очаги сопротивления противника, смело выходить на его тылы, перехватывать пути отступления и громить в тылу.

В феврале 1943 года была организована группа из нашего батальона в составе: взвода автоматчиков, взвода разведки. Возглавил эту группу командир батальона Герасимов. И при нем группа пулеметчиков из 10 человек с пятью ручными пулеметами и патронами. Комбат вызвал меня и командира взвода разведки, положил карту и сказал: «Готовьтесь, идем в тыл на

лыжах. Задача: выйти к деревне Быково, от нее, в 2 км, деревня Марьино, она двумя улицами упирается в главную магистраль Касторное – Курск. По этой магистрали на запад отступают немецкие войска, нужно перехватить эту дорогу и все, что по ней движется, заворачивать в Быково». «Ты, – сказал он мне, – при выходе к Марьино будешь действовать по левой улице, – он показал на карте, а Польских – по правой. Между улицами – заболоченная речушка и т.д.». Заполнили вещмешки патронами и сухарями, автоматы за спину, стали на лыжи и пошли.

Не буду писать о наших блужданиях, они были, но четвертого февраля мы вышли на окраину Быково, около крайней хаты стояла немецкая кухня, и повар что-то черпаком мешал в котле. Подскочили к нему, он поднял руки. На наши вопросы ответил, что здесь только тыловые подразделения, показал где. С ними было быстро покончено. И пошли вперед на Марьино – главный объект поставленной задачи. Выскочили мы на свои улицы и сразу услышали голоса на магистрали, погоняющие лошадей. Атаковали. Но на пути – препятствие.

Немцы, освобождая дорогу от снега, сделали по ее бокам высокие стены из снега. И чтобы повернуть на улицу в Марьино лошадей с груженными санями пришлось эту стену разнести, и лишь через некоторое время мы повернули в Быково. Седоки выскакивали из саней и ныряли в снег, бежали в поле. Это же делали и разведчики на правой улице, а затем передали: «Саней нет, идут трактора и тянут сани, груженные каким-то грузом». Все повернули в Быково, потом все стихло. Их было больше десяти. Немцы поняли, что в тылу – русские и вместо саней к вечеру направили боевые части и с ходу атаковали правую улицу, подожгли крайние хаты. Разведчики начали отходить, но сопротивлялись, немцы следующую хату подожгли, потом атаковали следующую улицу, и завязался бой. Преимущество было на вражеской стороне. Комбат приказал отходить на окраину Марьино. Мы отходили, ведя бой за каждую хату. На ука-

занном рубеже мы только утром 5 февраля соединились со взводом разведки. Там выгодные позиции заняли наши пулеметчики, и мы немцев остановили. Часов в 9 утра, получив удар в голову, я свалился, потеряв сознание. Очнулся в хате в Быково. Лежу на земляном полу на соломе, слева и справа раненые, у меня голова забинтована. Подошел комбат, высказал сожаление и сказал: «Ничего, наши наступают и скоро будут здесь».

Я хотел что-то сказать, но не смог — сильно заикался. А он говорит: «Ничего, Алеша, будешь жить. Такие дальневосточники, как ты, не погибают». На другой день нас, раненых, уже автобусом, потом поездом везли, и я оказался в госпитале города Липецка. Пулевое проникающее ранение в левую полость головы. Выжил. Заикаться перестал. Домой написал. В госпитале познакомился с командиром танка «Т-34» Николаем Курочкиным. Когда я ему рассказывал про свою пехоту, он это все воспринимал с трудом, а потом: «Всё с этой пехотой, пойдем в танковые войска!».

В команде выздоравливающих — танкистов 12 человек, Курочкин вписал меня тринадцатым. Приехал капитан-танкист. Построил, проверил по списку, и увезли нас в 14-й учебный танковый полк Воронежского фронта, недалеко от города Липецка — Сырские рудники. Шел апрель 1943-го, грязь. А я, выходя из госпиталя, получил все то, с чем пришел в него. Мне выдали мои валенки, в которых я прошел от Дона и почти до Курска, протоптал в них дыры. Я заложил дыры щепками — они еще больше их прорвали. Выдали мою шинель и шапку с двумя пулевыми дырочками и засохшей кровью.

Привез нас капитан в этот полк и разместил сначала в карантине. Одноэтажная казарма, барак. Там уже были человек 15 и нас 13. Старшина карантина, который на войне не был, построил нас всех на обед. И с началом движения скомандовал — «Запевай». Строй идет молча. Запевалы в строю нет, да и песню строй не знает. Старшина командует: «На месте!». Кое-кто начал топтаться на месте, а я стоял и его команды

не выполнял. Он это заметил и крикнул: «А вы, старший сержант, почему не выполняете мою команду?». Я ему в ответ: «Хватит издеваться». Он на меня прикрикнул, а я послал его на три буквы, и, выйдя из строя, направился в казарму, отказавшись от обеда. Он мне: «Я вас арестовываю на двое суток». Я: «Вы не имеете права». Он повел строй в столовую, а я пришел к этому бараку, у стенки которого сидели бабуси и продавали ряженку, лепешки... Денег у меня не было, зато на обеих руках и в двух карманах у меня были немецкие часы – трофейные. Я снял с руки часы, как сейчас помню, с розовым циферблатом и предложил их купить.

Одна из бабушек тут же заплатила названную сумму (она была минимальной). Я купил сметану, лепешку, хорошо перекусил и пошел в казарму. Когда группа пришла с обеда, меня вызывают к капитану – начальнику карантина. Я прибыл. Он: «Вы, старший сержант, не выполнили приказ старшины, и я наказание двое суток ареста утверждаю». Я стоял перед ним, слушал его приговор, а когда он закончил, я попытался поднять ногу и показать дырку в валенках и ногу в грязных портянках. Он: «Прекратите эту комедию, а то я вам еще добавлю, уведите его на гауптвахту». Сзади меня стоял этот старшина. Он повел меня с повязкой на голове (у меня еще рана сочилась, я раньше попросил выписать меня из госпиталя из-за этих танковых войск).

Гауптвахта находилась рядом – это была проходная будка у ворот дровяного склада. Я там на стенках прочитал все надписи и подумал: «Ну зачем мне эти танковые войска? В пехоте я был командиром взвода автоматчиков, активным военным этой страшной войны. А тут сделали из меня арестанта. Старшина арестовывает старшего сержанта, это беззаконие. Произвол в том, что капитан утверждает это беззаконие. Вернусь я в пехоту, зачем мне такие танковые войска?! А куда вернусь? Где эта моя бригада дальневосточников? Кто меня туда направит? Зачем я пошел сюда?!». Подвергаясь этим тяжелым раздумьям, я двое

суток просидел в этой будке. Скажу, что за свою сорокалетнюю службу в Советской армии я имел только это единственное взыскание.

Когда меня привели к капитану, то уже там из наших никого не было. Все отправлены в учебный полк. Он дал мне записку и сказал: «Идите в первую учебную роту к старшему лейтенанту Гурову». Мой Курочкин тоже прибыл в эту роту. В учебный взвод командиров тяжелых танков «КВ». А Гурову сказал, что там из гауптвахты придет наводчик орудия, что мы с ним из одного экипажа. Гуров: «Да тут и своих разгильдяев хватает». Курочкин ответил: «Он не разгильдяй, он хороший вояка». Когда я прибыл к старшему лейтенанту Гурову в канцелярию, он предложил снять шинель и сесть. Он сразу понял: перед ним не разгильдяй, а старший сержант с повязкой на голове, с двумя медалями «За отвагу» на груди. Начал он с вопроса: «За что оказался под арестом?». Я ему все подробно рассказал и показал, как в дырках валенок шевелятся в грязных портянках мои пальцы. Сказав, «Ясно», крикнул в каптерку, которая находилась за стенкой: «Кожевников, подбери сапоги 42 размера». Тот отвечает: «Есть, но хромовые». Гуров: «Давай сюда». Вызвал медсестру и с нею отправил меня в баню, сказав ей внимательно отнестись к этому отважному танкисту и с повязкой разобраться. А мне велел потом прийти к нему.

После бани Кожевников выдал мне новое летнее обмундирование, а главное, я после этих страшных валенок надел чистые носки и сунул ноги в хромовые сапоги. Сестра сменила повязку на голове — сделала ее облегченной, и я пошел к командиру роты. Я оценил его заботливое отношение, он мне сразу понравился. На войне он не был и много расспрашивал меня, как я там воевал. Врать я не мог и решил признаться, что никакой я не танкист, а настоящая пехота, командовал взводом автоматчиков, что я кандидат в члены партии и т.д., а на этой гауптвахте решил вернуться в родную пехоту. Гуров: «Нет, теперь ты будишь танкистом. Мы из тебя сделаем хорошего наводчика орудия танка «КВ».

Учебный взвод уже сформирован, и ты будешь заместителем командира этого взвода наводчиков орудия». Я попытался возразить, что мне лучше быть рядовым, так как танка я не знаю, я только в атаку ходил за танком, прикрываясь от вражеских пуль и осколков. Он: «А теперь весь взвод будет тебе помогать в изучении танка, все!». Я поблагодарил его за оказанную честь и приступил к исполнению обязанностей. За два месяца я отлично изучил боевое отделение, оружие, пулеметы, боеприпасы и стрелял лучше других танкистов.

В июне 1943 года прибыл в полк генерал с группой офицеров и тут же был сформирован 202-й отдельный тяжелый танковый полк прорыва в составе 4-х танковых рот «КВ». В каждой роте по 5 танков и 2 танка командования полка. В полку 22 танка. Мне показалось, что это очень мало. Построили нас по экипажам, я оказался в экипаже командира первой танковой роты старшего лейтенанта Александра Гурова. Вынесли и знамя полка. Говорили речи. Надвигалась битва на Курской дуге. Танки мы получили на одной из ремонтных баз. Они при отступлении наших войск в 1942 году были затоплены в болоте. После освобождения их вытащили и поставили в строй. Полк сосредоточился в лесу, недалеко от станции Чернянка, рядом с речкой. Командир полка был полковник Зырянов. Занимались мы освоением техники и тактикой прорыва обороны противника. 5 июля 1943 года уже загремела битва на Курской дуге.

11 июля 1943 года утром в наш лагерь на коне прибыл майор от маршала Василевского. Тут же объявили тревогу. Полк вытянулся в колонну с задачей совершить форсированный марш к станции Прохоровка. До нее, по прямой, – 80 км, по дороге гораздо больше. Пошли по прямой и во второй половине дня были под Прохоровкой. На юго-западе, в 2–3 км от нее. Полк получил рубеж для обороны и приказ к утру закопаться в землю на скатах, обращенных к немцам. Боевой порядок – линия. Мы начали копать окоп для танка. Война дымилась и грохотала на горизонте, а к

вечеру передовые танковые группы немцев появились перед нами. Бросили копать и начали стрелять справа и слева нашего полка. Появились танковые части Т-34, оснащенные 85-мм пушками.

На наших «КВ» с десятисантиметровой броней стояла 76-мм пушка. Конечно, маловато, хотя это была и неплохая дивизионная пушка. У «Тигров» и «Пантер» была 88-мм пушка. Немцы атаковали наши позиции, завязался бой. Мы успешно били немецкие танки, там были «Т3» и «Т4». Я без промаха поражал их. Они остановились и попятились назад. Не ждали такого отпора. Не один десяток остался на поле боя. Всю ночь они оттягивали подбитые танки, а мы копали окопы. К рассвету укрыли танки по башню и замаскировали. Почти всю ночь не спали. Все мы понимали, что наступает ответственный момент, что враг готовится нанести решающий удар, чтобы прорваться к Курску. Главное — устоять. Не пропустить его к Прохоровке. Приказ командиров «Стоять насмерть! Ни шагу назад!» был для нас священным.

Боевой дух высок. О жизни и смерти никто не думал. Все мы знали, что немецкое наступление на Курской дуге терпит поражение.

12 июля 1943 года рано утром немецкая авиация начала наносить удары по нашим войскам на прохоровском направлении. После артиллерийского обстрела немецкие танковые дивизии перешли в наступление. За считанные минуты все поле перед нами было покрыто танками. Они подошли на 1–1,5 км и открыли огонь. Мы молчали. Наша авиация атаковала немецкие танковые дивизии с воздуха. Почти вся артиллерия в районе Прохоровки была поставлена на прямую наводку и тоже огня не открывала. Она была закопана и тщательно замаскирована позади наших танков. День был солнечный и жаркий.

Восходящее солнце было на нашей стороне. Оно хорошо освещало немецкие танки и ослепляло их танкистов. Наблюдая в танковый прицел, я отлично видел темно-зеленые запыленные и обшарпанные войной немецкие танки с оборванными подкрылками,

увешанные запасными траками на лобовой броне и на башнях — это дополнительная защита от наших снарядов. Стреляя на ходу, они торопились. Гусеничные ленты, вытертые о нашу землю, блестели и быстро перематывались на катках. Прикидывая сокращающееся расстояние, я все время держал центральную марку прицела под башню впереди идущего танка в готовности к выстрелу. Команда на открытие огня была подана, когда до наступающего врага оставалось метров 400. Я нажал гашетку. Прозвучал глухой выстрел, лязгнула вылетающая из казенника пушки гильза. Момент встречи бронебойного снаряда с немецким танком — мгновение, его не схватишь, но тут же среди огня и дыма мелькнула и моя жертва, стоящая и горящая.

Немецкие танки работали на бензине и хорошо горели. Наши — на дизельном топливе — хуже. Внезапно открытый нами огонь артиллерии сразу дал результаты. За несколько минут были разбиты и подбиты несколько десятков танков. Лавина как будто споткнулась и замедлила ход, а кое-где и остановилась. При всяком сопротивлении с нашей стороны немцы вызывали авиацию и точно наводили ее на тот объект, который сопротивлялся. Так было и здесь. Сверху на нас набросились немецкие самолеты-пикировщики и начали утюжить. Было и прямое попадание авиабомбы в танк. Забрасывали бомбами и огневые позиции нашей артиллерии. Наши «Илы» наносили штурмовые удары по вражеским атакующим танкам. Летчики наших штурмовиков, проходя мимо немецких самолетов, идущих в нашу сторону видели друг друга в лицо. Выше штурмовиков в строю шли построенные большими группами бомбардировщики — одни на запад, другие — на восток, чтобы сбросить смертельный груз на противника.

Над нами шел воздушный бой, сотни истребителей кружились в колесе, надрывая двигатели. Они издавали воющий стон, непрерывно оглашая небо раскатистым звуком очереди своих пушек. После такой очереди одни самолеты падали вниз, оставляя свой пос-

ледный след в небе, другие, изворачиваясь, уходили из-под опасной струи трассирующих снарядов, продолжая воздушный бой. Основная танковая группировка немцев наступала на Прохоровку, на узком участке фронта. Более 800 танков навалились на эту маленькую, ранее мало кому известную Прохоровку. Сюда рвался к ней 3-й танковый корпус. Немцы наступали на нее всеми силами, как будто во взятии этой станции они видели свое спасение.

От грохота танков, рева самолетов, стрельбы артиллерии, разрывов тысяч бомб, снарядов и мин сотрясалась Земля. От серых туч пыли и черного дыма горящих немецких и наших танков, земля и небо помрачнели. Изредка раскаленный диск солнца пробивался сквозь мглу. Все это затрудняло наблюдение и прицельную стрельбу. Снаружи — пыль, дым и гарь, а в танке — загазованность — дышать нечем, но на это никто не обращал внимания. Шла тяжелейшая в истории войн битва танков, каждый в ней делал свое дело. Из подбитых или горящих танков выскакивали уцелевшие наши и немецкие танкисты.

Оказавшись друг против друга, имея в руках автомат или пистолет, продолжали бой уже на земле, между танками. Иногда дело доходило до рукопашной схватки. Как в небе, так и на земле, наши храбрые воины защищали в бою себя и свое отечество.

Немцы рассчитывали, что под их мощным танковым ударом советские войска дрогнут и побегут. Как потом стало известно, авиаразведчики получили задачу следить за бегством русской армии, но докладов гитлеровское командование так и не получило. Русские стояли. Они били немецкие танки, уничтожали их авиацию. Да, немцы шли напролом, неся большие потери. К восьми часам утра они нанесли серьезные поражения нашей артиллерии, вывели из строя часть наших танков и вклинились в наши боевые порядки.

Секторы обстрела и полосы огня танкистов сломались, мы вынуждены были вращать свои орудийные башни по кругу. В рассеянном дыму, схватив прице-

лом белый крест на угловатой башне немецкого танка, расстреливаешь его, иногда в упор сбоку или сзади. Гудела от ударов немецких снарядов броня и нашего танка. Один удар снаряда в башню пришелся против моей головы. Он выбрал броню до щели и ricoшетировал. Меня обдало осколками от брони, а от удара снаряда контузило. Я потерял сознание. Голова повисла, и я свалился с сидения. Когда командир танка, он же командир роты, старший лейтенант А. Гуров, начал меня вытаскивать, я очнулся и снова к прицелу, за работу чернорабочего войны.

После боя мы в нашем танке насчитали 52 вмятины, но десятисантиметровая броня «КВ» надежно прикрыла нас от немецких снарядов. В тесном пространстве танка мы, конечно, не представляли всего масштаба битвы, кто кого одолевает, тоже не знали. А на войне всегда гнетет неясность обстановки. Но вдруг по радио открытым текстом пронесся призыв нашего командования: «Танкисты, будьте стойкими, сзади вас 5-я танковая армия!». Стало легче.

12 июля в 8 часов 30 минут после короткого огневого налета, ударов нашей авиации, 5-я гвардейская армия генерала Ротмистрова нанесла сильный контрудар. Ее первый эшелон на полном ходу врезался в боевой порядок немецких войск.

П. А. Ротмистров: «Сквозная танковая атака была настолько стремительна, что передние ряды наших танков пронизали весь строй, весь боевой порядок противника. Боевые порядки перемешались... Управление в его передовых частях нарушено».

Танковая битва разгоралась с новой силой. Мощный танковый клин Манштейна был деформирован, остановился и попятился назад. Немцы были отброшены на 4–6 км. Одновременно западнее Прохоровки нанесла контрудар 5-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Жадова. В этом танковом сражении под Прохоровкой немцы потеряли более 400 танков. Мы тоже имели потери около 300 танков. Помню лица своих боевых друзей, смертельно уставшие, посеревшие от пороховой гари и пыли. Глаза от недосыпания

воспалились, губы запеклись, но главное – уцелели, дальше немцев не пустили, не сдали им Прохоровку.

Все в нас ликовало, мы радовались нашей победе. В то время нам было по 19, но жестокая война сделала нас гораздо старше.

Вот что писал об этой битве герой Советского Союза Владимир Карпов: «Я не нахожу слов и красок для того, чтобы описать танковое сражение, которое произошло под Прохоровкой. Постарайтесь представить – более полутора тысяч танков, столкнувшихся на небольшом пространстве, взаимно хлещущие орудия, горящие костры уже подбитых танков, выскакивающие из этих танков экипажи – немецкие и наши, и кидающиеся в рукопашную. И все это длилось целый день!».

Участник этого сражения, Герой Советского Союза, подполковник Г. Пинежко, который был командиром танкового взвода, вспоминает: «На Прохоровском поле столкнулись наши и вражеские танки. Стоял такой грохот, что перепонки давило, кровь текла из ушей. Сплошной рев, дикий треск разрываемого железа. Танки шли на танки. Увидишь крест на броне танка – и стреляешь по нему....

Мы потеряли ощущение времени, не чувствовали ни жажды, ни зноя. Одна мысль – одно стремление – пока жив, бей врага. Каждый из нас сделал на Прохоровском поле все, что было в его силах».

А.М. Василевский: «Мне довелось быть свидетелем этого поистине гигантского поединка двух стальных армий, который произошел на южном фланге Курской дуги 12 июля 1943 года».

Я эти высказывания привожу для таких, как Сергей Кудряшев, который говорит: «Оказывается, никакого встречного танкового сражения под Прохоровкой не было и в помине!». Это не редактор ведущего журнала в Москве, а слуга господ, которые клеветают на нашу Победу. За такую клевету, за наглое искажение истории Великой Отечественной пора бы и отвечать в уголовном порядке.

После разгрома мощных наступательных немецких группировок на Курской дуге нашему полку было присвоено звание «40-й гвардейский отдельный тяжелый танковый полк прорыва». Погрузили нас на станции Прохоровка и повезли в полосу наступления 40-й армии на Лебединское направление.

В ночь на 3 августа выгрузили на перегоне, полк вышел на опушку леса и стал в боевую линию для прорыва немецкой обороны в 1 км от ее переднего края. Рано утром – завтрак. На башне танка мы открыли «второй фронт» – американскую тушенку, подвезли термос с рисовой кашей, заправились.

Изучали расположение огневых средств противника и направление наступления. Немцы видели подготовку нашего наступления и поэтому решили вывести из переднего края свою пехоту в глубину обороны, так как они очень боялись нашей артиллерийской подготовки. Мы, сидя на башнях, увидели, как из-за левого фланга нашей полосы прорыва на поле появилось много пехоты – человек 300. Двигались они враспыленную, без всякого строя и бегом. Мы, конечно, забеспокоились: какая цель, куда смотрит наше командование? И вдруг сзади нас «заиграли» «Катюши». Мины летели через наши головы и точно своим эллипсом накрыли эту пехоту. Дым, огонь. Когда все рассеялось, на поле ничего не было. Мы, конечно, закричали «Ура!».

Началась наша артподготовка, и наш полк двинулся вперед. Перешли через траншею переднего края, за нами поднялась пехота.

Артиллерия перенесла свой огневой вал на следующую немецкую позицию, и наши танки за огневым валом, преодолевая оборону врага, развивали наступление вглубину. Командир роты мне: «Смотри, немцы из кустарника вытаскивают пушку!». Я: «Вижу!». Мгновение, и центральная марка прицела под колесом орудия. Нажал гашетку... пушка вместе с расчетом улетела в потусторонний мир. Но тут удар снаряда в нашу башню рикошетировал. Оказывается, немцы свою батарею на время нашей артподготовки упрятали в кустарник. Мы тут же с ней разделились.

Вскоре появились немецкие танки, их было больше, чем наших. Раздалась команда: «Огнем с места отразить контратаку!». Но оказалось, что здесь были танки «Т3» и «Т4», мы их прошибали насквозь, а их снаряды наши «КВ» не пробивали. В результате короткого огневого обстрела они сразу потеряли несколько танков и быстро исчезли с поля боя. В это время командующий 40-й армией за нашей спиной вводил в бой танковый корпус «Т34» для развития наступления. Действия корпуса прикрывались авиацией, и он быстро скрылся за горизонтом.

Наш полк, решив свою задачу прорыва, оказался во втором эшелоне. Полк шел в колонне, часто останавливался. Я, завернувшись в шинель, спал прямо на снарядах в башне. Иногда это было прямо на моторном отделении. Под ухом работает 12-цилиндровый двигатель, над тобою пыль и гарь, лязг гусениц, а ты спишь.

Немцы, отходя к Днепру, создавали промежуточные оборонительные рубежи и оказывали сопротивление. Тогда наш полк выдвигался вперед, артиллерия — на огневые позиции и — атака. Разгромив противника на этом рубеже, снова преследование.... И так до Днепра много раз. Остановимся на одном из них.

Восточнее г. Лебедина, на который мы наступали, есть деревня Рывки, стоит она на западном берегу гнилой речушки. Восточный берег речушки зарос кустарником и лесом. Когда мы развернулись для атаки, немцы из этого кустарника открыли огонь из пушек. Они были хорошо замаскированы. Я один снаряд посылаю, другой — по пустому месту.

Саша Гуров открыл люк башни, решив осмотреть этот рубеж и определить место, откуда бьют эти пушки. И в это время немцы взяли голову Александра Гурова в прицел и сделали выстрел, похоже, с небольшого расстояния. Тело Саши Гурова без головы падает в башню на боевую укладку, заливая ее кровью. Для нас это был страшный удар. Тогда мы из 4 танков нашей роты открыли беглый огонь по этому

кустарнику и смешали его вместе с пушками и немцами.

Подъехал командир полка. Мы завернули тело прекрасного командира, отличного человека в плащ-палатку и похоронили на опушке леса. Приехал какой-то генерал, похоже, заместитель командующего армией и сказал: «Срочно взять деревню Рывки». Появился дивизион «катюш», который эту рощу и деревню Рывки поднял на воздух. Мы речушку преодолели по мосту из бетонных труб и начали развивать наступление на г. Лебедин. Через 2 часа наш полк ворвался в город и нам никто не оказал сопротивления. В результате наступательных боев, преодолевая подобные рубежи, 40-я армия и наш полк в ее составе вышли к Днепру к Большому Букрину, в районе которого 3-я танковая армия генерала Рыбалко захватила плацдарм. На следующий день мы уже с этого плацдарма отбивали атаки танков Манштейна.

С этого плацдарма наше верховное командование планировало брать Киев. Но тогда Манштейн стянул все свои танковые дивизии и сковал наши войска, не дав расширить плацдарм... Как известно, по предложению маршала Жукова Г. К., Киев взяли с Лютижского плацдарма 6 ноября 1943 года.

Правда, чтобы ввести врага в заблуждение, 1 ноября 1943 года мы в составе 40-й и 27-й армий перешли в наступление с Букринского плацдарма, показывая немцам, что отсюда будем брать Киев. И только 6 ноября на Букринском плацдарме мы перешли к обороне.

Как-то я вышел из своего танка, который стоял в окопе, и пошел по траншее с термосом, чтобы набрать воды. В стороне, с группой офицеров стоял командир полка. Он увидел меня, подозвал. Я подошел, доложил. Он: «Хватит тебе, Алеша, воевать сержантом, поедешь в танковое училище в город Саратов. А потом повоюешь еще офицером». Спросил: «Ты орден получил?», «Так точно», — ответил я. «Иди в штаб, оформляйся, желаю успеха!» и подал мне руку. Я поблагодарил, и вместо того, чтобы идти за водой,

пошел туда, куда сказал командир полка. Этот момент в моей жизни перевернул все! И ответил на вопрос — кем мне быть: художником или командиром? Кроме меня в училище были направлены еще двое — Коля Уваров и Вася Криворучко. Нас переправили на восточный берег Днепра, там, в лесу мы нашли тыл полка. Переодели нас в новое обмундирование. Оформили все документы, и на машине, а затем на поезде мы поехали в город Саратов.

Глава третья

УЧИЛИЩЕ

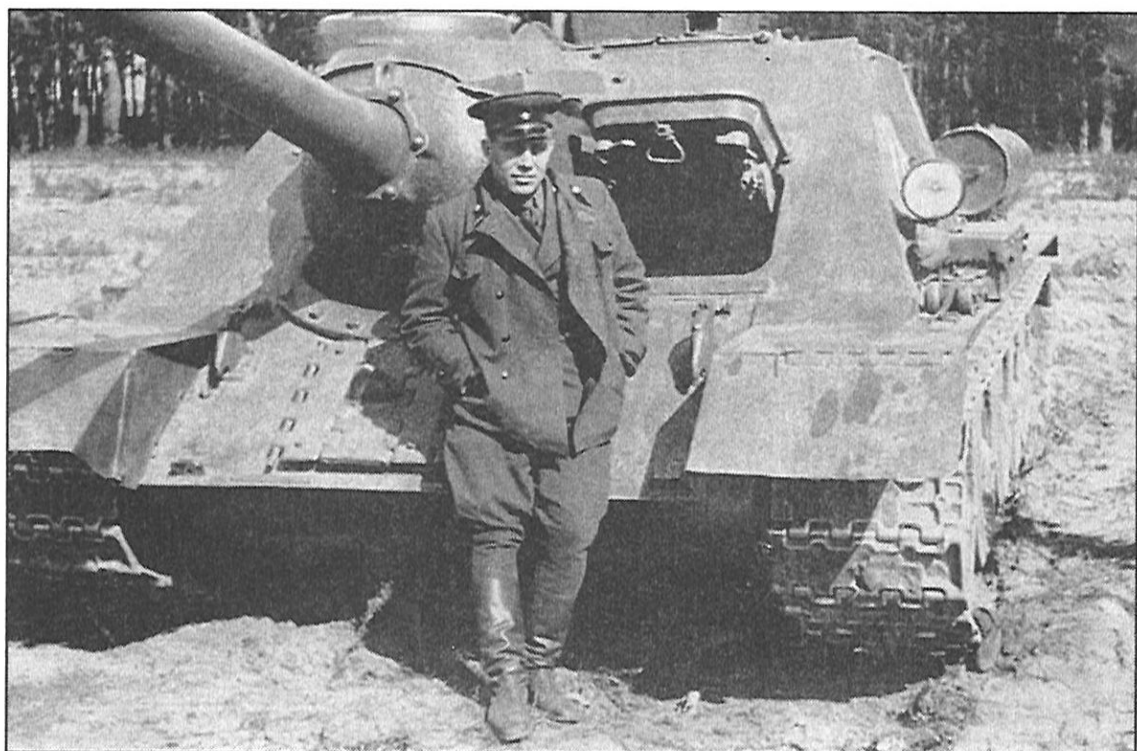
Трудно описать наше состояние по прибытии в училище в конце ноября 1943 года после двухлетнего грохота войны. Но когда нас разместили в чистой казарме, положили на кровать с чистыми простынями, в абсолютной тишине, я долго не мог уснуть. Мне казалось, с каким удовольствием я заснул бы сейчас, если бы мое ухо оказалось над двенадцатицилиндровым двигателем танка.

При формировании 4-й курсантской роты меня вызвал ее командир, старший лейтенант Борисов, и сообщив, что я назначен заместителем командира второго взвода курсантов, сказал: «Вот ваш командир взвода — лейтенант Токарев». Так я, командуя взводом курсантов, начал учебу в этом танковом училище. На всех курсантские погоны, кроме командиров отделений и заместителя командира взвода, которым оставили сержантские звания. 10 часов плановых занятий по расписанию и 3 часа самоподготовки. Отличный воинский порядок и дисциплина — все это нам после фронта нравилось. В марте 1944 года я от дорогой моей мамы получил письмо все в слезах. В нем говорилось, что 12 марта 1944 года наш Володя при штурме города Калинковичи в Белоруссии пал смертью храбрых. Похоронен в братской могиле на окраине этого города. Опять я вспомнил того китайца, который ворожил отцу еще в детстве, и так точно предсказал каждому из нас свою судьбу. Вот тогда я понял, что буду жить. На могиле Володи я был, положил цветы. И скажу спасибо белорусам — они хорошо сделали и в отличном состоянии содержат памятники погибшим воинам. В октябре 1944 года я вступил в члены партии.

У братской могилы, в которой похоронен мой младший брат Володя, г. Калинин. Первый справа – полковник С. Я Чепурной, бывший военный советник в Кампучии.

Училище я окончил на отлично. Присвоили воинское звание – младший лейтенант и назначили на должность командира взвода курсантов в этом училище. Все мы рвались на фронт. Брат Берлин. Меня вызвали к начальнику училища, который поздравил с успешным окончанием училища и сказал: «Дальше будешь служить в этом училище, а Берлин будут брать другие. Вы свое дело сделали». Я принял взвод курсантов в этой же роте и начал новую работу по подготовке офицеров-танкистов. Написал письмо маме, там обрадовались. И, несмотря на это, я стал писать рапорты с ходатайством отправить меня на фронт, но каждый раз получал отказ. Случилось так, что один из моих друзей, Юра Мишин, после окончания училища оказался в Москве, в каком-то управлении кадров по резервам. Мы с ним поддерживали связь, вскоре на имя начальника училища пришла шифровка – «Откомандировать младшего лейтенанта А. К. Черевко в распоряжение командира 28-й механизированной дивизии». Шел март 1945 года.

А. К. Черевко, командир роты САУ-100.

Дивизия стояла в белорусских лесах, в резерве Ставки. Я прибыл в этот район, меня назначили на должность помощника начальника штаба первого танкового батальона 135-го Ельненского краснознаменного танкового полка. В это время успешно шла Висло-одерская операция. Вскоре наша дивизия совершила переход, и мы оказались на территории Польши. Разговоры одни – будем брать Берлин! Но там действительно обошлись без нас. На Берлин через Польшу наступали три наших фронта. В центре – первый Белорусский фронт маршала Г.К. Жукова. Справа, севернее Варшавы, – второй Белорусский фронт маршала Рокоссовского. Слева – первый Украинский фронт маршала Конева. Мы и весь наш народ радовались этой победоносной операции и восхищались действиями наших воинов, которые в высоком темпе наступали на Берлин. Висло-одерская операция первого белорусского фронта маршала Г.К. Жукова после войны была признана лучшей операцией Второй мировой войны. Она прошла с наименьшими потерями.

Наша дивизия из Польши была выведена на территорию Советского Союза, а 9 января 1946 года на желез-

нодорожных платформах прибыла в город Симферополь. Наш танковый полк разгрузили и сосредоточили в военном городке на улице Калинина. Зима. В Крыму снега нет, тепло. 9 месяцев мы жили уже в мире после такой тяжелой войны. И я подумал: вот где хорошо устроить свою жизнь – у самого Черного моря.

В полку шла плановая боевая и политическая подготовка. Меня назначили руководителем политических занятий в одной из групп танковой роты. В связи с этим я попросил зачислить меня слушателем в дивизионную партийную школу. Я учился и учил танкистов. Закончил ее на отлично. Замполит командира полка как-то сказал: «Черевко – командир с комиссарской душой; его надо перевести на политработу». Но этого не произошло, т.к. в октябре 1947 года я был откомандирован в группу советских войск в Германии в 17-й тяжелый танкосамоходный полк 21-й механизированной дивизии. Меня направили во 2-й батальон 100-мм самоходно-артиллерийских установок помощником начальника штаба этого батальона. Когда командир первой роты этого батальона заболел и оказался в госпитале, меня временно назначили командиром этой роты. Главной проблемой тогда для танкистов, назначенных командирами рот самоходной артиллерии, была стрельба из закрытых огневых позиций, т.к. мы, танкисты, стреляли только прямой наводкой. Но я, зная важность этого предмета для командира, осваивал его самостоятельно, правда, при помощи одного из офицеров артиллерийского полка. Дела пошли лучше, чем у других, и

Командир роты САУ-100
Черевко А. К.
после соревнования.

Лучшая рота в группе войск в Германии.

меня утвердили командиром этой роты. А в октябре 1948 года направили на учебу в Высшую офицерскую школу самоходной артиллерии в город Ораниенбаум (Ломоносов). Срок обучения – год, не исключая из списков части. Я окончил эту школу на отлично и вернулся в свою роту в ноябре 1949 года. Теперь был готов стрелять из любых огневых позиций.

В августе 1950 года в группе войск было организовано соревнование рот самоходной артиллерии в стрельбе из закрытых боевых позиций. Первое соревнование в дивизии, конечно, командир полка направил мою роту. В дивизии на этой стрельбе я занял первое место. Командир дивизии отправляет мою роту на соревнования в восьмую армию, – я и там всех обстрелял, занял первое место. Командующий армией генерал Болдин наградил меня грамотой и фотоаппаратом и направил мою роту на соревнования от армии в группу войск на Магдебургский полигон. Здесь были условия посложнее, но я и там стрелял лучше всех и занял первое место в группе войск в Германии. С командирами взводов нас вызвали в г. Потсдам в

штаб группы на торжественное собрание, посвященное Дню танкистов, в сентябре 1950 года. Меня пригласили в президиум, и я оказался позади маршала Чуйкова, который, зачитав приказ по итогам этого соревнования, наградил меня и командиров взводов грамотами и аккордеонами. Вручили мне и кубок группы войск за первое место. Одним словом, мы вернулись в полк победителями. Командир нашей дивизии, приехав в полк, приказал построить его. Вывели мою роту, поставили лицом к полку. Говорили много красивых слов в адрес роты и ее командира. И здесь тоже вручили грамоты и ценные подарки, а роте – аккордеон. В общем, рота гремела на всю Группу войск.

В это время Киевское танковое командное училище переделали в училище самоходной артиллерии, и его начальник, генерал-лейтенант И.И. Петров обратился к главкому группы маршалу Чуйкову с просьбой направить в училище лучшего командира роты самоходной артиллерии на должность командира роты курсантов. В апреле 1951 года меня вызывает командир полка полковник Хухрин и говорит, что Чуйков сказал, чтобы в училище направили меня. «Поедешь?». Я ответил – поеду, хотя толком и не знал, что это должность майорская, что с этой должности поступают в академию бронетанковых войск.

По прибытии в Киев, в училище самоходной артиллерии, меня принял начальник училища – генерал-лей-

Командир роты курсантов
Черевко А. К. Киевское
училище самоходной артиллерии.
1951 г.

Личный состав роты передает кубок полковнику из 8-й Армии.

тенант И.И. Петров. Много задавал вопросов. А когда я показал ему грамоты командующего армией и Главкома группы за первые места в прошлогоднем соревновании по стрельбе рот самоходной артиллерии из закрытых огневых позиций, так он ахнул, и был очень доволен, что маршал Чуйков выполнил его просьбу — направил лучшего из лучших. Он лично представил меня 4-й роте курсантов, и я ее тут же принял.

Начальник училища не один раз планировал мне показательные занятия с командирами рот курсантов по танкострелковой тренировке.

Когда я зашел в канцелярию 4-й роты курсантов и сел за стол, то подумал: где я оказался, а что дальше? Уход из армии, как об этом я думал раньше, исключен. Но чтобы служить, нужно закончить Академию бронетанковых войск. Для этого нужно иметь среднее военное образование — у меня это есть. И среднее общее — у меня этого нет. У меня только восемь, а нужно десять классов. Оказалось, что в городе Киеве, в Доме офицеров, работает вечерняя общеобразовательная средняя школа для офицеров Советской

Подготовка к параду в Москве 7 ноября 1958 г.
В центре – начальник Академии маршал бронетанковых войск
Ротмистров П.А.

Армии. Многие офицеры из училища там учатся. Принял решение и я. Написал рапорт, получил разрешение, пошел в 9 класс. Днем – рота, а вечером – школа. Домой возвращался к часу ночи, а рано утром – на службу в роту. Не каждый день, но часто проводил занятия с курсантами. Они это видели и, зная как я устроил свою жизнь, всячески поддерживали меня. В общем, они учились в военном училище, а я – в гражданской средней школе. Рота выделялась хорошей учебой и крепкой воинской дисциплиной. И я через два года закончил десятый класс. В аттестате зрелости были три четверки, остальные пятерки.

В 1956 году подал рапорт о поступлении в академию. Вступительные экзамены сдал успешно. Когда вывесили списки по результатам этих экзаменов, то я был одиннадцатым. Зачислен. Я очень обрадовался и позвонил своему тестю в г. Симферополь, Павлу Никитичу Копаеву, который, услышав мое сообщение о зачислении меня в академию, радовался больше меня, т.к. он считал, что туда принимают только сынков боль-

ших начальников, а я ведь был сыном стрелочника из Уссурийской тайги. Но я ему доказал обратное.

Три года учебы в академии на командном факультете были самой прекрасной порой в моей жизни. Учился я хорошо. Первый курс закончил отлично. Командование факультета меня планировало на золотую медаль, но не получилось – на втором курсе я получил четверку. Плохо было то, что слушатели академии жили на частных квартирах. Я нашел на крестьянской заставе семиметровую комнатку – вход через комнату хозяйки. Платил 500 рублей, а получал всего 1200. Но все равно было прекрасно. Два раза в год, 1 мая и 7 ноября, – военный парад на Красной площади. Проходя в парадных расчетах мимо мавзолея В.И. Ленина, мы каждый раз видели на трибуне все военное и политическое руководство страны.

12 июля 1957 года начальник академии генерал Ротмистров П.А. провел военно-научную конференцию, посвященную танковому сражению под Прохоровкой. В академии оказались 3 участника этого сражения – командующий 5-й танковой армией, генерал-лейтенант Ротмистров И.А., командир танковой роты капитан Смирнов И.А. и наводчик орудия танка «КВ», старший сержант Черевко А.К. Я был приглашен в президиум, сел рядом с начальником академии. Доклад, выступления, дали слово и мне. Я в это время был майором. Эта конференция запомнилась мне на всю жизнь.

Полевой выучкой слушатели академии занимались в учебном центре, в районе г. Солнечногорска, за озером Сенеж. Групповые упражнения по тактике решались на местности, ездили по всей московской области, где проходила битва за Москву...

Выпускные экзамены я сдал на отлично. Дипломную работу писал на тему: «Достижение внезапности танковой армии в наступательной операции». Защищал на отлично. Поэтому, когда пришло время назначения на должности, мне председатель комиссии предложил должность офицера оперативного отдела шта-

Занятия со слушателями на Бородинском поле. 1958 г.

*Командир танкового батальона
56-го гв. ТП 1959 г.*

ба танковой армии. Я отказался от этого назначения, и просил направить меня в войска на должность командира танкового батальона. Один из членов комиссии сказал: академия готовит не комбатов, а полководцев. Состоялся неприятный разговор. Председатель комиссии пригласил начальника факультета. Я и ему сказал: в штаб армии я не пойду. Он: «Ну, если так ставится вопрос, надо ему уступить, только надо направить в группу войск на полный батальон, и пусть командует. Сделаем экспе-

римент». Председатель комиссии согласился.

Меня назначили на должность командира танкового батальона в 56-й гв. танковый полк седьмой танковой дивизии в группу войск в Германии. В вагоне поезда Москва–Берлин у окна стоял молодой майор. Разговорились. Он закончил общевойсковую академию имени Фрунзе и едет тоже в 7-ю танковую дивизию в мотострелковый полк на должность командира мотострелкового батальона. Это был майор Царицанский Виктор Федорович. Судьба свела нас. Мы живем сейчас в городе Симферополе. Он закончил службу заместителем начальника военно-политического училища здесь, и ушел в отставку полковником, а к 60-летию Победы ему присвоили звание генерал-майора.

Глава четвертая

СЛУЖБА В ВОЙСКАХ

56-й гвардейский танковый полк стоял в городе Цербст, командир полка — Чернов — заслуженный офицер, да и его заместитель приняли меня нормально, но настороженно: из академии — на батальон? Наверное какой-нибудь двоечник!

А я был доволен. Ведь 3-й батальон считался худшим в полку. Командир батальона по возрасту уволен. Не обращая ни на кого внимания, я немедленно включился в свои обязанности командира танкового батальона. В одной из трехэтажных казарм на одном этаже размещались танкисты этого батальона. В парке стояли заправленные топливом и боеприпасами танки «Т55». Всего 31 танк. Это были новые машины, готовые в любое время к немедленному выходу, куда прикажут.

В батальоне каждый день занятия по расписанию. Я спланировал и лично проводил занятия по тактике и огневой подготовке с офицерами батальона, особенно с командирами танковых рот. Занятие проводил высококвалифицированно и показал, что эти занятия необходимы. Ну, например: обеденный перерыв, все командиры ушли из казармы, а я захожу в класс, мелом на доске наношу из какого-нибудь журнала тактическую задачу за танковый батальон. Дежурному по батальону говорю: при появлении после обеда командиров танковых рот приглашайте в тактический класс, а сам сижу в этом классе — жду. Заходит один, другой, ну с опозданием третий. Не понимают, в чем дело. Я предлагаю сесть, излагаю тактическую обстановку, нарисованную на доске и говорю: «Ваша задача — оценить обстановку и принять решение за командира 7-й танковой роты. Кто готов — доложить это

решение». Молчат. Уточняю, разъясняю, вызываю командира 7-й танковой роты капитана Воронина. И началась работа. В течение одного часа я их по несколько раз вызываю. Докладывают. Решили задачу. Подвожу итог и каждому даю оценку. Указываю на слабые места и предупреждаю, что дело плохо – нужно заниматься, нужно учиться воевать. Для чего мы здесь стоим нос к носу с агрессивным блоком НАТО?

На 2-й день весь полк узнал об этом занятии. Мой заместитель по политчасти, капитан Ильин – со мной на всех занятиях, на всех беседах, которые я проводил с танкистами батальона. Ему это все очень нравилось. На следующее занятие я пригласил и заместителей командира батальона. Итак, эта группа из шести человек постоянно занималась. После обеда заходят в казарму, сразу дежурному вопрос: где комбат? Ответ: в классе. Все ясно....

На одно из воскресений пришлась годовщина Бородинского сражения 1812 года. Я в клубе полка разместил весь личный состав батальона, на схеме (заранее ее подготовил) изложил сражение Кутузова против Наполеона, последующий разгром и бегство французов из России. Люди были в шоке. Говорят, что с ними на такую тему никто никогда не разговаривал.

Капитан Ильин доложил об этом мероприятии заместителю командира полка по политчасти, майору Ушакову. И тот одобрил это, попросил меня выступить перед всем личным составом полка. И я с удовольствием это сделал. Танкисты всегда внимательно, с интересом слушали беседы об истории войны русской и Советской Армии. Это усиливало их чувство патриотизма, любовь к своей Родине еще и потому, что они находились за ее рубежом. И на меня они смотрели другими глазами, и другим говорили, что «у нас комбат сильный, из академии». Казарму я привел в отличное состояние. По вождению танков у меня был первый класс. Стрелял из танка я всегда первым, при всех проверках. А главное – забота о людях, они

сразу это почувствовали. К нарушителям воинской дисциплины, особенно к тем, кто любил заложить, я был беспощаден.

Прошло месяцев шесть. Нашу 7-ю танковую дивизию группа генералов и офицеров из Москвы подняла по тревоге и поставила боевую задачу – совершить марш на Хейдехофский полигон (120 км), и там, во встречном бою, разгромить вторгшегося противника. Полк организованно вышел в исходный район. Командир полка поставил комбатам задачу на марш. Я с батальоном в авангарде полка и 110 танков двинулись по немецкой земле с хорошей скоростью. Когда вышли в район указанного полигона, ко мне подбегает генерал-майор Баранов В.И. и говорит: «На встречу нашей дивизии выдвигается двенадцатая танковая дивизия. Ваш полк атакует вот в этом направлении с задачей сковать противника и обеспечить ввод в бой главных сил дивизии. Твоя задача – вот справа лес, вдоль него стремительно иди навстречу наступающему слева противнику, и атакуй в глубине его второй эшелон». Я вскочил в танк и пошел на максимальной скорости навстречу этой дивизии. Определил ее первый эшелон, он уже завязал бой с нашим полком. Пройдя немного еще, я заметил танковый полк в батальонных колоннах, это второй эшелон 12-й танковой дивизии готовится к вводу в бой. Определил дистанцию между танками в колонне в 40 м и прибавил скорость. Выйдя на уровень полка второго эшелона противника, скомандовал: «Все, налево, к бою!». Все 30 танков повернули из колонны налево, получилась боевая линия. Приказываю атаковать на 4-й передаче, и – огонь по танкам (стрельба велась холостыми).

Танковый полк в батальонных колоннах увидел, что на него слева стремительно идут танки и ведут массированный огонь, остановился, затем развернулся налево против нас. Я батальоном пронизал его предбоевой порядок и ушел к противоположной стороне полигона. Ввод в бой второго эшелона 12-й танковой дивизии был сорван. Всю эту картинку наблюдали с

вышки главком И.И. Якубовский и комиссия из Москвы. На разборе И.И. Якубовский остановился на этом эпизоде, назвал меня молодцом и сказал: «Вот так действовать в условиях ядерной войны!». Министр обороны маршал Малиновский требует – ротами, батальонами прорываться на фланги и в тыл наступающему противнику и решительно громить его. Главком зачитал итоговый приказ по учению, и я был награжден швейцарскими часами. Нашему 56-му гвардейскому полку тут же была дана хорошая оценка.

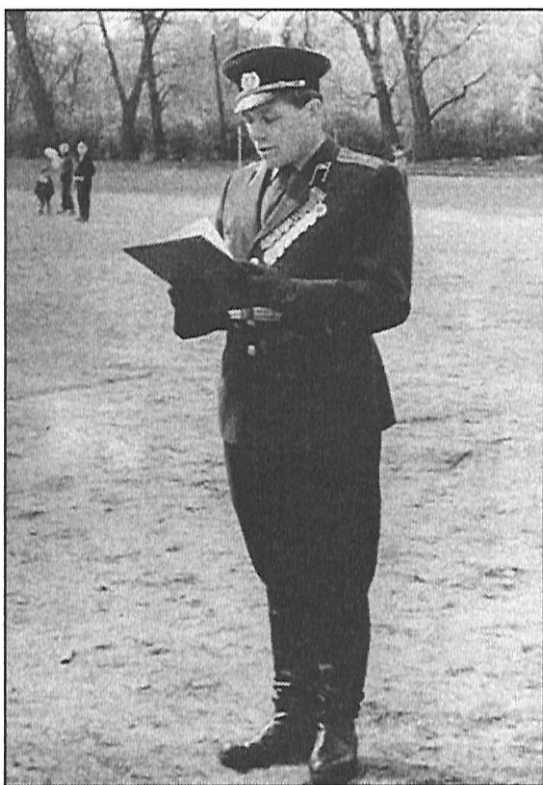
Вторая проблема, которая в это время решалась войсками в Германии: это форсирование водных преград танками по дну. Танковый полк обычно форсировал реку Эльбу на понтонных средствах в течение двух часов и более. А нужно было решительно сократить это время. И главком группы И.И. Якубовский лично занимался этой проблемой. Севернее Магдебурга в районе Порхау был выделен для нашей дивизии участок реки Эльба, где мы и занимались ее форсированием танками по дну. Командир полка планировал выход туда побатальонно. И первым был направлен 3-й танковый батальон. Там было 10 учебных танков полка, на которых мы учили экипажи вождению танков под водой, по дну реки, с воздухопитающими трубами. Реку преодолевали на первой передаче по прибору. Порядок был такой: один танк выходит на том берегу, другой находится на середине реки, третий входит. Командует командир батальона, стоящий на своем танке, на берегу, и входит последним. Полк идет по трем трассам на каждый батальон. Я, находясь в этом районе, принимал свои роты. В течение недели учил роту этому нелегкому ремеслу, потом эта рота уходила, я принимал другую. Почти целый месяц отведен был для учебы. Но когда я засек время форсирования таким способом, для батальона требовалось где-то почти 40 минут, а может и больше. Тогда я решил попробовать форсировать реку на второй передаче, но это было опасно: увеличивалось сопротивление воды, могло сорвать трубу. Тогда попробовали не три танка иметь в Эльбе, а шесть. На

На учениях.

3-й танковый батальон 56-го гв. ТП идет на рубеж атаки. 1960 г.

Начальник штаба 56-го гв. ТП
Черевко А. К. 1961 г.

каждой трубе номер танка, командир батальона номера с берега видит, если танк остановился — подается команда по радио: номер такой-то остановился, обойти справа. Этому мы учили механиков на суше. Каждый механик знал, сколько делений по прибору нужно, чтобы повернуть вправо, а затем вернуться на трассу, обойдя остановившийся танк. Я запустил шесть, а потом и семь танков, и пошло все нормально. Время значительно сократилось. Некоторые не соглашались — надо все оставить по-старому. Коман-

дир приехал, одобрил, приказал и тем батальонам тоже учить в колонне.

Батальоном я командовал больше года, меня назначили на должность начальника штаба этого же полка. И будучи начальником штаба полка, я больше сидел на Эльбе, чем в кабинете. И там уже я пропускал все батальоны полка, то есть занимался полком. В 1962 году министр обороны проводил в группе учение с форсированием танковыми дивизиями рек по дну.

В этом же районе, на противоположном берегу была поставлена вышка, на которой и разместилось высокое командование. Наша дивизия наступала, и с ходу должна была форсировать Эльбу. Перед вышкой шел наш 56-й гвардейский танковый полк. Почему наш полк? Немного вернусь назад: дошло до Якубовского, что начальник штаба 56-го гвардейского танкового полка сидит на Эльбе и шлифует форсирование танками Эльбы по дну в колонне. Я, находясь там, жил в штабном автомобиле, ел кашу с войсковой кухни. Од-

Праздник 1 мая. Командование 56-го гв. ТП поздравляет личный состав полка с праздником, 1962 г.

нажды приезжает машина, из нее выходят корреспонденты штаба группы войск. Я спросил: – Что вам здесь нужно? Говорят: «Посланы главкомом посмотреть и допросить вас о форсировании танками реки в колонне и дать статью в секретном журнале группы». Они все получили. Там доложили, все было одобрено. Вот почему Якубовский приказал пустить наш полк против вышки, на которой стоял министр обороны Машиновский.

Дивизия вышла к реке, танкисты в лесу поставили ОПВТ (оборудование подводного вождения танков) и колонной вышли к реке. В реке оказалось по шесть-семь танков. Полк преодолел реку за 23 минуты. Командир полка и я, начальник штаба, на плавающем бронетранспортере выскочили на тот берег, нас остановил офицер – приказано вам обоим явиться на вышку. Понятно, что такого времени для полка на форсировании Эльбы никто и никогда не мог предвидеть. 100 танков за 23 минуты. Мы зашли на вышку, пред-

ставились. Конечно, командир полка впереди, а я за ним. И министр обороны поздравил Чернова, пожал ему руку и спросил: «Как долго вам пришлось тренировать полк этому способу форсирования?». Чернов ответил.

Министр: «Ну а если впереди идущий танк остановится?». Получилась заминка. Но тут Якубовский взял меня под руку, вывел из-за спины командира и сказал: «Тут доложит начальник штаба полка, он у них этим занимается». Я доложил, Малиновский пожал мне руку. Тут же ему подали какие-то коробочки, и он вручил Чернову и мне часы, и сказал: «Действуйте вот так». Так я в первый раз пожал руку министру обороны, потом был и второй, но об этом позже.

В группе войск в Германии в то время в составе 20-й мотострелковой дивизии стоял первый гвардейский, дважды ордена Ленина, Красного Знамени, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого танковый полк. Это был самый заслуженный полк в Вооруженных силах Советского Союза, элитный полк главкома группы И.И. Якубовского, который все время держал его в отличном состоянии. Но в 1963 году командир этого полка пошел на повышение, а на его место прибыл командир скадрированного полка и за один год сделал из отличного полка двоечника. На тактических учениях полк заблудился и уперся в железнодорожное полотно, по которому ходили немецкие поезда. Кругом стройный лес, танки в просеке стоят в колонне. Развернуть эту махину сосны не дают. За каждую сломанную сосну полагалось платить. Так как в ГДР при вождении советских войск соблюдались строгие правила, то командиры, особенно танковых полков, были мастерами в вождении полков по заданному маршруту. Отклонение от заданного маршрута — беда. Вот в такую беду и попал первый гвардейский с новым командиром. Для того, чтобы сто танков повернуть назад, вытащить их из этой просеки, потребовалось немало времени. Туда прибыли и

командир дивизии, и помощник руководителя учений. И когда вытащили полк из этого тупикового положения и поставили его на заданный маршрут, дивизия форсировала реку Эльбу и ушла на Магдебургский полигон.

Полк подошел к реке Эльба на участок форсирования, но форсировать ее по дну реки не смог: он к этому не был готов. Полк вывели из учений, и он вернулся к месту постоянной дислокации. Командира полка сразу сняли с должности.

Я в это время, будучи начальником штаба 56-го гвардейского трижды орденоносного танкового полка, занимался по своим планам.

Раздался звонок, у телефона — командир седьмой танковой дивизии генерал Баранов Б.И. Он сказал мне: «Завтра в 10 часов утра быть тебе во Вьунсдорфе, на военном совете группы у Якубовского. Решено тебя назначить на должность командира первого гвардейского танкового полка двадцатой мотострелковой дивизии. Желаю успеха» и положил трубку. Для меня это было неожиданностью. Я зашел к командиру полка. Он: «Я все знаю, тебе надо ехать сегодня, там переночуешь и завтра — на совет». И я уехал, сразу предвидя крутые изменения в моей жизни...

На военном совете, когда пригласили меня в кабинет, я доложил о прибытии. Из-за стола вышел Якубовский, поздоровался со мной за руку и сказал: «Мы вас, товарищ Черевко, назначаем на должность командира первого гвардейского танкового полка. Справитесь?!». «Товарищ главнокомандующий, товарищи члены военного совета, я благодарю вас за такое высокое доверие, и я его с честью оправдаю!». Заместитель главкома генерал Белик, член военного совета группы генерал Васягин подтвердили: «Да, он справится, конечно, справится! Какой может быть разговор?!».

Итак, через 3 года после окончания академии я стал командиром лучшего в наших вооруженных силах

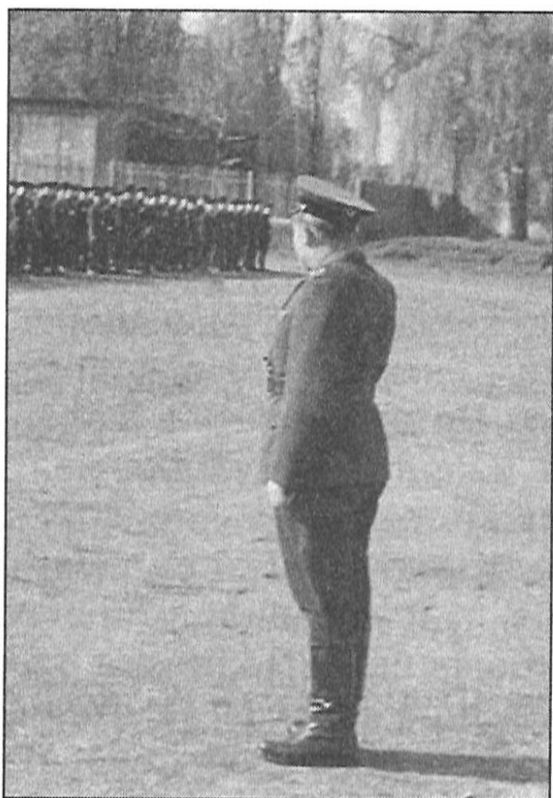
танкового полка. Это бывшая танковая бригада полковника Катукова. Как известно, маршал Жуков в своей книге пишет, что «самая тяжелая должность в вооруженных силах – это должность командира полка, и особенно танкового. И кто эту должность успешно прошел, тот и дальше идет, а нередко бывает, когда не справляется – его снимают». Но моя служба проходила в полку по восходящей: наводчик орудия, командир танкового взвода, командир роты САУ-100, командир танкового батальона, начальник штаба полка и теперь командир полка. Поэтому я чувствовал себя подготовленным к этой должности, и принял ее в полной уверенности, что справлюсь. Причем свободно, без особого напряжения. Хотя и знал, что много теперь будет работы, и много ночей не придется спать... Но меня это не беспокоило, я легко принял эту должность и гордился тем, что это не простой полк, а лучший, элитный полк, ответственность огромная. А с другой стороны, подумал: а что было бы со мной, если бы я согласился, как мне предлагали, уйти в оперативный отдел штаба армии? Я бы все эти три года в штабе носился с папкой, в которой лежали мною сочиняемые документы, суть которых – мысли начальника, которому я эти документы представлял. Я не мыслил себя в этой роли.

В конце 1963 года командир двадцатой мотострелковой дивизии полковник И.Е. Степаненко принял меня в штабе дивизии г. Грима. После представления ему и его заместителям мне в течение часа излагали состояние дел в полку и ставили мне задачи. А затем с командиром дивизии я уехал в г. Глаухау, где уже на плацу при знамени стоял полк. Полковник И.Е. Степаненко представил меня полку, кратко сказал, кто я и откуда. Пожелал мне и всему личному составу полка успехов. Я посмотрел на людей – обмундирование грязное, внешний вид танкистов какой-то замученный. В таком случае личный состав имеет право подавать жалобы и задавать вопросы новому

командиру. И я предложил – унести знамя, а личный состав разместить в клубе, где я приму все жалобы и заявления. Мимо трибуны под оркестр со знаменем торжественным маршем прошли подразделения полка. Я посмотрел на знамя. На нем – 12 лент различных цветов, каждый орден имеет 2 ленты. И у меня сердце защемило, я понимал, какие заслуги у полка, какая честь служить под таким знаменем. Но подразделения прошли как-то слабо. На это обратил внимание и командир дивизии, и я понял, что тут для меня есть работа. Командир дивизии уехал, а я в клубе продолжал вхождение в должность. «Какие будут жалобы и вопросы, – спросил я, и добавил, – прошу не стесняться, говорить откровенно». Поднялся командир танка и говорит: «Ко Дню победы за отличную подготовку бывший командир полка объявил отпуска на Родину восьми танкистам, и до сих пор мы отпуск не получили».

Обращаюсь к офицеру штаба по учету личного состава: «Несите сюда приказ об объявлении отпусков». Принесли. «Читайте, чьи фамилии будут названы – выходите на сцену». Вышли. «Почему до сих пор не дали отпуск?». «Да проблемы в армии с пропусками через границу». Я: «Завтра поезжайте сами в штаб армии и привезите на этих восьмерых человек пропуска через границу», – сказал я. Все было исполнено, и танкисты уехали на родину. По полку прошел одобряющий шорох.

В группе войск в Германии отпуск на Родину – самое сильное поощрение, и танкисты, чтобы получить его, решали блестяще любые задачи. Это поднимало боевой дух и отличное настроение людей. Вскоре после этого был и такой случай. Иду по территории полка, в курилке сидят танкисты. Подали команду, я им сказал – «Вольно, садитесь» – и сам сел с ними, хотя я и не курю. Задал несколько вопросов о жизни в казарме, о делах служебных. Выслушал ответы. А один сидит, голову повесил, вид у него – «Все конче-

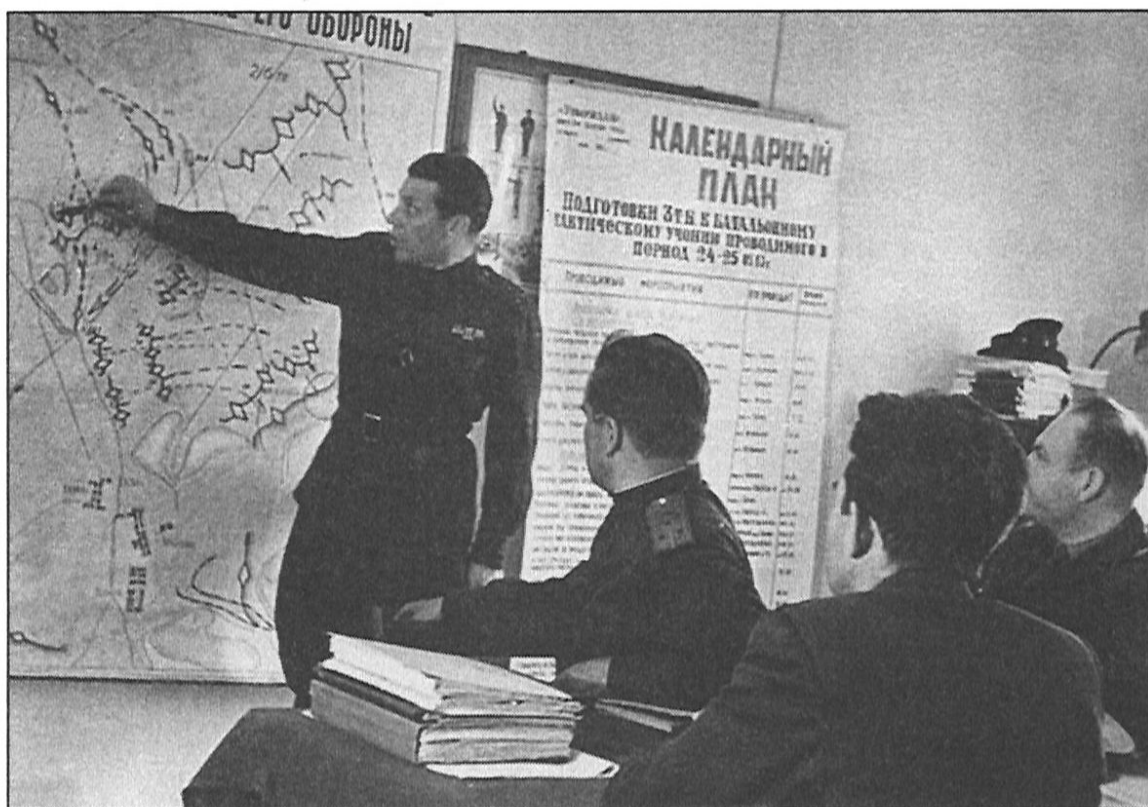

Командир 1-го гв.
шестиорденоносного танкового
полка. 1963 г.

но!». Я его спрашиваю: «Что голову повесил?». Он молчит, а другой говорит: «Да беда у него, товарищ подполковник. Девушка, которая обещала ждать, выходит замуж». Я ему: «Что за девушка, откуда ты? Может она и гроша ломаного не стоит, если обещает и не выполняет?». Он поднял голову и все подробно рассказал. «Ну и что делать?» — спросил я. «Да отпуск бы, поеду, наведу там порядок». «Кем в экипаже?» — спросил я, — «Наводчик орудия». Я тут же дал команду вызвать командира батальона. Подо-

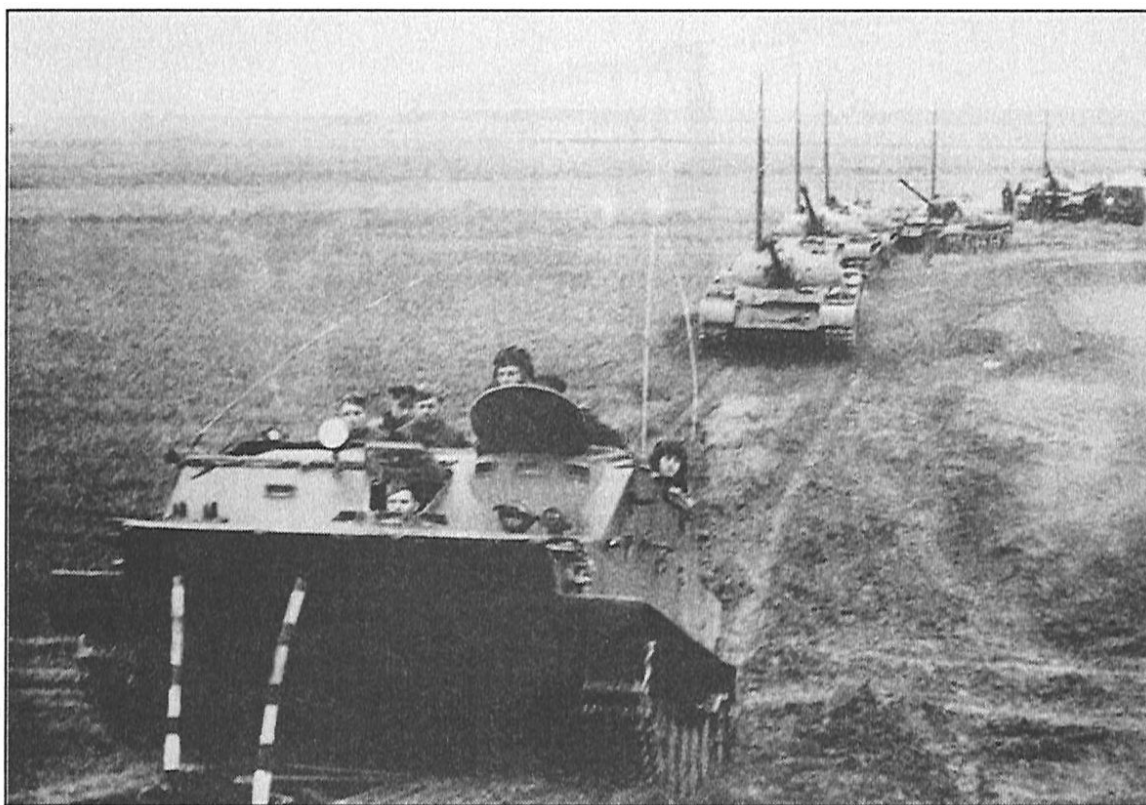
шел подполковник Б.К. Бондаренко. Я его спросил: «Как служит этот воин?». Он ответил: «Отлично стреляет, дисциплинированный товарищ». «Пишите рапорт, отпуск по семейным обстоятельствам». И он вскоре уехал в отпуск. Так было всегда. Люди знали, и мои действия ценили.

Вернемся в клуб. Выяснилось, что полковая баня разрушена. Людей возили на машинах в городскую немецкую баню. Сейчас немцы просили больше не привозить, так как за баню не платят. Один старшина роты говорит: «Уже забыли, когда мылись в бане, белье не стирается, обмундирование тоже. В столовой с питанием тоже плохо», много было и других нареканий. Я понял, что полк надо привести в порядок, а потом ставить задачу. Так всегда делали хорошие командиры. Я своему заместителю по материальному обеспечению поставил задачу: «Восстановить в полку разрушенную баню, сделать прачечную». Подполковник Михайлов ахнул: «Да вы что...!». Я до этого

Занятия со штабом полка.

обошел все подвалы двух-трехэтажных казарм. Подвалы в немецких казармах сделаны отлично. По бокам идут трубы с горячей водой для отопления, и с холодной водой. Пригласил Михайлова и командиров танковых батальонов в эти подвалы, и было принято решение: в одной казарме в подвале врезать трубы в горячую и холодную воду. Купили и поставили стиральные машины, одного из прапорщиков тыла назначил заведующим этой стиральной системы на общественных началах. Каждой роте указал день стирки обмундирования, комбинезонов, нательного белья. В другой казарме, в подвале ремонтной мастерской сделали систему для помывки людей — душ. И вскоре все это заработало. Я поехал, представился немецкому городскому голове. Он хорошо меня принял. Я ему сказал, что больше в городскую баню советские воины ездить не будут. И одновременно попросил их специалистов отремонтировать баню в нашем военном городке. Через 3 месяца нашу просьбу они выполнили — баня заработала.

Форсирование р. Эльба танковым полком. 1962 г.

Плац был, трибуны не было — сделали. Навели порядок в столовой и в самом помещении. Положенные мясо и рыбу воины теперь получали. Кое-кого пришлось из этого очень важного объекта полковой жизни убрать и отправить домой в Советский Союз. Подсобное хозяйство составляло больше сотни свиней. Их начали лучше кормить, а затем свинина стала дополнительным питанием танкистам. Казармы немецкие — прекрасные, полы паркетные, но они были в очень запущенном состоянии. Я приказал паркетные полы отциклевать, покрыть лаком, постелить коврики у каждой кровати — так требовалось по уставу. В общем, привели все казармы в образцовый порядок, и люди вздохнули. И еще одно. Штаб полка размещался на втором этаже здания, которое стояло в двух метрах от забора, выходящего на улицу. Боевое знамя полка с шестью орденами стояло на втором этаже, и вместе с часовым просматривалось с улицы. Я когда увидел это, понял, что достаточно одного прыжка через стеклянную стенку, чтобы оказаться у знамени с

Форсирование р. Эльба танковым полком по дну. 1962 г.

одним часовым. Удар по часовому — и знамя через несколько часов могло оказаться за границей ГДР. А в центре военного городка двухэтажная казарма была, на втором этаже полупустая. На первом этаже — общежитие холостяков. С прибытием в полк я сразу решил: штаб полка переместить в центр городка, на второй этаж, а общежитие перевели на место бывшего штаба. И знамя полка, и все секреты штаба оказались в надежном месте. В конце коридора сделали место для знамени. Пока я лично занимался наведением порядка в полку, боевая и политическая подготовка шла без меня. А когда все было закончено, я занялся своими обязанностями по организации боевой выучки полка.

На занятиях с офицерами выяснилось много слабых мест. Все было поставлено на свое место. Полигон далеко, выезжали на две недели побатальонно. Тактикой с батальонами я лично занимался. Огневой подготовкой, стрельбой из танка — мой заместитель — подполковник Мартынов. Реки для подводного вождения танков близко не было. Поэтому для началь-

*Командир первого гв. ТП
А. К. Черевко докладывает
генералу Зубкову, прибывшему
из Москвы для проверки полка.*

ной подготовки экипажей к подводному вождению мы использовали 50-метровый бассейн в полку. А затем, по плану, выезжали на реку Эльба побатальонно. Я находился там, один батальон пропускал, другой встречал.

При помощи ОПВТ танковый батальон учили преодолевать реку Эльба по дну, в колонне, когда одновременно в реке были 6–7 танков, под управлением командира батальона. В таком случае танковый батальон преодолевал реку Эльба за двадцать минут. На то время это был новый способ преодоления танками рек по дну. Глубина реки — до пяти метров. Тяжело мне было, но весь личный со-

став полка заработал, морально-боевое состояние личного состава стабилизировалось на хорошем уровне. Организованность и дисциплина в полку повысились. Осенью 1964 года командир дивизии провел полковое учение с форсированием реки Эльба по дну, которое прошло успешно. На проверке танкисты стреляли и водили танки хорошо. За 1964 год полк получил хорошую оценку.

В 1965 году в октябре месяце проводилось учение стран Варшавского договора под названием «Октябрьский штурм». На нем присутствовало все руководство этих стран. Учение проходило не на полигонах ГДР, а на немецких полях после уборки урожая. На определенных рубежах были поставлены вышки, на которых находились руководство и гости. Наша ди-

визия была все время на главном направлении. Моему полку задачи ставили так, чтобы во всех эпизодах шел мимо вышек. Руководство этих стран, видимо, знало, что это за полк. И мне лично, в исходном положении, командующий нашей армии указывал, как надо действовать. Я вел атаку на четвертой передаче, стреляли беглым и залпом холостыми. Я в своем танке шел за первой линией танков полка в квадрате из четырех зенитных установок, зенитной батареи полка. На каждой установке — две спаренные 57-мм пушки. Полк действовал так, как было приказано, и получил отличную оценку.

Я был представлен досрочно к присвоению воинского звания «полковник». Но новый главком группы войск генерал Кошевой сказал, «Надо, чтобы полк был отличным два года, вот через год и присвоим». Через год бывший полк-двоечник стал хорошим, а через два — отличным. После этих учений истек мой срок пребывания в группе войск.

Несколько слов о Группе Советских войск в Германии. Группа войск имела в своем составе пять армий и много отдельных частей и соединений и две ТА. Например: третья ударная армия насчитывала 75 тыс. человек личного состава и 2,5 тыс. танков — это был мощный гарантированный щит для нашей страны. В случае развязывания войны агрессором, этот щит после отражения удара мог превратиться в карающий меч, способный разрубить любые группировки противника и пронизать всю Европу до океана в течение нескольких дней.

Обычно о группе войск в Германии пишут военачальники, занимавшие там высокие посты. А на мою долю выпала честь после войны в группе командовать ротой САУ-100, после окончания академии — танковым батальоном и Первым Гвардейским шестиорденоносным танковым полком. Я по карте, тайно, знал свой маршрут движения на запад в случае войны, и брод на реке Рейн для ее форсирования танками по

дну. Это был лучший способ преодоления танками рек глубиной до пяти метров, и этому учились танкисты всей группы войск. Они были свободны от громоздких понтонных переправочных средств. Мы учились и учили полки атаковать противника только на четвертой передаче, если позволяет местность. Это прекрасные войска, находящиеся в высшей степени боевой готовности. Они ничем другим не занимались — только боевой учебой. Выучка — отличная. Главными учителями в полку являлись командиры рот, батальонов, полков. Вот почему за каждой дивизией, полком, аэродромом и штабами американцы устанавливали круглосуточное негласное гарантированное наблюдение. И только какая-то дивизия зашевелится или взлетит группа самолетов, это тут же становится известно в НАТО — обозначается на планшетах и высвечивается на экранах. Мы знали, что они находились в состоянии постоянного страха. Ну и пусть трясутся! Только полк поднялся на учение — тут же сзади на машине американец с радиостанцией. Но я считаю, что вся сила — в полку. Командир дивизии, командующий армией ставят задачи, а выполняет их командир полка. Как он его обучил — так полк и пойдет.

На мою замену должен был прибыть командир танкового полка из Советского Союза. В связи с этим меня вызвал командующий 8-й гвардейской армии генерал Шурупов и предложил дать согласие продолжить службу в группе войск без замены. А я отказался. Он настойчиво предлагал и говорил: «Назначим на должность заместителя командира дивизии, и пойдешь в академию Генерального штаба». Я своим отказом остаться в группе допустил серьезную ошибку. И сам не знаю, почему я так уперся и просил заменить меня. Или я за эти два года очень вымотался, или хотелось на родину? Сам не знаю. Но я не согласился. Надоела эта Германия. Но я и сейчас жалею, что отказался. Командующий со злом сказал мне: «Ладно, мы тебя заменим, но туда, куда Макар телят не гонял».

И действительно — заменили в Ленинградский военный округ, в 77-ю гвардейскую мотострелковую ди-

визию на должность командира 212-го танкового полка. Он стоял южнее Архангельска. Полк скадрированный, скорее база хранения танков. Танки стояли в закрытых деревянных гаражах. В полку один взвод личного состава – взвод хранения танков, и две машины: ГАЗ-63, отработавший последний свой ресурс, и ГАЗ-69 – машина командира полка. Стояли в парке на площадке в снегу без всякой крыши.

Я прибыл представиться к командиру дивизии Ю.П. Максимову. Он в чине полковника, после окончания академии Генерального штаба, был назначен на эту должность. Участник Великой Отечественной войны, видно по орденским планкам. Встретил меня не очень... Когда я вошел в его кабинет и доложил, он мне даже не предложил сесть. Полковник, командир дивизии, сидит за столом, а перед ним стоит подполковник, прибывший для дальнейшего продолжения службы под его началом. Вопросы он задавал часто не по существу, задачи ставил неквалифицированно. Вот тут я подумал – куда я попал? У меня до этого не было случая, чтобы я был вызван или по своей инициативе пришел в кабинет моего начальника, а он не предложил бы мне сесть. Конечно, это вызвало неуважение и вопрос: что это за командир дивизии? Но деваться было некуда – я пошел принимать полк. Тут я немного отдохнул. Мы занимались хранением техники, проводили занятия с офицерами. Один раз развернули полк, погрузились в эшелоны и уехали в район города Мурманска. Выгрузились у Нор-

*Мой самый младший брат –
Борис. Пять лет отслужил
на Тихоокеанском флоте,
на подводной лодке.*

вежской границы, провели учения полка на местности и вернулись обратно.

Прошло 8 месяцев. В это время снимают с должности начальника штаба 77-й ГВМСД. Как мне потом стало известно, командующий войсками Ленинградского военного округа генерал Соколов позвонил Ю.П. Максимову и сказал: «Давайте представление на должность начальника штаба дивизии подполковника Черевко». Максимов ответил, что Черевко аттестован на заместителя командира дивизии. Соколов: «Начальник штаба тоже заместитель командира дивизии».

Итак, в августе 1966 года я принял штаб 77 ГВМСД. Начальник штаба дивизии – это, практически, второе лицо в дивизии, потому что он имеет право отдавать приказы от имени командира дивизии, даже не согласуя их с ним. Главная задача начальника штаба – боевая готовность дивизии. Планирование и организация боевой и политической подготовки в частях дивизии, служба войск, в общем, вся жизнь и деятельность дивизии. Для мобилизации дивизии на прицепах автомобилей находились деревянные каркасы и брезенты, которые в любое время и в любом месте натягивают на каркасы, и получается емкая палатка, в которой принимают призывников. И когда я все это развернул, то понял: все эти деревяшки нужно выбросить и сделать (сварить) каркасы из труб и уголков по площади, в несколько раз большей, и обеспечить печками, так как мы находились на севере страны. Принял и другие меры к тому, чтобы этот объект больше никого не беспокоил. Караульное помещение, охраняющее дивизионные объекты, было в землянке. Это меня очень удивило. Но дивизия была боевая. Она участвовала в Висло-Одерской операции в составе Первого белорусского фронта под командованием маршала Жукова Г.К.

При прорыве обороны первый батальон 315-го мотострелкового полка этой дивизии проявил массовый героизм и успешно решил задачу, за что весь личный

состав батальона был награжден орденами Славы, а комбату было присвоено звание Героя Советского Союза. Итак, в дивизии «Батальона Славы», конечно, я посетил его первым. Подразделения дивизии размещались в одноэтажных барачного типа казармах. Вход – в центре барака. С левой стороны казармы находился «Батальон Славы», а с правой стороны – дивизионное подразделение: рота связи, разведрота и ремонтные мастерские. Когда я вошел в помещение «Батальона славы», то увидел казарму, загроможденную двухъярусными кроватями. Кое-где виднелись табуретки. Полы цементные. Стены грязные. Меня сопровождал командир полка полковник Семенов. Я его спросил: «Почему такой беспорядок в этой славной казарме?». «А что я могу сделать?» – огрызнулся он. «Заправить красиво всем воинам кровати», – посоветовал ему я. Когда я посмотрел тумбочки – они полупустые, не на всех есть мыло. Я вышел из этой казармы в шоке. «Батальон Славы!». Пошел к Ю.П. Максиму, подробно обо всем доложил и сказал, что это единственный такой батальон в Вооруженных силах, но размещен он очень плохо. «Я знаю», – сказал Максимов. «Я считаю, что нам нужно немедленно и капитально заняться этим батальоном, но для этого, конечно, потребуются деньги». Максимов: «Денег у нас на это нет!». Я предложил доложить командующему войсками округа и попросить, думаю, он не откажет. Максимов: «Нет, мы это пока делать не будем». Я – к начальнику политотдела полковнику Бессилину. Все ему изложил. Он развел руками: «Я ему несколько раз говорил об этом, но как видишь». «Тогда я займусь этим сам», – сказал я. Он: «Алексей Константинович, давай раскручивай, а мы поддержим». Больше я к Максиму не обращался. Тем паче мне сказали, что он ждет генеральское звание.

В 12 км от нас размещался мощный деревоперерабатывающий комбинат на реке Двина. Я поехал прямо к директору. Он меня хорошо принял и сказал:

«Поможем», насчет транспорта посоветовал подойти к диспетчеру, который на панелевозах отправляет заказы на объекты. Я зашел к нему. Ба... знакомые лица! Подполковник в запасе Третьяков, служил под моим началом в группе войск. С ним вместе спланировали двухэтажное караульное помещение с отопительной системой, учитывая размеры бетонных плит, панелей, столбов и т.д.

Я включил в эту работу командира саперного батальона, и он начал строительство караульного помещения. Едет к Третьякову, тот грузит то, что разрешил директор. А когда не хватало панелей, так он подойдет к панели, угол отобьет и говорит: «Брак, грузите!» и дело пошло. Командира 315-го мотострелкового полка я пригласил на его строевой плац и говорю: «Ставьте здесь палатки и разместите «Батальон славы», освободите казарму, а вторую половину освобожу я, и займетесь казармой». Он мне: «А где я возьму палатки?». Я ему: «Вы командир полка, выполняйте!». У него расчет был надавить на меня и продолжать свою спокойную жизнь. Дело в том, что у меня было воинское звание подполковник, а он — полковник. Но когда он понял, что этот номер не пройдет, начал искать палатки и нашел сразу у начальника тыла дивизии. Казарма была свободной, я решил привести ее в порядок и разместить в ней только «Батальон славы». Кровати решили ставить только в один ярус. Командир полка посчитал, сколько нужно кроватей, вытащил из казармы и организовал покраску их в голубой цвет. Посчитал, сколько нужно на всю казарму паркета. Директор комбината сказал, что паркет бесплатно дать не может, но подешевле сделает. Назвал сумму. Я к Максиму: «Нужны деньги на паркет». Он: «Что вы там, товарищ Черевко, еще затеяли?». Я ему не давал спокойно жить. Дивизия подчинялась округу, я написал письмо начальнику штаба округа. Все подробно описал. Через несколько дней — звонок. «Все вы правильно делаете, уточните, сколь-

ко и на что нужно денег». Я уточнил и получил нужную сумму. Итак, мы из казармы сделали то, что требовали воинские уставы. Полы, вместо цементных, – паркетные, кровати в один ярус, тумбочка – к каждой кровати, коврики тоже, на стенах – портреты, на окнах – занавески. И здесь, в торжественной обстановке разместили «Батальон Славы». Присутствовавшие Ю.П. Максимов и Бессилин сказали, что нужно привести в такой порядок все казармы дивизии.

Несколько слов о Ю.П. Максимове. Это был образованный офицер. Он был женат на дочери генерала из оперативного управления генштаба. После окончания академии имени Фрунзе его назначили командиром полка в Белорусский военный округ. Через 6 месяцев Максимов развалил этот полк. У него были слабые организаторские способности. Его сняли с этой должности, написали соответствующую служебную характеристику. С такой характеристикой к полку не подпускают. Его тесть едет в округ: и характеристику плохую переделывают на хорошую. Он устраивает его слушателем в академию Генерального штаба. После окончания этой академии Максимова назначают командиром 77-й гвардейской мотострелковой дивизии.

Итак, строительство караульного помещения завершилось, нужно было только рядом построить котельную. Боевые знамена всех полков дивизии хранились в нише этой же казармы. Я решил сделать ее такой, чтобы она отвечала высокому требованию – хранящимся здесь боевым знаменам, но работа еще не была закончена.

В августе 1967 года звонит начальник управления кадров округа и говорит мне: «Пишите рапорт в академию Генерального штаба». Во мне все перевернулось: то, о чем я тайно все время мечтал, сбывается. Написав рапорт, я с ним иду к командиру дивизии Максиму. Он прочитал и говорит: «Алексей Константинович, ну что вы? Давайте на следующий год, а сейчас здесь завершите то, что вы так успешно начали, еще же надо закончить место для знамен и пункт управления оперативного дежурного». Я ему: «Да вы

что? Эта же команда дана из округа, это распоряжение командующего». Максимов: «Да я ему позвоню, и на следующий год я вас устрою в эту академию, у меня там кругом свои люди». Я ему: «На следующий год у меня уже возраст не подходит». «Нет, — возражает он, — это — мелочи, я все сделаю». И я, честный дисциплинированный солдат, не имея нигде никакой «руки», кроме своей головы на плечах, вместо того, чтобы доложить в округ, что командир дивизии вашу команду не выполняет, потому что я хорошо работаю, промолчал и согласился ждать следующего года. А что он в округ доложил, я так и не знаю. Ведь он мог сказать, что я не та кандидатура.

А 12 декабря 1967 года — шифровка из округа: командиру дивизии со штабом завтра быть в Генеральном штабе в Москве в 10 часов.

Глава пятая

ЙЕМЕНСКАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Йеменская Арабская Республика расположена на Аравийском полуострове. Территория около 200 тысяч квадратных километров. Население 5,2 миллиона человек, язык арабский. Йеменцы – мусульмане, столица – город Сана.

В Йемене существовал один из самых архаичных режимов на земле – абсолютистская феодально-теократическая монархия. К сожалению, она и в двадцатом веке напоминала о мрачных временах средневековья. Сорок четыре крупных племени составляли Йемен. Каждое племя возглавлял его вождь – шейх. При объединении мелких племени он носит название шейх шейхов. У каждого шейха была своя армия. Шейхи на территории имели современные дворцы с бассейнами. На полях – виноградники и другие культуры. На этих полях работали рабы – арабы. Они своей земли не имели, жили в бедных лачугах и в пещерах скал. Часто голодные и полураздетые, они беспрекословно повиновались своему хозяину – шейху, который пользовался неограниченной властью по отношению к своим подданным.

В стране вся полнота власти принадлежала королю, который одновременно был и имамом. Он в своих руках сосредоточил законодательную, исполнительную и религиозную власть. И, как правило, разрешал все вопросы единолично, будь то важнейшие проблемы государства или мелкие хозяйственные дела.

В монархическом Йемене не было ни конституции, ни парламента. Правительство, назначенное королем, не играло почти никакой роли в управлении государ-

Советник начальника Генштаба
ВС ЙАР полковник
А. К. Черевко и советник
начальника оперативного отдела
ГШ полковник Ксинженко

ством. Лишь в исключительных случаях король созывал совещание наиболее влиятельных шейхов и священнослужителей. В IX–XII веках в Йемене существовало несколько государств, которые вели междоусобные войны, разоряя страну, не знавшую много веков ни мира, ни покоя. Феодалная вражда и действия иностранных завоевателей приводили к упадку города и население. Используя эту междоусобицу, турецкие султаны в 1528 году оккупировали часть территории Йемена. Еще 40 лет им понадобилось, чтобы захватить центральное нагорье страны, на котором находится столица – город Сана. Турец-

кие захватчики превращали народ Йемена в рабов: угоняли людей из страны. Разрушали жилища. И тогда народ Йемена под руководством своих вождей восстал на борьбу против турок.

В результате кровопролитных войн, длившихся до 1636 года, турки были изгнаны из города Саны, а затем и со всей территории страны. В 1850 году турецкие войска вновь высадились на йеменском побережье Красного моря и начали продвигаться в глубь страны. В 1872 году, преодолев отчаянное сопротивление йеменцев, они захватили столицу – город Сану и утвердили свое политическое господство над Йеменом, которое закончилось только в 1918 году.

Но в декабре 1918 года английские войска захватили город Аден, вторглись на территорию Йемена, вы-

Советские военные специалисты и советники

садились в порту Ходейда, оккупировали Тихаму, тем самым отрезав Йемен от внешнего мира, и подвергли их политической и экономической блокаде. И только в 1925 году Йеменская Тихама была освобождена от английских оккупантов, и Йемен как самостоятельное государство сформировалось в 20-х годах прошлого века, когда Иمامу Яхья, получившему титул короля, удалось подчинить себе ряд основных племен и захватить всю власть в свои руки. Подданные королю и в это время не имели никаких политических прав. За малейшую провинность жестоко наказывали: рубили конечности, отрезали уши, вырывали язык, публично отсекали головы. В этой сложной обстановке, по просьбе имама Яхьи, советское правительство 1 ноября 1928 года заключило договор о дружбе и торговле с Йеменом. Это способствовало прорыву дипломатической и экономической блокады Йемена.

В 1929 году положение в стране ухудшилось в связи с обострением Саудовско-Йеменского пограничного конфликта, спровоцированного англичанами. В феврале 1934 года началась Саудовско-Йеменская война. Войска Саудовской Аравии в течение месяца заняли Йеменскую Тихаму, вплоть до города Ходейды. 20 мая 1934 года был подписан договор, Йемен отказался от притязаний на Асир – спорная область была разделена между Аравией и Йеменом. Монархический реакционный режим вызывал растущее недовольство в различных слоях населения.

В 1936 году начали создаваться тайные организации, которые ставили целью добиваться реформ. Но эти организации были разгромлены.

В феврале 1948 года король Йемена Имам Яхья был убит, и власть в стране захватили заговорщики, но удержать ее не смогли, были разбиты войсками принца Ахмеда – старшего сына убитого короля, который объявил себя имамом и королем. Этот переворот был первой серьезной попыткой освободить страну от средневекового застоя и деспотической власти имамов. В 1951–1955-е годы Йемен подвергся сильному нажиму со стороны западных держав, стремившихся втянуть его в сколачиваемые ими военные блоки на Ближнем Востоке. Однако правительство Йемена осудило эти блоки и придерживалось политики неприсоединения, укрепляя содружество с арабскими странами и Советским Союзом.

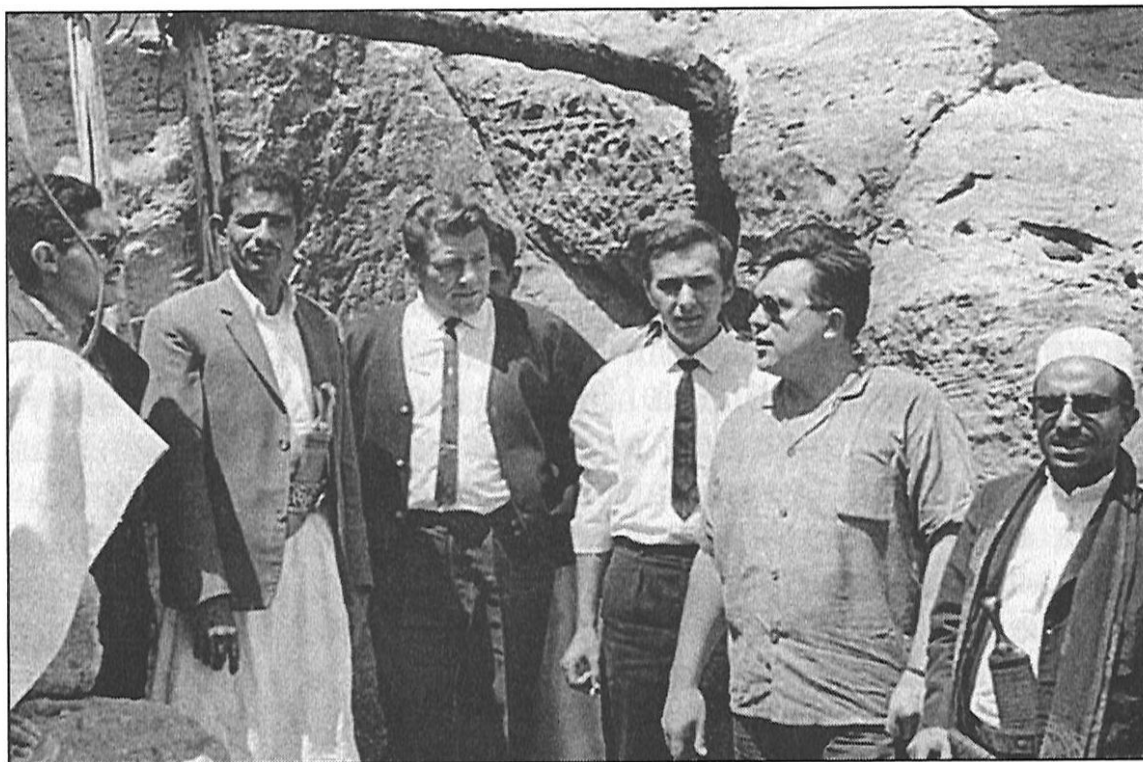
В области внутренней политики король Ахмед продолжал реакционный курс. В этой обстановке оживилась деятельность прогрессивных сил в армии «Свободные офицеры». В Адене была создана еще одна влиятельная революционная организация – «Йеменский союз». В ее программе впервые было выдвинуто требование: республика вместо монархии. 31 марта 1955 года части Таизского гарнизона во главе с майором Эс-Салялем, который входил в организацию «Свободные офицеры», окружили королевский дворец в Сане и потребовали отречения имама Ахмеда от власти. Ахмед вступил в переговоры, намеренно тянул

время, чтобы сын имама Ахмеда Аль-Бадр мог привести племена с севера, и подавил восстание. После этого революционное движение росло вширь и вглубь.

26 марта 1961 года члены организации «Свободные офицеры» совершили покушение на жизнь короля имама Ахмеда. В больнице города Хадейда 19 сентября 1962 года от полученных ран король скончался. Покушение организовали три молодых офицера: Махмед аль Улуфи, Абдала аль Локья и Моханси Хиндуван. Все три офицера погибли как герои, не выдав руководителей организации. После смерти имама Ахмеда к власти пришел Мухаммед эль-Бадр, который назначил главнокомандующим вооруженных сил и королевской гвардией одного из популярных офицеров, участников восстания 1948 года, полковника Абдалла Эс-Саляля.

25 сентября 1962 года Эс-Саляль договорился с полковником Халудом аль-Джейфи, что тот для поддержания революционного гарнизона Саны направит из Хадейды танковые подразделения. Аль-Джейфи выполнил обещание, и танки вовремя прибыли в столицу. В ночь с 26 на 27 сентября 1962 года революционные части окружили королевский дворец и потребовали капитуляции короля и его окружения. Сопротивление охраны короля было подавлено. Аль-Бадр бежал в Саудовскую Аравию. Несколько десятков ярых монархистов были казнены, часть арестована. 27 сентября 1962 года радио Саны оповестило – власть в стране имама революционными силами свергнута, Йемен провозглашен Республикой, сообщив о начале новой эры в истории Йемена и призвав народ поддерживать завоевания революции.

Президент Египта Насер ввел свои войска в Йемен для защиты молодой республики, 4/5 населения которой были неграмотны. До революции была всего одна четырехлетняя школа в городе Сана, двухлетняя – в Таизе и Хадейде. Обучались в этих школах только мальчики. До революции, то есть до 1962 года, в Йемене не было ни одного кинотеатра, тем более театра. Браки по любви – явление редкое, даже и в

*Полковник А. К. Черевко с группой советников
в племени Касема Мунасера (второй слева)*

сегодняшнем Йемене. Йеменцам Коран разрешает иметь четырех жен одновременно, в том случае, если он сможет содержать их. Богатые практически имеют до десяти и более жен. Однако женщины и по сей день находятся на положении рабыни. Этот обычай, культивировавшийся веками реакционным мусульманским духовенством, не так легко изменить в течение нескольких лет.

Йеменцы очень любят детей. Физическое наказание ребенка в семье почти исключается. Наказывающий осуждается. Рождение ребенка в семье, особенно мальчика, — большое счастливое событие. Это праздник. Йеменцы мужчины уже в 8 — 10 лет и до преклонного возраста считаются воинами, все вооружены винтовками и кинжалами — «Джамбия». Они физически выносливые, жилистые, худые, энергичные. В вооруженные силы призываются из племен с 14 до 30 лет. Солдаты, сержанты высоко дисциплинированные и с большим чувством ответственности относятся к исполнению воинского долга. Проявляют боль-

шие способности в учебе, хотя вместо росписи ставят отпечаток пальца. В бою – смелые, любят стрельбу, но ведут неприцельный огонь.

Йеменская революция 1962 года перенесла этот талантливый, смелый и гордый народ сразу из XIV в XX век. А это вызвало отрицательную реакцию у существующего феодального режима. Шейхи свои вооруженные отряды повернули против новой республиканской армии, против завоеваний республики. Но часть шейхов (два) поддержали республику и выступили в ее защиту. Это те, которых притеснял король.

А теперь восстановим в памяти этапы пятилетнего пути развития ЙАР. За 5 лет существования республики йеменцы много и успешно трудились, чтобы избавиться от тяжелых последствий правления имамов. Неуклонно рос международный авторитет молодой республики. Президент Насер и король Саудовской Аравии Фейсал договорились, что объединенная Арабская Республика выведет свои войска из Йемена, а Саудовская Аравия прекратит оказывать помощь йеменским шейхам, и, прежде всего оружием, поставляемым США.

Египетская сторона добросовестно выполнила свои обязательства – вывела свои войска из Йемена. А Саудовская Аравия приютила у себя свергнутого имама аль-Бадра, который вооружил северные племена Йемена, граничащие с Саудовской Аравией, и повел их на город Сана для свержения республиканского строя. Поднялись и другие племена. Молодая армия Республики, вооруженная артиллерией, имея танковый батальон в городе Сана, поставленный из Советского Союза, оказала сопротивление. Началась гражданская война.

Вывод египетских войск из Йемена, по мнению западных стратегов, открывал благоприятную возможность задушить республику и восстановить монархию. Учитывая Израильскую агрессию в июне 1967 года против арабских стран, монархисты и их западные покровители рассчитывали, что правительство ЙАР без помощи арабских стран не сможет собственными си-

лами ликвидировать мятежное выступление. В расположении монархистов постоянно находились сотрудники американской и английской разведок. Все они стремились к скорейшему захвату города Саны.

Выступление монархистов против республики всколыхнуло йеменский народ, заставило по-новому ощутить свою силу. На призыв правительства отстоять революцию откликнулась молодежь страны. Одновременно на самом юге Аравийского полуострова делает свои первые шаги другое суверенное арабское государство – Народная Республика южного Йемена. И, несмотря на происки империалистов и их подручных, развязавших в стране военные действия, правительство ЙАР уделяло большое внимание экономическому развитию.

При помощи Советского Союза был построен и введен в эксплуатацию глубоководный морской порт Ходейда, один из лучших портов Красного моря. В этом городе в 1966 году введен в эксплуатацию завод по производству малой металлической тары для нефтепродуктов. Построен цементный завод – 50 тыс. тонн цемента в год. Он полностью удовлетворил потребности страны. Три аэропорта с современными взлетно-посадочными полосами – два в городе Сана и один в Ходейде. Огромная помощь оказана в строительстве дорог и в сельском хозяйстве, подготовке кадров по различным специальностям.

Одержавшая победу Республика, должна была защищаться. Был подписан договор с СССР о военном сотрудничестве. С задачей оказать помощь в создании национальных вооруженных сил в ЙАР была направлена небольшая группа советских военных специалистов во главе с генерал-майором Самариным, которые назывались консультантами. Из южного Йемена – Адена – были направлены в город Сана отряды коммандос и парашютистов в количестве 1300 человек во главе с командиром капитаном Ракиб.

В июне 1967 года совещание, проводимое шейхами, показало, что принято решение о создании исламского государства.

Сана. На крыше дома, в котором мы жили. 1969 г.

В обстановке, когда идет много шума о строительстве армии, а это значит укреплении центральной власти Республики, шейхи еще больше активизировали свои действия, направленные на ликвидацию республики. Не буду останавливаться и на разногласиях среди шейхов, и в руководстве монархистов, в результате которых к власти пришло новое правительство — военные во главе с Мухаммедом ибн Хусейном. Шейхи намеревались пойти на такой союз с Хусейном, хотя отдельные деятели считали, что сейчас создание исламского государства в ЙАР невозможно, так как слишком большие силы на стороне республики. Поэтому монархисты продолжали со всех сторон наступательные действия на Сану. Части республиканской армии были разрознены, отступали. Дорогу Сана — Ходейда перехватили монархисты, и столица была изолирована от главного порта на Красном море — Ходейды.

Фейсал поставил Хусейну задачу: к концу июля 1967 года взять Сану, для этого Саудовская Аравия дает деньги. Если Сана не будет взята к указанному сроку, Фейсал больше денег не даст. Монархисты торопились — перехватили дорогу Сана — Таиз и блокировали выход от столицы на юг. К октябрю 1967 года

Президент ЙАР Арьяни проводит совещание с офицерами. 1968 г.

к столице вышли 4 мощные группировки — численностью более 40 тыс. человек. На северо-востоке Саны оказались племена шейха Касема Мунасера — одного из сильных вождей племени, который все время рвался к центральной власти. Мы еще к нему вернемся.

Республиканские войска при помощи наших консультантов организовали на высотах вокруг города оборону и в Сану монархистов не пустили. Начались боевые действия за город Сана. Наиболее активно действовали в обороне отряды парашютистов и коммандос. Они перекрыли главные дороги, заминировали, забаррикадировали и активно отбивали наступление монархистов. Город Сана простреливался насквозь артиллерией и минометами. Территория, которую обороняли республиканские подразделения, составляла 8–10 км с востока на запад и до 15 км с севера на юг. Взлетно-посадочная полоса аэродрома находилась на северной окраине Саны. Постоянно город был под обстрелом. В городе начался голод. Убитые жители Саны валялись на улицах, их никто не убирал. Рынки работу прекратили, потому что на них гибло много людей. Кольцо блокады, в которое монархисты взяли город, постоянно сжималось. Все посольства, кроме китайского, из Саны выехали в город Ходейда и Таиз.

Китайцы засыпали бочки землей и в несколько рядов по высоте огородили здание своего посольства и, находясь за забором из бочек, остались в Санае. Боеприпасы в танковом батальоне, в который входили 14 «Т-34» и 10 «САУ-100», закончились. Экипажи танки бросили и разбежались по домам. Артиллерия имела много боеприпасов, но батареи, обороняющие главные подступы к Санае, тоже оказались без расчетов. Какие силы сработали, не знаю. В это время Советский посол Мирзо Рахматович Рахматов эвакуировал посольство из Саны в Ходейду. Якобы он разрешил и генералу Самаркину с группой консультантов тоже уехать из Саны в Ходейду.

К этому времени монархисты выбили подразделения, обороняющие вершину горы Нукум, под которой стоит город Сана, и захватили эту гору. С вершины горы Нукум они просматривали весь город и полосу аэропорта. Следили не только за йеменцами, но и за советскими консультантами. Как только отмечали дом или двор, в котором они появлялись, тут же открывали артиллерийский огонь и рушили этот объект. И нашим консультантам приходилось часто менять место пребывания, особенно ночью, так как днем они были на боевых позициях вместе с войсками, которых становилось все меньше. Поэтому генерал Самаркин, заручившись советом посла, докладывал министру обороны маршалу Гречко А.А.: «В связи с осложнением обстановки в городе Сана и возможности его взятия монархистами, я со своей группой, по предложению посла, переехал в город Ходейду».

12 декабря 1967 года меня пригласил генерал-майор Ю.П. Максимов и сказал: «Только что звонил командующий ленинградским военным округом и приказал, чтобы штаб дивизии во главе со мной завтра в 10 часов утра был в Москве – в генеральном штабе». Сейчас 12, последний рейс в Москву в 17 часов. Составили список и дали команду к вылету. Я пришел домой, моя милейшая с нашим вторым сыночком, ему

был годик, сидела, держа его на руках, и кормила грудью. Увидев, как быстро я вошел в дом, спросила: «Что случилось?», я ей сказал. Она прервала занятие и начала собирать мой «тревожный» чемодан. На ее вопросы «Куда? Зачем?» ответов не было. Попрощавшись, оставил их втроем — старший сын был в школе.

12 декабря 1967 года в 15 часов я покинул свой дом. Вернее не «свой дом», у меня никакого своего дома не было. Я оставил свою семью, самых дорогих и близких мне людей, в служебной квартире, в которой температура выше 11 градусов не поднималась, и вышел из дома. А вечером мы уже были в Москве. Группа штаба дивизии состояла из 7 человек, командир дивизии восьмой. Командира дивизии и меня пригласили к маршалу И.И. Якубовскому. Он вышел из-за стола, поздоровался за руку и пригласил сесть за стол, на котором лежала карта, а на ней Красное море и Йеменская Арабская Республика. Изложив кратко обстановку, сказал: «Йеменское правительство обратилось к нам с просьбой оказать им военную помощь. Ваша задача: по возможности, собрать разбежавшуюся армию, во что бы ни стало отстоять город Сану. С падением Саны разрушится республика! Хорошо разберитесь в обстановке, и что будет нужно — докладывайте». Нам невзначай показал шифровку из Йемена генерала Самаркина и на ней резолюция министра обороны — «Генерал Самаркин — трус, судить военным трибуналом». А потом подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал: «Забыл я твою фамилию». Я назвал. Он, Максимову: «Это мои кадры по группе войск в Германии — отличный командир первого гвардейского шести орденоносного танкового полка. Желаю вам успеха! Пойдемте!». И мы втроем зашли в кабинет министра обороны.

Маршал Гречко А.А. хорошо нас встретил и спросил Якубовского: «Ну, ты им задачи поставил? Обстановка сложная, хорошо на месте разберитесь и действуйте разумно, берегите наших людей. Вопросы? До свиданья». Пожал нам руки и пожелал успеха. Спустились вниз. С нашей группой стоял полковник

из Генштаба, который сопровождал нас на вещевой склад, где мы переоделись в гражданские костюмы и пальто. А вечером на самолете с военного аэродрома вылетели в Венгрию. Там, на военном аэродроме, нас ждали четыре «Ан-12», груженные авиабомбами. Мы пересели на один из таких самолетов, взяли с собой четырех военных специалистов из группы генерала Самаркина. Они летели домой, в Советский Союз, но их вернули обратно, в расчете на то, что они там все знают и нам окажут помощь. Колонна из четырех «Ан-12» приземлилась в Каире. Здесь нашу группу встретил главный военный советник в Египте и от имени египетского военного командования пригласил на обед. Во время обеда мы о положении дел в ЙАР ничего нового не узнали. Поблагодарили за гостеприимство и улетели.

14 декабря 1967 года в конце дня мы приземлились в Ходейде. Нас встретил полковник Чернов, советник при командующем военно-воздушными силами ЙАР. На аэродроме в Ходейде были наши «Миг-17», истребители и бомбардировщики «Ил-28». Летчики — йеменцы, прошедшие учебу в Советском Союзе. Чернов с нашими летчиками-специалистами их обкатывали. Мы с Черновым договорились о взаимодействии.

С аэродрома поехали в наше посольство в ЙАР. Посол М.Р. Рахматов и его первый заместитель Перышкин встретили нас, мы поужинали, отдохнули до утра. Все это время мы старались побольше узнать, что творится в Санае, но в конце концов поняли, что у них нет информации, интересующей нас. Мы знали только то, что нам наши летчики на аэродроме рассказали. А рассказали они о том, что летают, бомбят и обстреливают позиции монархистов, которые по-прежнему находятся вокруг Саны. Говорили о брошенных танках на сожженной окраине города, артиллерии без расчетов, что город блокирован со всех сторон монархистами, и они постоянно обстреливают город артиллерией и минометами.

15 декабря 1967 года рано утром закатали «Уазик» в военно-транспортный самолет «Ан-12», вся группа

военных советников и специалистов расселась на боковых лавочках. Поднялись в воздух. Перед этим бомбардировщики нанесли удар по позициям артиллерии монархистов. При подлете нашего самолета к городу Сана наши «Ил-28» снова нанесли бомбовый удар по позициям монархистов, которые обстреливали северную посадочную полосу. С воздуха нас прикрывал «Миг-17». «Ан-12» плюхнулся на бетонную полосу, которая имела много воронок от снарядов и мин, но они были неглубокие, бетон был крепкий, самолет потряхивало, но он приземлился нормально. Мы высадились, выкатили машину, самолет развернулся и пошел на взлет. Тут же к нам подъехал «ГАЗ-63» с небольшой группой военных. Нам предложили быстро покинуть аэродром, и мы поехали в город, находящийся отсюда в двух километрах.

Когда «Ан-12» взлетал, монархисты открыли огонь и несколько снарядов разорвались позади на полосе.

В Сану прилетели 12 человек, вот их имена:

1. Главный военный советник генерал-майор Максимов Ю.П.
2. Советник начальника Генштаба подполковник Черевко А.К. Зам. главного военного советника.
3. Специалист начальника связи Генштаба подполковник Бабаев Н.И.
4. Специалист полевой артиллерии капитан Лукашенко В.Н.
5. Специалист по танкам майор Самойлов А.В.
6. Специалист по минометам капитан Овчаренко В.М.
7. Специалист по зенитной артиллерии капитан Тимохин В.Е.
8. Специалист по вооружению подполковник Рвалин Н.А.
9. Специалист по тылу ВС подполковник Аксинин И.Н.
10. Военный переводчик лейтенант Шишков В.А.
11. Шофер, рядовой Воробьев Н.А.
12. Специалист пехоты майор Комаров О.Л.

По распоряжению Максимова я взял с собой подполковника Бабаева, переводчика Шишкова и поехал в генеральный штаб. Офицер, который нас встречал, — впереди, я за ним на своем грузовом «Уазике». Мы разместились в центре города, а Генштаб — на южной окраине в двухэтажной казарме, обнесенной глинобитной полуразрушенной стеной. При подъезде к проему, где были ворота, монархисты из артиллерии и минометов открыли огонь по этому штабу. Они с горы Нукум за нами наблюдали. Мы выскочили из машины и прижались к стенке. Подождали. Монархисты прекратили огонь, мы — бегом во двор и в полуразрушенное здание штаба. Нас завели к начальнику оперативного отдела, я представился, сказал, что я советник начальника Генштаба и мне бы надо к нему.

Выяснилось, что начальник Генштаба полковник Бейдер вчера ночью, переодевшись в женское платье, на ишаке отправился в Тихаму. Монархисты объявили по радио Джоф, что они готовят операцию и к рамадану, где-то к концу декабря, возьмут Сану. Монархисты опять открыли огонь, снаряды рвались рядом, посыпались стекла в окнах, и мы спустились в подвал. Там было обустроенное место для работы. На столе лежала затертая карта начальника оперативного отдела (фамилию не помню). У него был вид измученного человека, но при встрече с нами он как-то сразу приободрился, высказал даже радость в связи с нашим прибытием. И начал докладывать обстановку.

Глядя на эту карту и слушая докладчика, я понял, что г. Сана стоит на горном плато, на высоте 2 тыс. м над уровнем моря. На этом плато город окружают горы и скалы. На запад от города идет горная дорога в сторону Красного моря, не доходя до моря 70 км — горный хребет, идущий с севера на юг параллельно морю — и открывается пустыня Тихама, шириной 60–80 км. Через эти поля и пустыню далее дорога в порт Ходейда. С запада позиция монархистов проходит по горному массиву, перехватив дорогу из Ходейды в Сану. Численность племени более 10 тыс. человек. С этой стороны Сану обороняют племена шейха Ахмара, перешедшего на сторону Республики.

С севера со стороны Саудовской Аравии по главной дороге наступает группировка племени свергнутого имама эль-Бадра, находящегося в Саудовской Аравии и имеющего при себе ее офицеров. Против этих сил обороняется 10-я пехотная бригада республики.

С востока – 12-тысячная армия племени Касема Мунасера, имеющая американских военных советников. Против нее действуют коммандосы и парашютисты с артиллерией. Они прибыли из Адена.

С юга, где обрывается гора Нукум, – ровное плато, по которому идет дорога на юг страны – в Аден: через Хозяяз и Таиз. Глубина плато более трех км. По фронту это плато выходит из-за горы Нукум, огибает город с юга и упирается в гору Накдейн на юго-западе Саны – примерно километров 10.

Здесь группировку племен возглавляет брат эль-Бадра – Ахмед. Это главная группировка, которая должна захватить город. При ней тоже находятся американские офицеры. На юге Саны перед этой группировкой войск противника и расположен Генштаб, по которому они все время бьют.

Против этой главной группировки республиканцы выставили артиллерийские батареи у основания горы Нукум – прямо перед ровным открытым плато. А справа от Генштаба, в районе горы Накдейн, расположен танковый батальон. Вот это я усвоил из доклада начальника оперативного отдела в подвале здания, по которому били монархисты.

А потом говорю: «Я советник начальника Генштаба, кому я должен буду советовать? Где начальник Генштаба?». Он пожал плечами, а потом: «Я на себя это не могу взять». «А кто, министр обороны?». Он: «У нас был главнокомандующий эс-Саляль, но его сейчас нет, говорят, он улетел в Каир». «А кто может взять на себя обязанности начальника Генштаба?» – «Не знаю. Вот тут я видел недавно подполковника Мисвари, он был заместителем начальника Генштаба. Я его попросил о встрече с ним». Потом я спрашиваю: «Почему танки разбросаны по всему полю на окраине города? Где экипажи? Почему у артбатарей не

видно расчетов?». Он отвечает: «У танков нет боеприпасов и горючего. Экипажи разбежались по домам, артиллеристы тоже». «Я вас прошу, — говорю я — объявите любым способом по городу и окрестностям, чтобы танкисты и артиллеристы вернулись на свои места, так как прибыли советские военные специалисты, и мы будем вместе оборонять город». «Тамам, Тамам — все сделаем», — обрадованно ответил он (тамам — это хорошо). У меня больше вопросов нет, собираюсь уходить. Он: «Спасибо вам, спасибо, мы знаем, что советская армия — самая сильная в мире. Мы с вами побьем всех врагов республики». Мы поспешили выйти из подвала и бегом к машине, она стояла за стеной забора, сели и уехали.

Максимов: «Где вы так долго застряли? Мы тут уже беспокоились!».

Собрали всех специалистов, и Максимов попросил меня доложить. По поводу того, что нет начальника Генштаба, он сказал: «Пока работайте с теми, кто есть, а я завтра вылечу в Ходейду, так как тут мне делать нечего. Тут твоя, Алексей Константинович, вотчина. А я там выйду на главу государства Арьяни, и буду действовать через него. И потом у меня связь с нашим Генштабом только через Советского посла, а там уже ждут моего доклада». На другой день утром по той же схеме приземлился «Ан-12», и Максимов улетел. Мои специалисты на меня посмотрели, и я понял, что теперь все зависит от меня. Вся ответственность ложится только на меня.

В эти два дня монархисты заметили, где мы находимся, и открыли беглый огонь, то есть без всякой пристрелки по нашему дому. Мы еле-еле успели спастись бегством. После этого поехали во двор, где размещалось Сов. посольство. Там около дома были бани под землей, и мы пока разместились в этих банях. Посольство со стороны монархистов не просматривалось.

За это время у меня в голове уже созрел план действий, и я всем специалистам поставил задачи. Прежде всего танкисту и артиллеристу, минометчику и дру-

гим. Уточнить наличие танков, артиллерии и принять меры вместе с офицерами Генштаба к возвращению расчетов на свои места.

Принятые активные меры, в том числе и по радио, дали результаты. На второй день начали появляться и командиры подразделений, и расчеты, и экипажи танков. Я проскочил на артиллерийские позиции у подножия горы Нукум. Стоят две батареи 85-мм пушек, около них кучи снарядов и уже стали появляться расчеты. Была дана команда пока ставить на орудие по два человека — командир и наводчик, так как есть данные, что монархисты на этих днях переходят в наступление. Танкисты более организованно возвращались к своим танкам. Некоторые танки были в боевом состоянии. Все танкисты и артиллеристы поняли, что если они не займут свои места, то их займут другие, и поэтому поторапливались. Потому что в Санае появились советские офицеры, поторапливались и монархисты со своим наступлением. Они нам дали шесть дней, а 21 декабря 1967 года перешли в наступление две главные группировки: южная — Ахмеда, и восточная, так будем их называть, Касема Мунасера. Восточную отбивали командосы и парашютисты капитана Ракиба. А южную — обороняли две артиллерийские батареи 85-мм пушек, минометная батарея, три танка «Т-34» и отдельные группы пехоты, собранные наспех за эти дни.

В плотных построениях — в 5–6 шеренг вглубину и до 10 — по фронту — они торопились. Между ними — итальянские грузовые автомашины «Фиат». На углах кузова впереди этих машин — крупнокалиберные пулеметы «Кольты». В кузове — минометы с минами и расчеты. Я с рассвета со своими специалистами был уже на позициях. Мы знали, что советники и советские специалисты в боевых действиях участвовать не должны, но тут был особый случай: мы защищали себя. Наступление шло на широком фронте, все это ровное плато было занято их войсками. Танкист Самойлов из всех танков собрал всего 18 снарядов, разделив их между тремя танками, и расположил на пра-

Миномет.

вом фланге, у подножия горы Накдейн. Всех своих специалистов я поставил у 85-мм орудий, где не было расчетов. А сам у скалы занял наблюдательный пункт, откуда все было видно.

Наступающие вышли на это ровное поле в своем боевом построении и открыли огонь из минометов и крупнокалиберных пулеметов с автомашин, артиллерия вела огонь из закрытых огневых позиций. И накрыли наши подразделения сплошными разрывами мин и снарядов. Танкисты на своем фланге начали бить по этим «Фиатам» из орудий — наступление замедлилось. Недалеко я увидел 160-мм миномет и мины в ящиках. Поставил этот миномет на ровную площадку, дал угол его трубе, примерно, поднял мину (только тогда я узнал, что она весит 48 кг), и пустил ее в трубу. Она чихнула и вылетела. Уловил ее разрыв, он оказался перелетным. Я понизил трубу. Второй выстрел — в районе наступающих, третий и так далее. Из пушек вначале стреляли наши специалисты по одному-два человека на орудие, потом к ним присоединились бывшие члены расчетов. Шейхи считали, что у республики танки без экипажей, а пушки без расче-

тов, но когда машины их выбили, они растерялись. И, несмотря на это, начали вводить резервы пехоты в бой, усиливать артиллерию.

Наши авиаторы каждое утро вылетали в район Саны, видели, что идет сражение, оказывали нам помощь с воздуха. Одновременно били и восточную группировку Касема Мунасера. Наступление захлебнулось. Конечно, если бы у нас были силы, можно было перейти в контратаку и добить наступающих, но таких сил не было. К концу дня наступающие оставили поле боя и начали скрываться в своих скалах и населенном пункте Хозяяз. Потери понесли они серьезные.

Среди республиканцев потери были тоже, но небольшие. Когда монархисты начали отступать, а кое-где и побежали, наши воины кричали «УРА!». На второй день, 22 декабря 1967 года, монархисты повторили наступление на этих двух направлениях, но добавили еще и третье — с севера, где на командном пункте находился изгнанный из Йемена имам эль-Бадр. Об этом дне скажу только, что монархисты были отбиты, кое-где с трудом, и продолжали свои атаки до 25 декабря. Они перешли к обороне и начали праздновать свой праздник «Рамадан».

Мы получили возможность в этих трудных условиях приступить к созданию национальных вооруженных сил Йемена. 23 декабря 1967 года ко мне подошел и представился подполковник Мисвари. Он начал благодарить и хвалить нас за то, что мы отбили это наступление монархистов: «Если бы не вы, мы бы Сану не удержали». Я его перебил и сказал, что это уже история, а мы давайте решать сегодняшние задачи и спросил его, какую он должность занимает. «Был заместителем начальника генерального штаба, а сейчас нет никакой», — ответил он. «У меня есть проблема, которую я без вас решить не могу, — сказал я и продолжил: — По приказу советского правительства я прибыл сюда на должность советника начальника Генерального штаба, с задачей оказать вам помощь в защите республики. Советник есть, а начальника Генштаба нет. В эти дни мы стреляли из орудий по насту-

пающим монархистам по своей инициативе, но так дальше нельзя. Если начальник Генштаба сбежал, так вы, его заместитель, занимайте его место. Организуем штаб, восстановим управление войсками, теми, которые сейчас обороняют Сану, и начнем создавать новую армию республики», – закончил я. Он: «Но я не могу самостоятельно занять место начальника Генерального штаба». «Хорошо, займите свое место заместителя начальника Генерального штаба, а я буду работать с вами». Мисвари согласился. «Но мне нужно доложить Арьяни, а он находится в Тайзе», – сказал он. «Потом доложите, а сейчас слушайте меня». Он достал талмуд и ручку, и я начал: «Остатки Генштаба, которые находятся на юге Саны, по которым все время бьют из пушек и минометов монархисты, нужно немедленно оттуда убрать!». Вопрос – куда? «На северной окраине Саны, с левой стороны дороги, идущей на аэродром, есть двухэтажное здание. Забор, которым оно огорожено, разрушен, стекла окон выбиты, а так здание целое. Туда и нужно перевести штаб». Я достал из кармана схему «Структура Генштаба»: «По этой схеме организуйте отделы. Подберите себе 2–3-х заместителей из тех, кто учился в Советском Союзе. Вы посмотрите, сколько болтаются офицеров без дела». И предложил ему проехать к этому зданию, он согласился.

Во дворе здания и в самом здании какие-то солдаты. Подскочил к нему офицер и доложил, что здесь формируется первый батальон новой пехотной бригады, которую называли «Буря». Занимается этим полковник Хауляни. Мисвари сказал мне: «Все, решение принято, приступаем к делу» и распорядился вызвать к нему Хауляни, но тут, увидев нас, подошел офицер, представился – командир пехотной бригады «Буря». Тут же Мисвари отдал ему распоряжение – передать Хауляни, чтобы сейчас же начали приводить в порядок это здание. Тут будет размещаться Генеральный штаб, а для бригады подберем другое место. Так я назначил начальника Генерального штаба, что-

Генерал Дейфала. Впереди слева – его советник А. К. Черевко

бы было кому давать советы, и он взялся за работу. Чтобы разобраться в том хаосе, который в это время творился в Сане, я дал поручение нашим специалистам изучить в своих родах войск, где, какие подразделения, к каким частям относятся, так как на боевые позиции были наспех поставлены отряды, роты, группы. «Какая есть боевая техника, в каком она состоянии, кому она подчиняется, где и сколько есть боеприпасов и каких. И другие средства вооруженной борьбы: мины, фугасы, взрывчатка, гранаты и т.д. Все взять на учет и под охрану, чтобы ничего не попало монархистам». Они везде рыскали и, что плохо лежало, прибирали к рукам. А сам я решил разобраться в расстановке политических и военных сил в Сане и стране. Левые – националисты: Ракиб, Наджи, Форхан, Кокляни – прогрессивные, легко поддаются влиянию. Стремятся к захвату власти. Возглавляет отряды командос и парашютистов – Наджи. Связь с Аденом.

Они внесли серьезный вклад в оборону Саны и постоянно вносят анархию в Республиканскую армию с целью вывести ее из подчинения главнокомандова-

ния и правительства. В обстановке разбираются слабо. Приказы не выполняют. Деньги воруют. Вверенные им подразделения занимаются воровством личного состава с приемного пункта. Количество личного состава скрывают. Среди парашютистов много и хороших офицеров. Но с Ракибом можно хоть разговаривать, с другими труднее. Правительство и главнокомандование нынешние задачи по ликвидации беспорядка в армии решить не способны, а если не навести порядок, то эта стихия приведет к катастрофе. Эти силы поддерживают китайцы. Насчет сборного пункта личного состава Форхан сказал, что он нужен для пополнения войск, но только в распоряжении Генштаба, а не начальников родов войск, так как каждый начальник тянет людей только себе. Форхан привел пример: в Таизе на сборном пункте парашютисты силой забрали себе 150 человек призывников, а начальник пехоты – 200 человек.

Правые – баасисты – Хауляни, Мисвари, Хауви, Дафай – скомпрометированы. Способные офицеры. Но Хауляни занимается формированием пехотных бригад, рвется к власти. Его действия отдают авантюрой. Халин и Шайф настраивают свои силы раздавить «левых», ликвидировать анархию, а для наведения порядка можно и расстрелять десяток-другой.

Некоторые считают – разгром прогрессивных сил опасен. Нужно объединять все силы страны. В крайнем случае Наджи убрать, а остальных сплотить. Эти силы сейчас у власти. Они завоевали республику и стремятся ее отстоять. При встрече с Ракибом мы долго говорили на эту тему. Он: «Республиканская армия – это только коммандосы и парашютисты. Сану обороняли только они, но Генштаб личного состава для восполнения потерь нам не давал. Кроме коммандос и парашютистов республиканская армия – это реакция, возглавляемая полковниками, которые на позициях не бывают, а только занимаются собой. Сану не обороняют».

Шейхи, которые настроены против республики, принимают все меры, чтобы сорвать работу по созда-

нию новой армии, защищающей интересы республики и ее народ. Они против работы в Йемене советских военных специалистов. Все мероприятия по строительству армии срывают, растаскивают оружие, боеприпасы, машины и так далее. Их поддерживают Саудовская Аравия и США.

Шейхи со своими племенами ждали момента, чтобы все прогрессивные силы раздавить, ликвидировать республику, установить правительство из шейхов, убрать всех прогрессивных министров и создать шейховское государство.

Главнокомандующий ВС Амри побаивался усиления левых националистов (Ракиб, Наджи) и правых баасистов (Хауляни, Мисвари) и умело сталкивал эти республиканские силы друг с другом, опираясь на шейхов и племена Ахмара и Матари, поддерживавших республику и принимавших участие в обороне города Саны и открытии дороги Сана – Ходейда.

В феврале 1968 года, после открытия этой дороги, Сана соединилась с главным портом страны, началось ее нормальное снабжение. В это время подполковник Рвалин мне доложил, что под горой Нукум – огромный склад боеприпасов, он обнаружил мины для «катюш» «БМ-24», 1800 штук. А в тупиковом переулке Саны брошены две установки «БМ-24», но они разграблены, двигатели и все колеса сняты. Одни рамы. Я ему: «Боеприпасы – под контроль. Установки «БМ-24» приведите в элементарный порядок и буксиром «БТР-152» перетащите на позицию, на южную окраину Саны. Поставьте их за дувалом, замаскируйте. Подвезите к ним аккумуляторы и ракеты, расчеты и охрану. И держите в боевой готовности. Есть сведения о том, что монархисты в феврале готовят очередную наступательную операцию». Все было исполнено.

Согласно плану строительства армии мы развернули работу по формированию двух пехотных бригад «Буря» и «Единство». Ими занимались Хауляни и при нем наш советник, вновь прибывший полковник Стрелков Ж.В.

Существующая 10-я пехотная бригада находилась на боевых позициях севернее Саны. Приводили в порядок 1-й отдельный танковый батальон из 14 «Т-34» и 10 Суу-100. Советником при командующем бронетанковыми войсками — наш полковник К.И. Макшанцев. Артиллерийский дивизион 85-мм пушек и минометный 125-мм — капитан Лукашенко В.Н. При дивизионе «БМ-24» — майор Самойлов, при зенитном дивизионе — капитан Тимохин И.В. Советник при начальнике оперативного отдела Генштаба — полковник Ксинженко Н.В. Это были образованные и опытные советские офицеры. Некоторые из них — участники ВОВ. Работали самоотверженно. Мне было с ними легко. Йеменцы к нам относились исключительно хорошо. Когда Сана была со всех сторон зажата, в ней не было ни света, ни воды, ни продуктов питания, базары разбиты, мы просто голодали. Йеменцы делились с нами последним куском хлеба, причем по их инициативе. Должен сказать, что наш главный военный советник Ю.П. Максимов жил в Ходейде при сытом посольстве. К нему приехала жена, они купались в Красном море, ездили на машине в Аден, но продуктов нам в Сану он не сбросил с самолета. Приезжал он всего три раза, но ничего для наших людей не привозил. А по нашим воинским законам — первая обязанность командира — забота о подчиненных.

В январе 1968 года монархисты видели, что республика после декабрьского наступления при помощи советских специалистов решительно восстанавливает боеспособность своих вооруженных сил. И решили еще раз попытаться захватить Сану. На них сильное давление оказывали Саудовская Аравия и США. Король Саудовской Аравии Фейсал обострил отношения со свергнутым в Йемене имамом эль-Бадром и отправил его в Сану на боевые позиции. А брата эль-Бадра Ахмеда направил на главное направление, где он возглавил группировку монархистов в районе Хозьяза на юге Саны. После 20 января 1968 года по Сана со всех сторон открыли артиллерийский и минометный огонь и перешли в наступление. Командный пункт

Йеменские ребята-пастушки.

Ахмеда мы знали. Он находился в конце этого ровного поля под скалой, в 3-х км от наших позиций. Разведчики, которых мы туда посылали под видом пастухов овец, докладывали, что там Ахмед, с ним 4 американца и много офицеров Саудовской Аравии. В стереотрубу мы видели именно в этом месте блеск приборов наблюдения и фигуры людей, которые были прикрыты скалой, виднелись только их головы. Оказывается там, в скале, метрах в 10 от земли была щель, и они в ней хорошо размещались. Я начальнику Генштаба подполковнику Мисвари предложил выехать на это направление, у меня там есть подготовленный командный пункт, и оттуда мы будем управлять боем. Вначале он согласился, а потом отказался, так как с востока сильно нажимает Касем Мунасер. И он с группой офицеров поедет туда. Я согласился, т. к. это было правильно. Целый день монархисты наступали, республиканцы отбивались. Хорошо, что танки и «САУ-100» мы роздали подразделениям для поднятия боевого духа. Наиболее преуспел Касем Мунасер. Он потеснил республиканские подразделения, но

Мисвари лично использовал эти пять танков, и когда они вышли навстречу наступающим племенам и открыли огонь из пушек и пулеметов, те повернули назад, спасаясь бегством.

На южной окраине Саны мы этот вопрос решили проще. Как только монархисты начали движение, они открыли плотный огонь по нашим артиллерийским позициям, и нас спасало то, что каждое орудие было обложено камнями. Я дал команду подполковнику Рвалину из наших двух установок «БМ-24» дать залп по скале, где находился Ахмед на командном пункте. И в этом месте, где торчали головы, раздались мощные взрывы и вспыхнул огонь. Второй залп – по артиллерии и третий – по наступающим племенам. Для них это был кошмар. Они такого огня еще не видели и не ждали. После залпов «катюш» и 4-х «САУ-100» наступление прекратилось, и они начали разбегаться. Потом стало известно – командующий южной группой Ахмед погиб, с ним 3 американца и почти все те офицеры, которые находились под скалой на командном пункте. К вечеру все стихло.

На другой день радио США закричало на весь мир, что «русские в Йемене развязали братоубийственную войну!». Китайцы тоже вещали, что «русские вмешиваются во внутренние дела Йемена. Стреляют неугодных им йеменцев». В Ходейде наши летчики докладывали Максиму (как потом мне стало известно, он сидел на аэродроме), что с утра по периметру всей Саны идут тяжелые бои, но к концу дня доложили, что Сана стоит! На второй день после боя монархисты по Санае даже не стреляли. Мы позавтракали перловой кашей на постном масле. Скажу, что нам повезло. Когда мы в декабре прибыли в Сану, стал вопрос о питании. Я создал группу активных во главе с Аксининым и сказал – езжайте по всем местам, где были посольства всех стран, и все, что там окажется брошенным из продуктов, забирайте. Из болгарского посольства привезли несколько мешков перловой крупы, из других несколько ящиков с бутылками постного масла. Из американского – несколько ящиков

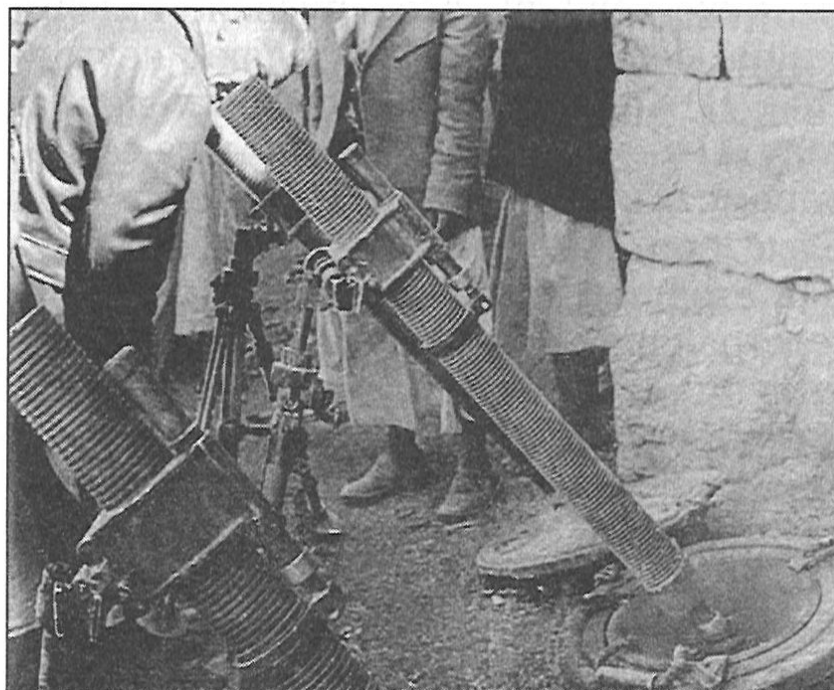
1

2

3

4

5

1, 2, 3, 4, 5 – Трофеи, захваченные у разгромленных монархистов.

коньяка и виски и несколько мешков муки. Вот у нас и была на завтрак перловая каша на постном масле. Это нас долго выручало. Как-то рано утром ко мне подбегает переводчик Володя Шишков и кричит, что только что на южном аэродроме приземлился наш истребитель «МИГ-17». Я – на машину и туда. Наш летчик подходит ко мне и говорит: «Я прибыл за вами, чтобы доставить вас в Ходейду. Приказ Максимова. Это спарка, вот вам парашют и садитесь на заднее сидение. Пока монархисты не стреляют – взлетим». Я дисциплинированный командир, поэтому все исполнил, как было велено. И не успел разобраться, как через несколько минут мы приземлились в Ходейде. Ко мне подходит полковник Чернов и говорит: «Генерал Максимов уехал в Ходейду, велел передать вам, чтобы вы ехали прямо в посольство. Эта машина ждет вас». Я приехал в посольство, меня встретил посол М.Р. Рахматов. С радостью обнимает и ведет в свой кабинет. Вскоре зашел Максимов. Поздоровались, он и говорит: «Ну что, пойдете? Я там все приготовил, карту повесил». Посол: «Хорошо». Я спрашиваю: «Куда?». Посол: «Мы хотим от вас услышать, Алексей Константинович, об обстановке в Сане. Что там творится, что нужно делать дальше. Москва требует нашего мнения». Я перед ними сытыми, чистенькими, отдохнувшими стоял худой, почерневший от гари и нелегкой жизни, не мытый и голодный подполковник советской армии. И когда мне предложили выступить – я развел руками. Максимов: «А что случилось?». «Я несколько ночей подряд не спал, когда мылся – не помню, и я очень хочу есть!». Видели бы вы эту немую сцену – советский посол, генерал Советской Армии и два чиновника, стоящих позади. Первым заговорил посол: «Юрий Палыч, и действительно, куда мы гоним? Давайте перенесем на 16 часов». Максимов: «Я согласен». Посол кому-то из этих чиновников сказал: «Займитесь Алексеем Константиновичем». Я под душем помылся, хорошо пообедал и крепко поспал. Рядом Красное море. Пошел на берег, посмотрел – люди купаются.

К 16 часам в зале, где на стене висела карта Йемена и лежала указка, собралось человек 10 работников посольства. Максимов: «Вот, Алексей Константинович прибыл из Саны и доложит нам обстановку». Кто-то из близких к послу сразу мне вопрос:

– Скажите честно, монархисты Сану возьмут или нет? – Я сказал: – Нет. – Посол на него вежливо цыкнул.

Максимов: «Алексей Константинович, доложите о последних событиях». Я подробно доложил не только о событиях, боевых действиях, но и о расстановке военных и политических сил в Сане, о сильных противоречиях между ними. О работе наших специалистов и условиях их жизни, о ходе строительства вооруженных сил Республики. Были и вопросы. Затем все перешло в общие разговоры. Посол поблагодарил меня. Совещание закрыл, Максимов отдельно со мной поговорил. Встал вопрос – как отправить меня назад в Сану. Спросили Чернова – он сказал, «только завтра и очень рано утром, чтобы с началом рассвета самолет мог приземлиться». Так и было. Монархисты спали, а мы сели на южном аэродроме. Я выскочил из кабины, а самолет улетел. Собрал наших специалистов, рассказал все подробно, как летел, как прошло совещание, о задачах, которые поставлены перед нами, и об их решении.

В конце марта 1968 года Мисвари заехал ко мне и сказал, что завтра из Каира прилетает генерал Амри, назначенный на должность главнокомандующего вооруженными силами. Наконец-то появляется законное высшее военное руководство страны.

Через день я был приглашен к нему прямо на квартиру. Встретил он меня хорошо. Сказал: «О вас мне уже много рассказали, теперь будем работать вместе». И начал ругать всех, кто допустил в стране вот такую трагедию. Я ему доложил, какие в Сане есть военные подразделения, причем испытанные. Они уже дважды отбили нападение монархистов. Он меня перебил и сказал: «При вашей помощи». На вопрос

«Что будем делать дальше», я сказал, что главная задача сейчас – снять блокаду города Саны. Город задыхается. Нужно немедленно открыть дорогу Сана – Ходейда. И открыть дорогу на юг – Сана – Таиз. Но чтобы ее открыть, нужно разгромить главную группировку монархистов на юге Саны в районе Хозьяза. Амри: «Вот с этой операции и начнем». Договорились. И мы ее начали готовить. Создали группу войск: отдельный танковый батальон в составе 14 танков «Т-34» и 10 «САУ-100». Пехотная бригада «Буря». Артдивизион 85-мм пушек – 16 штук. Дивизион минометный 120-мм – 12 минометов и 2 аварийные установки «БМ-24».

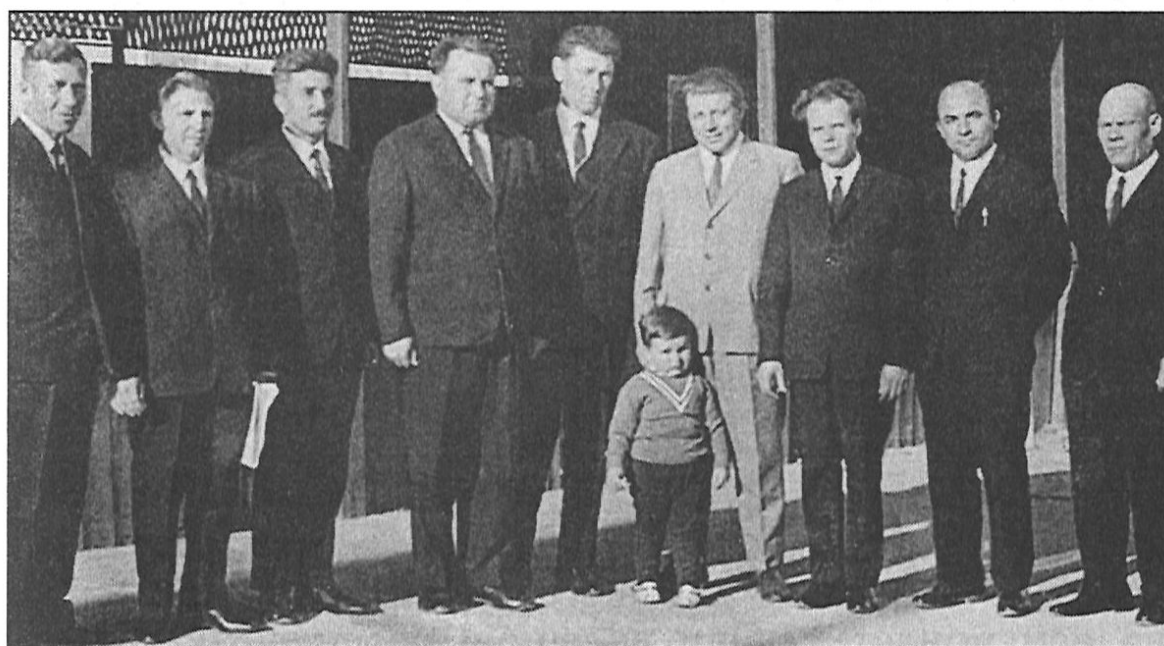
В начале апреля начали наступления на Хозьяз. Действиями группы управлял сам генерал Амри. Я был рядом с ним на командном пункте, который устроил раньше. Провели 15-минутный артналет по артиллерийским позициям и пехоте. Завершили залпом из двух установок «БМ-24». Затем из исходного положения в линии пошли танки и САУ-100. Вели огонь с коротких остановок. За танками – пехотная бригада «Буря». Пехотная бригада наступала в два эшелона – в первом два пехотных батальона и во втором один.

Племена, стоявшие в обороне Хозьяза, дороги на Таиз и на скалы, слабо оборонялись, но когда танки приблизились – начали отступать, а потом бежали. Для Амри это был отличный результат.

Мы в машине, поехали к подразделениям. Они вышли за Хозьяз на указанный им рубеж и остановились. Этот рубеж был на возвышенности, а дальше местность спускалась вниз – к полям. Амри поставил командирам задачу: закрепить этот рубеж на ночь, а завтра утром будет новая задача. Он меня поблагодарил, и я поехал в свой дом. А часов в 11 вечера вбегает ко мне запыхавшийся специалист из танкового батальона. Я ему: «Что случилось? Ты же в Хозьязе?». Он отвечает: «Нет, Амри приказал все танки вернуть на южную окраину Саны, в то место, где они постоянно находились». Я на машину и к нему прямо на квартиру. Он меня принял с удивлением. Я спрашиваю:

«Почему вы вернули танки с захваченного рубежа?». Он: «Я боюсь, чтобы их там ночью монархисты не сожгли». Я ему: «А пехоту без танков тоже могут перебить. Кто тогда захваченный рубеж будет держать? Танки нужно вернуть на то место, где они были. И пусть постоянно действуют в этом районе вместе с пехотой. Танки без пехоты действовать не могут, как и пехота без танков. А чтобы их монархисты не сожгли, надо организовать охрану танков пехотой». «Хорошо», – сказал он. Дал нашему специалисту своего человека. Таким образом, танки вернулись на свой рубеж, и этот район укрепили капитально. Дорогу Сана – Таиз открыли, и она свободно работала. Руководство страны (Арьяни) находилось в Таизе. Появилась для них возможность бывать и в столице (Сане).

23 февраля 1968 года, в 50-ю годовщину Советской Армии и Военно-Морского Флота, мы сделали выходной день и на оборонительные позиции не выезжали. Внезапно к нам во двор приехал командующий военно-воздушными силами Йемена подполковник Мухаммед Шайф. Он учился в Советском Союзе, отлично летал на «Миг-27» и лучше всех относился к советским военным специалистам. Наших летчиков в Ходейде обеспечил квартирами, машинами, организовал нормальное питание за счет министерства обороны. Мне при каждой встрече говорил: «Я рад вас видеть» или «Мне приятно с вами встретиться». По случаю Дня Советской Армии он на аэродроме в Ходейде 22 февраля вместе с нашим полковником Черновым провели торжественное собрание. Присутствовали все летчики Йемена и советские специалисты. Собрание прошло отлично. А утром 23 февраля Шайф сел в самолет «Дакота» и прилетел к нам в город Сану, как он сказал – «Прибыл поздравить нашу руководящую группу», а меня с присвоением мне очередного воинского звания «полковник». Об этом ему сказал Чернов. Потом нас всех пригласил в гостиницу, там уже был накрыт стол. Впервые мы собрались все вместе, поздравили друг друга с праздником и хорошо пообедали.

*После торжественного собрания,
посвященного Дню Советской Армии, г. Сана. 1968 г.*

К этому моменту я получил поздравление с праздником от министра обороны маршала А.А. Гречко. Я об этом сказал. Все захлопали и попросили огласить.

*Дорогой товарищ
Черевко А.К.!*

*От имени Вооруженных Сил и от себя лично
поздравляю Вас со славным юбилеем – пятидесятилетием Советской Армии и Военно-Морского Флота.*

*Желаю успеха в выполнении возложенного на
Вас интернационального долга по оказанию помощи дружественному народу.*

*Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза
А. Гречко
23.02.1968*

Все меня поздравили, Шаиф спросил: «Почему вы занимаете такое высокое служебное положение, а воинское звание у вас подполковник». Я ответил, что

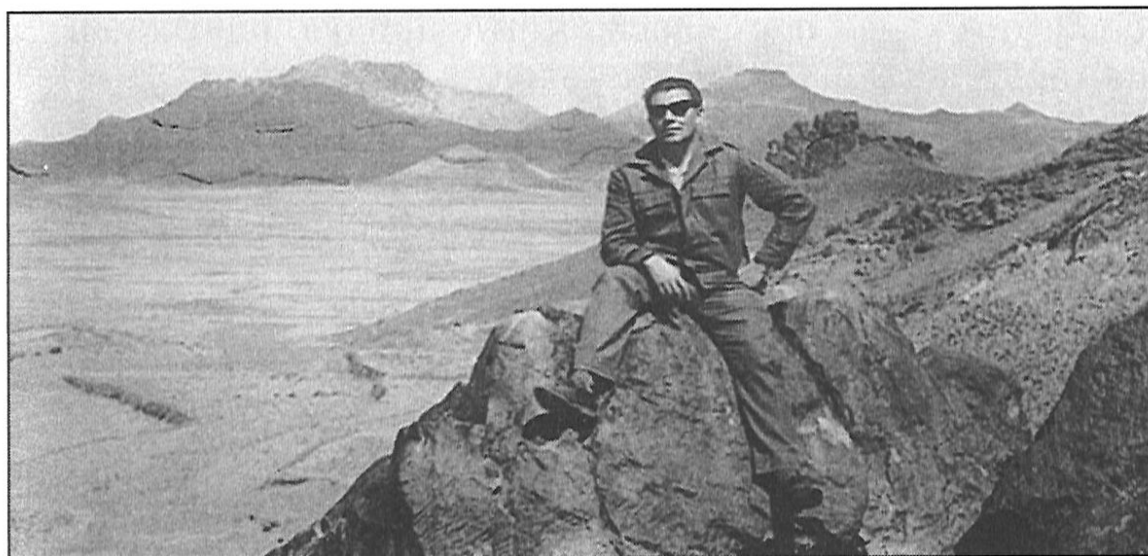
меня по службе быстро продвигали, а срок между званиями оставался без изменения. И действительно: я был на должности начальника штаба дивизии – «подполковник», наверное, единственный в вооруженных силах, так как на эту должность назначают, как правило, с должности командира полка, которую занимает полковник. А я командовал двумя танковыми полками в Группе Советских войск в Германии, и после замены в Ленинградский военный округ, 8 месяцев, а срок очередного воинского звания не выходил.

Во время обеда в ресторане монархисты открыли по Сане более сильный огонь, чем обычно. Им стало известно о посадке в Сане самолета «Дакота» и кто на нем прилетел. Они видели и перемещение нашей группы по городу, и знали, что 23 февраля – праздник Советской Армии. Мы вынуждены были принять меры, и все обошлось благополучно.

В мае 1968 года в Ходейду из Советского Союза морским транспортом прибыли 30 танков «Т-34» и 12 «БМ-24». Максимов передал мне записку, в которой требовал, чтобы я с механиками, водителями и шоферами прибыл в Ходейду для перегона указанной техники в Сану. Одновременно принял меры к недопущению перекрытия монархистами дороги Сана – Ходейда. К этому времени дорога была открыта, но монархисты при каждом удобном случае ее перехватывали. Мы прибыли благополучно. По дороге я командиров подразделений предупредил, чтобы они пустили слух, будто на днях Республиканская армия готовит операцию с танками по разгрому племен, которые находятся в районе этой дороги и перекрывают ее.

В Ходейде при встрече с Максимовым я, как всегда, докладывал подробно обстановку в Сане. Чтобы при этой встрече не тратить время, я достал из кармана на четырех листках заранее написанное донесение и вручил ему. Получил сдержанную благодарность, и мы приступили к главному делу.

Трое суток готовили танки и машины к переходу в Сану. 70 км маршрута по равнине Тихома, а далее – в

Отдых после боя.

гору с крутыми поворотами. Монархисты перекрыли дорогу в этом районе. Но вот появились танки, а сверху – самолеты «ИЛ-28» с бомбами (на всякий случай, я с Шаифом договорился, и он блестяще все это исполнил). Те племена шейха, которые находились в этом районе для перекрытия дороги, начали с дороги уходить. При входе в Сану в городе были включены сирены, чтобы привлечь внимание монархистов... И они увидели колонну танков (и «катюш»), входящих в город. Картина для них ошеломляющая. И, как потом стало известно, многие шейхи монархистов сказали: «Все, теперь Сану нам не взять».

После прибытия техники в Сану на второй день я был у Амри. Он, главнокомандующий, разместился в кабинете нового штаба. Я ему доложил о благополучном переходе колонны и чем они сейчас будут заниматься. Амри: «Я вас прошу в дальнейшем все вопросы решать только со мной, в связи с тем, что у нас пока нет начальника Генштаба, и даже когда он будет, все равно будем работать вместе. Скажу вам, что я в Ходейде встречался с генералом Максимовым, который сказал, что он является моим советником. Но я в Сане, а он в Ходейде. И мне показалось, что он ничего не знает, что здесь в Сане происходит. А вы здесь уже давно, все знаете и делаете как надо. Мне с вами легко». Поблагодарив за такую оценку моей работы, я

На занятиях.

сказал: «Как решили, так и будет» и доложил, что из Ходейды привел в Сану 30 танков «Т-34» и 12 «БМ-24». «Сейчас у нас 44 танка и 14 «БМ-24». Мы создаем два танковых батальона по 22 танка в каждом. Прошу утвердить такую организацию. Танковый взвод – 2 танка, танковая рота – 3 взвода и командир роты – 7 танков, в танковом батальоне – 3 роты, это 21 танк и командир батальона. Системы «БМ-24» сведем в отдельный реактивный дивизион. Подчиняться будет он командующему артиллерией». Амри сказал: «Утверждаю!». Я ему доложил, что главная задача советских специалистов – срочно организовать занятия по освоению этой техники. Нужно определить, кто из офицеров учился в Советском Союзе, и направить их в подразделения на должности, в том числе в танковые батальоны и реактивный дивизион.

Дня через два после разговора с Амри радио Сана объявило, что начальником Генерального штаба назначен генерал Абдул Латиф Дейфала. Я поехал, представился ему и поздравил с высоким назначением. Обговорили ряд вопросов по организации отделов Генерального штаба и скорейшего перевода их в новое здание. Я сказал, что мы сейчас готовим наступательные операции. Хватит обороняться. Он попросил, чтобы я ему доложил о делах в каждом роде войск и добавил: «Вы советник начальника Генштаба, но

главнокомандующий Амри сказал, что вы будете работать и с ним, что все рекомендации и планы действия войск сразу докладывать ему, а штаб под моим руководством будет исполнителем всех решений Амри».

Итак, практически с мая 1968 года я стал советником главкома Амри и советником начальника Генштаба Дейфалы. А Максимов спокойно с женой жил в Ходейде и требовал от меня донесений для доклада в Москву об обстановке в районе г. Саны. Он меня замучил этими донесениями.

Не могу не остановиться еще на одном моменте. Когда меня вызвали в Ходейду для доклада в Советское посольство, после всех разговоров посол Рахматов сказал при мне Максиму: «Вы, пожалуйста, представьте всю Санскую группу к правительственным наградам». Максимов ответил: «Есть, все сделаем!». И, как он потом мне сказал, меня представили к ордену Боевого Красного Знамени, а остальных к другим орденам. Возвратившись в Сану, я всем доложил, что наша группа представлена к правительственным наградам. Люди были довольны, ибо это было справедливо.

Вскоре Максимов уехал в отпуск в Союз, а мы в течение месяца спланировали две операции: 1) добить хозьязскую группировку монархистов и освободить Таиз; 2) на северо-востоке Саны разгромить племена самого агрессивного шейха – Касема Мунасера.

Я доложил Амри, он вникал во все подробно. Я понял, что многого он не знал. План операции он утвердил.

Тут же поручил НГШ Дейфала – хорошо организовать проведение этих операций. Кратко скажу о группах войск на этих направлениях.

Против Касема Мунасера наступал первый отдельный танковый батальон, 10 ПБР и ПБР «Единство» (вновь сформировано). Поддерживал весь реактивный дивизион. Это была мощная огневая сила, а на Таизском направлении – второй отдельный танковый батальон ПБР «Буря», артиллерийский дивизион 85-мм пушек и две наших «БМ-24». Я связался с подпол-

*Начальник генштаба генерал Дейфала (в центре).
Занятия с офицерами генштаба проводит полковник А. К. Черевко*

ковником Шаифом, он прилетел в Сану, и мы подробно договорились о действиях авиации. На бумаге было отлично, но на северо-востоке Саны, где дислоцировались племена Касема Мунасера, местность была гористая, и танки проходили там с трудом. Но надо отдать должное механикам-водителям танков и высоким качествам танка «Т-34» — они эту непростую задачу решили.

Амри с группой офицеров был на северо-востоке и лично командовал этими подразделениями. А я с начальником Генштаба, генералом Дейфала — на юге. Мы добились эту группировку монархистов и к концу дня вошли в город Таиз. Юг республики был освобожден. Это был успех. Арьяни, председатель Республиканского Совета, находился в Таизе и поздравил войска с победой.

На северо-востоке подразделения выступали под началом Амри, а с ним был наш полковник Макшанцев. Монархистов выбили с оборонительных позиций, они отошли на 3 км и заняли новый рубеж. Это была территория этих племен, вся засаженная виноградниками. К концу дня Амри вышел с подразделе-

ниями к этому рубежу и остановился. Как потом рассказал мне Макшанцев, в это время к Амри прибыл Касем Мунасера. Они встретились, но о чем они говорили при встрече никто не знает. Однако Амри дальше не наступал.

Первый отдельный танковый батальон через два дня был возвращен в Сану, а пехота осталась на том же рубеже. Территория племен К. Мунасеры оставалась за ним, а он продолжал обстреливать Сану. Когда я посмотрел, откуда бьют, доложил НГШ генералу Дейфала. На его вопрос «Что будем делать?» я сказал: «Надо подвести туда дивизион «БМ-24» и ликвидировать этот вражеский объект». Он дал согласие, но нужно было доложить это решение Амри. И мы поехали к нему. Я развернул карту и все доложил подробно. Амри – в отношении К. Мунасеры: «Похоже, мы ему мало дали, действуйте!».

Я взял специалиста при дивизионе «БМ-24», майора Самойлова, и командира дивизиона, йеменца, и мы поехали на северо-восток Саны, в то место, откуда бьют. И приняли решение: объект по фронту 300 м, дальность уточнили, выбрали огневую позицию и на следующий день до рассвета дивизион вышел на позицию. Я тоже поехал. Подготовили данные, дали залп из 12 установок. Весь этот выступ по фронту и вглубину накрыли разрывы – сплошной огонь и дым. Все летело вверх вместе с непослушными монархистами. Дивизион быстро свернулся в колонну, и ушел к месту постоянной дислокации. Грохот этого залпа слышала вся Сана. А я поехал прямо к Амри. Он просил доложить о результатах. Мой доклад он воспринял, как положено, пожал мне руку и поблагодарил. Касем Мунасера обстрел Саны прекратил.

Эта операция показала, что такое удар регулярной армии. Весь народ Йемена с радостью воспринял это.

После этих событий, в которых Ракиб, командос и парашютисты были в обороне, и в наступательной операции участия не принимали, я встретился с ним и заметил, что он не очень-то радуется нашему общему успеху. Я решил пригласить его на учебу в Совет-

ский Союз, но он отказался. Сказал, что сейчас не может ехать, так как очень занят. Это лишний раз подтвердило его отношение к нам. Я больше его не трогал.

В начале июля Максимов вернулся из отпуска и прилетел в Сану. Я ему доложил обстановку об июньской операции, которую мы провели успешно, и о планах на ближайшие месяцы. Он мне: «А я вас не порадую. Мое представление к правительственной награде вас и вашей группы легло на стол в ЦК, в это же время, на Вас, Алексей Константинович, донос за подписью первого заместителя Советского посла Перышкина, о том, что советник начальника Генштаба полковник Черевко А.К. не помогает разрядке обстановки в Сане, а усложняет ее. Он лично командует и Генштабом и частями. Он назначает на должность начальника Генштаба подполковника Миссвари и других командиров... К нам обратились из китайского посольства с протестом по поводу таких действий со стороны советских военных специалистов, и, прежде всего, со стороны Черевко А.К. и так далее. И в ЦК мое представление к награде отложили в сторону». Я ему: «И что вы, Юрий Палыч, не могли нас там защитить? Ведь я решаю задачу, которую перед нами поставил министр обороны маршал Гречко. Он сказал: «Примите все меры, чтобы отстоять Сану. С падением Саны падет и республика». Я принимал и сейчас принимаю все меры, «благодаря которым Сана стоит, а монархисты биты».

Максимов: «Я сделал там все, что мог, но ничего не получилось». Читателю же скажу, что Максимов за удержание города Саны был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Вскоре после этого к нам в Сану на «Дакоте» прилетает генерал-майор, фамилию его не помню. Прилетел один, без Максимова, по приказу министра обороны Гречко: провести расследование по доносу Перышкина. Когда он посмотрел, как мы живем и работаем, когда я доложил ему о результатах нашей работы, особенно о высадке в Сане в декабре 1967

года, он сказал: «Да вам героев надо давать. Я все доложу, как следует. Это кляузник. Его надо привлечь к ответу». Он улетел, и действительно, через неделю поступила команда в Советское посольство — отправить первого заместителя посла Перышкина в Москву. Насколько мне известно, отправили без почестей. Вот так отметили нашу очень трудную и очень сложную в военно-политических условиях работу.

После этих событий, в результате которых мы заблокировали столицу и освободили часть территории, прилегающей к городу, открыли дороги на Хадейду и Таиз, республика получила облегчение. Но внутри военного и верховного командования усилились противоречия. Короче говоря, это была борьба между республиканской властью и властью шейхов. Республику поддерживал Советский Союз, а шейхов — Саудовская Аравия и США. И оружием отряды племен обеспечивали США через Саудовскую Аравию. Республику обеспечивал Советский Союз. Амри защищал завоевания республики, но взаимодействовал и с шейхами и их вооруженными отрядами старой племенной армии с целью ее объединения. Его заместитель генерал Дафаи тоже вел двойную игру. Начальник Генштаба генерал Дейфала 16 мая 1968 года мне доверительно сказал: «Мы отделяем вооруженные силы Республики от старой инородной племенной армии. Мы решительно против объединения этих сил. Мы за укрепление современной армии, которая еще свое слово скажет. И мы опираемся, прежде всего, на помощь Советского Союза».

Уже в самом высшем руководстве армии не было единства, а это очень затрудняло нашу работу по созданию и укреплению новой армии. Но в самой армии противоречия, как ранее указывалось, между левыми националистами и правыми бассистами, которые разрывают армию на части. И в последнее время открыто выступают против руководства Республики.

В это время Амри, опираясь на поддержку армии, решил произвести более широкую замену командного

состава. В эту замену попал капитан Али Джубран от командос. 19 августа в обед он прибыл в дивизион «БМ-24». Офицеров не было. Он подал команду, поднял дивизион и вывел его на позиции зенитного дивизиона, направил их на Сану. Это было в районе южного аэродрома на юге Саны. В 18.00 этого же дня он был арестован и посажен в тюрьму. Были арестованы еще несколько офицеров. Ракиб и Наджи потребовали от Амри освобождения капитана Джубрана и возвращения на свою прежнюю должность. И начали собирать свои силы против правительства. Зенитный дивизион и дивизион «БМ-24» были у них в руках. Амри и Арьяни решили не уступать и начали стягивать племена Ахмара и Матари, преданные республике, в Сану. Шейхи прибыли к Амри и предложили ему силой расправиться с заговорщиками. Но это могло вести к тому, что они разоружат армию, разграбят арсеналы и склады, и все передадут на сторону реакции. Арьяни, Асиан, Джейфи – республиканский совет подали в отставку и уехали в Таиз. Амри, разместившись в новом штабе, остался на своем месте. Подал команды – все пехотные бригады привести в полную боевую готовность. В моем присутствии новый начальник Генштаба генерал Дейфала заявил, что здесь порядка нет, что это не армия, нужно принимать решительные меры. Амри тут же послал телеграмму Ракибу и Наджи, что если они начнут передвижение на позициях и допустят какие-либо действия, то по ним будет открыт огонь. Одновременно предъявил ультиматум: если в течение 2 часов дивизион «БМ-24» не будет возвращен, то проблема будет решаться любым способом. Ракиб и Наджи, в свою очередь, пообещали, что если Амри применит силу против подразделений, находящихся на южном аэродроме, то они откроют огонь по Сане.

21 августа 1968 года в Республиканском дворце под руководством Арьяни состоялось совещание с командным составом армии, которое длилось 2 часа. Речь шла о внутреннем положении в стране. После совещания во двор дворца прибыли шейхи и организова-

ли митинг, на котором выступил Арьяни, после него выступил шейх Ахмар с заявлением, что они готовы приложить все свои силы для укрепления республиканского порядка в стране. 22 августа 1968 года положение оставалось напряженным, Республиканский совет свою деятельность прекратил. Правительства работоспособного нет. Амри взял всю полноту военной и политической власти в свои руки. В Сану входят племена Ахмара и Матари, собираются от имени народа силой навести порядок в армии. Монархисты обстреливали в течение всего дня позиции на южной окраине Саны. Тогда Ракиб повернул дивизион в их сторону и дал залп. Все прекратилось. Китайцы вооружили Ракиба листовками и толкают его против правительства, против Советских военных специалистов.

23 августа 1968 года напряжение между сторонами усиливалось. Ракиб и Наджи с утра начали сосредотачивать парашютистов и командос на южной окраине Саны. В 18.10 они открыли мощный огонь по городу Сана и начали наступать, захватывая дома. Бой разгорелся за арсенал и школу БТВ, продвигаясь к центральной площади в направлении командования БТВ с целью его захвата.

Я в это время из Генштаба решил на ночь уехать домой. И намеревался проскочить на южную часть города, посмотреть, что там происходит, где находится дивизион «БМ-24». Его положение нас беспокоило. Кругом уже шла стрельба, взрывы. Но доехать до места назначения не смог: поперек улицы перед моей машиной по асфальту — очередь из пулемета. Я свернул в ближайший переулок и решил поехать домой. Наши специалисты в основном были в своих частях и подразделениях, но и около нашего дома шла стрельба. Мы только успели выскочить из машины, как по ней ударили из РПГ, и она взорвалась. Били по машинам, по людям. На улицах появились убитые и раненые. Стрельба продолжалась. Амри из Республиканского дворца в 22 часа 23 августа по радио Саны обратился к армии и народу: «Сыны и герои Револю-

ции и Республики, не поддавайтесь на провокации, направляйте оружие против нашего общего врага».

Генерал Дафаи, Баракяти, министр внутренних дел Мекки, министр иностранных дел Саид, министр финансов Алями под видом делегации пошли к Ракибу на переговоры, но были им арестованы. Амри поддерживал связь с Ракибом, Наджи и БТВ, и управлял всей этой «войной». Полковник Хауляни укрылся в пехотной бригаде «Буря» и организовал в ее лагере оборону. Наступали Ракиб и Наджи, подталкиваемые китайцами. Перед этим они выпустили листовки с текстом «Особого сообщения комитета национальной обороны». Листовки печатали китайцы, но, похоже, что они их и сочиняли: они были перенасыщены общими фразами. Племена Ахмара, Матари и другие, кто поддерживал республику в эти дни, вошли в Сану и, управляемые Амри, в действиях участия не принимали, выжидали.

По всему видно, что Амри умело столкнул силы республиканцев между собой: левых националистов с правыми бассистами с целью их ослабления, так как он их усиления боялся. Опираясь на шейхов и племена, разжигая это вооруженное столкновение республиканских прогрессивных сил, создавал условия для усиления реакции и создания нового правительства с участием шейхов.

Наджи и Ракиб, ведя боевые действия против бассистов, стремятся к их разгрому, с тем, чтобы занять в армии ведущие посты при отставке Амри.

24 августа после 12 часов начался новый бой в городе. Парашютисты ведут огонь из 120-мм минометов. Мины рвутся и в нашем дворе. Город Сана пуст. Преждевременное, неподготовленное выступление прогрессивных сил привело к их поражению. В разгроме прогрессивных сил виновны Наджи, Ракиб и другие. И шейхи потребовали от Арьяни наказать преступников, которые убили до 600 детей, женщин и стариков.

23 августа в Сане Джубрана из-под ареста увезли в дом шейха Ахмара. Фархан был убит. Стало известно, что Арьяни решил выслать из ЙАР участников

этих беспорядков, сняв их с должностей. Таковых было 24 человека, это весь командный состав левых и правых сил. Арестованы в Сане более 300 человек. Создан трибунал под председательством Салям Разахи. 4 сентября в 11.00 Амри собрал весь командный состав по списку и закрыл их в Республиканском дворце. В тот же день в подразделениях стало об этом известно, и весь личный состав частей был готов выручать своих арестованных командиров. Арьяни решил их выпустить. Что касается нас, то Амри при собрании командного состава заявил, что русские специалисты ведут себя очень хорошо, а китайцы сумасшедшие. В этот же день все министры правительства подали в отставку. Будет сформировано новое правительство.

Монархисты, Ракиб и его соратники, оправдывая эту провокацию, по указанию китайцев и Саудовской Аравии, обвиняют советских специалистов. Мы в эту провокацию не вмешивались. Вместе с тем все время проводили работу, направленную на смягчение конфликта между республиканцами. Разъясняем непонятное, улаживаем беспорядочное, связываем разорванное и объединяем разъединенное. Обстановка после погрома 23 августа 1968 года была исключительно сложной. Генштаб потерял управление войсками, принимались все меры, чтобы организовать его отделы, возобновить их работу.

Рода войск — без командующих, пехотные бригады — без командиров. Школы бронетанковых войск, артиллеристов и связи занятия прекратили, занимаются разбором и восстановлением разбитых зданий и учебно-материальной базы. Все это было направлено на срыв создания республиканской армии при помощи Советского Союза. Я, советник при начальнике Генерального штаба, являюсь главным представителем нашего государства и несу ответственность за все наши действия. И я помнил резолюцию министра обороны на шифровке из Йемена — «Генерал Самаркин трус, судить военным трибуналом, Гречко А.А.». Но это было не главное.

Я всегда решал успешно те задачи, которые передо мной ставились. 10 сентября 1968 года в 18.00 я и начальник Генштаба Дейфала прибыли по просьбе Амри к нему. Я изложил свое видение обстановки, назвал организаторов и их цели. Он тоже много говорил и в заключение сказал, что намерен создать новое правительство (через 48 часов его состав объявили по радио), продолжать дальше организацию новой армии. Опирайтесь при этом только на военную помощь Советского Союза и на работу советских военных специалистов. Я сказал: «Мы, к сожалению, отмечаем, что в результате этих событий армия ослаблена из-за потери командиров и личного состава, утраты оружия и боеприпасов. Многие из личного состава коммандос и парашютистов, да и из пехотных бригад дезертировали или перешли на сторону монархистов. Часть более прогрессивных офицеров арестована. Нанесен огромный ущерб армии, ослаблен ее моральный дух. И наоборот – монархисты усилились. Мы принимаем все меры, чтобы навести порядок».

Главный военный советник в ЙАР, генерал-майор Ю.П. Максимов, как читатель знает, с первого дня пребывания в ЙАР находился в городе Ходейда при нашем посольстве. Свое пребывание в Ходейде, а не в г. Сане, где шла основная война, он объяснял тем, что постоянную связь с Генштабом он может осуществлять только через посла Советского Союза. Но Москва от него требовала постоянного доклада о положении в Сане, главном объекте, где решалась судьба Йемена. Одной из главных задач было отстоять Сану. Для этого он пользовался Информацией от работников посольства и от наших летчиков, которые летали каждый день в район Саны и вели наблюдение с воздуха. Но этого было недостаточно. Поэтому я через Генштаб организовал гонцов, которые, когда дорога Сана – Ходейда открывалась, на машине или на мотоцикле доставляли Максиму в посольство мои краткие записки об обстановке и нашей работе, или посылал нашего специалиста. Так было и сейчас. Я отправил ему очередную информацию о происшедших

событиях 23 августа 1968 года и получил от него записку «А.К., найдите возможность одним из наших СВС передать ваше письмо. Опишите все, что происходит в Сане. Уточните, как обстоит дело с южным и северным аэродромами. По данным летчиков и других официальных лиц, южный аэродром сильно обстреливается, и посадка на него невозможна, так ли это? И ваше мнение на предмет нашего прилета. На всякий случай установите ежедневное наблюдение с целью организации встречи внезапно прилетевшего нашего самолета. Работу советских военных специалистов не стремитесь активизировать до принятия твердого решения. Какая обстановка в Сане в связи с изменениями в правительстве и руководстве, вооруженных силах? Собираюсь прилететь к вам 5 сентября, но события 4 сентября заставили пока остаться здесь. Точного срока прилета сказать не могу. Жду от вас ответа. С приветом. Максимов».

Такими письмами Ю.П. Максимов меня забрасывал. Ответы на них требовали от меня огромных усилий и траты времени, а его у меня не хватало даже для решения нашей главной задачи. Я ведь отвечал за оборону города Сана в этой неразберихе. Нужно было разобраться в этом кошмаре. Хорошо знать ежедневно меняющуюся обстановку и принимать меры для изменения ее в нужную нам сторону. Вся эта напряженная работа проходила в опасных условиях. Не досыпая, часто голодая, мы физически измотались и ослабели. И несмотря на это, используя последние возможности, мы главную задачу не упускали, а, иногда используя даже эту неразбериху, решали ее успешно. И вот в этой обстановке требования Ю.П. Максимова отвечать подробно на его письма, организовывать их пересылку, меня окончательно изматывали и выбивали из колеи. Наши последние удары привели к разгрому главных группировок монархистов. Внутренняя обстановка в Сане была сложной. Чтобы отвлечь воюющих от этих событий, я предложил отметить главное событие Республики Йемен.

26 сентября 1968 года – шестая годовщина Республики. Я обратился к Амри с предложением провести в Сане военный парад в честь этой годовщины. Предложение было с благодарностью принято и тут же отданы команды к подготовке парада. Все заработали. И вверху – в руководстве, и внизу – в войсках.

Как всегда первыми шли строем парадные расчеты, затем артиллерия – «катюши» и танки. В небе несколько пролетов сделали истребители и бомбардировщики. Это было впечатляющее зрелище. Вся Сана забита народом. Йеменцы праздновали шестую годовщину своей Республики, которую они защищают.

На трибуне – Арьяни, Амри, Дейфела и другие военные и государственные деятели. Приглашены были и послы дружественных государств. Наш посол Рахматов приехал и прихватил с собой генерала Ю.П. Максимова. Прибыли они вовремя. Их пригласили на трибуну, где был и я. Китайцев на трибуне не было. С речью выступил Амри. Было очень много людей. Они выкрикивали какие-то лозунги. Парад прошел отлично.

Все, в том числе и, прежде всего, монархисты, поняли, что Республика празднует свою очередную годовщину, имея собственную современную армию. Это событие их встревожило. Оно отрицательно влияло на их морально-боевой дух и заставляло думать.

Зато народ ЙАР торжествовал. Усилилась вера в окончательную победу, в свое политическое и военное руководство, в дружбу с народами Советского Союза. Это событие сразу изменило обстановку в Сане. Монархисты стали меньше стрелять по Сане, а те, кто осмеливался это делать, получали в ответ такую лаву огня, что больше не выступали.

Мы создали два подвижных подразделения. В составе «катюш», орудий и минометов. Боеприпасы на колесах. Одна такая группа на севере Саны, другая – на юге. Радиосвязь. Хорошие командиры возглавляли их.

Как только монархисты открывали огонь по Сане, командиры подразделений, находящихся в этом районе, откуда монархисты били, сразу передавали по радио командирам этих маневренных, как их называли

Народ Йемена празднует победу. 26 сентября 1968 г.

«огневых» групп, и они вдребезги разносили батареи монархистов. Сана зажила спокойно. Рынки заработали. Используя благоприятный момент, мы подготовили и к концу 1968-го провели еще ряд наступательных операций на севере г. Саны. Разбили племена, которыми командовали офицеры Саудовской Аравии, и вышвырнули их с территории Арабской Йеменской Республики. Восстановили государственную границу с Саудовской Аравией. В это время, то есть в последние дни декабря 1968 года, я получил поздравление от министра обороны маршала Советского Союза А.А. Гречко:

*«Дорогой боевой друг,
Черевко Алексей Константинович!
От имени Вооруженных Сил Советского Со-
юза и от себя лично поздравляю вас с Новым,
1969 годом.*

*Желаю вам доброго здоровья, успехов в бое-
вой работе по выполнению ответственного за-
дания и личного счастья».*

*Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза А.А. Гречко*

Такие открытки в конверте министра обороны маршала Советского Союза А.А. Гречко направлялись в Советское посольство в Йемене. И была дана строгая команда – передавать их только мне. И я их получал своевременно. До сих пор они хранятся у меня.

Тут поступило внезапное известие: в феврале 1969 года в доме полковника Хауляни был убит капитан Ракиб. Его тело на бронетранспортере вывезли на центральную площадь города и бросили на растерзание. Командиры командос и парашютистов из Адена, Наджи и еще несколько человек – исчезли. Ходили слухи, что они бежали в Аден. Были назначены новые командиры, теперь уже никто не бунтовал в этих подразделениях. Советское посольство переехало в Сану, в свой офис. Переехали и другие посольства. Но Максимов остался в Ходейде. В войсках создавалась учебно-материальная база и шла плановая боевая и политическая подготовка. Говорят, в Сане появился Касем Мунасер.

4 июля 1969 года в Сану приехал и Максимов Ю.П. Он мне сказал, что его и 20 советских офицеров Арьяни приглашает поехать в племена Касема Мунасера отдохнуть. «Но я отказался, поедете вы. С собой возьмете не двадцать специалистов, а человек десять. Но будьте бдительны и смотрите в оба. А сейчас поедем к послу», – сказал Максимов.

Посол Рахматов был на месте. Максимов доложил ему об этом приглашении и спросил его мнение. Посол: «Я считаю, что приглашение надо принять. И если приглашают Вас, Юрий Павлович, то надо вам и ехать».

Максимов: «Я сейчас очень занят, и поедет Алексей Константинович».

Посол мне: «Но вы, Алексей Константинович, имейте в виду, что вы едете в гости не к другу, а к вчерашнему врагу, которого вы громили». Я сразу подумал – Максимов в такие гости не поедет, там еще и прибить смогут, а то и пленниками объявят, выкуп потребуют.

Встал и другой вопрос. Почему этот военный и политический руководитель племен Бени-Хушейн гене-

рал-лейтенант Касем Мунасер, организатор годичной борьбы против Республики, активный и ярый монархист, решил устроить такое гостеприимство тем, против кого воевал?

Он воевал против Республики с ноября 1967 по ноябрь 1968 года, получил от США 50 «Фордов», и лично имел свыше 500 тысяч золотых. Но этого ему показалось мало. За шесть лет службы чин «генерал-лейтенанта», присвоенный монархистами, — тоже мало. И он 3 ноября 1968 предал своих западных хозяев, которые, по его мнению, стали мало платить, и решил перейти на сторону Республики, на сторону правительства Арьяни — Амри.

Переходу его способствовала растущая молодая армия ЙАР, которая уже в 1968 году наносила мощные удары. К этому времени она отлично овладела авиационной, танковой техникой и артиллерией. Стало ясно, что вооруженные силы строятся в ходе войны успешно, Республика укрепляется, монархистам военным путем победы не достигнуть — момент был упущен в декабре 1967 года. И Касем Мунасер решил, чтобы не опоздать, перейти на сторону существующей Республики. С этим переходом в его стане монархистов начался развал: Эль Гадера отравили; Ибн Хусейн бежал в Саудовскую Аравию, там его убили; Эль-Бадр, свергнутый король, активно действует в районе Хаджи, на севере Йемена, но безуспешно.

Переход Касема Мунасера для них был неожиданным, и все враз рухнуло и развалилось. На этом прекратилась гражданская война в Йемене.

6 июня 1969 года в 8.30 к нам заехал Хомут Бейдер (бывший начальник Генштаба, сейчас находился при Амри). Я вышел с группой из 10 человек, мы сели в его две машины, на всякий случай взяли «Волгу» и поехали в племена Касема Мунасера. Ехали один час. При въезде на развилку двух дорог нас встретила группа вооруженных людей, около 40 человек. Они стояли полукругом. Впереди этого полукруга на ковре, разостланном на песке, стоял шейх племен Бени-Хушейн и генерал-лейтенант Касер Мунасер, помощник

этого шейха, военный и политический руководитель этих племен, организатор годичной борьбы против Республики, активный и ярый монархист. Так вот, этот человек, лет 38, стоял на ковре. Он был в простой белой юбке и серой тужурке, без головного убора. Голова небольшая, волосы коротко острижены, с выдающимся вперед носом и очень большими ушами. Худой, чуть выше среднего роста. Глаза круглые, больше нормы, углубились под бровями, злое очертание рта.

При нашем появлении они сделали торжественный вид, вытянулись и замерли. Касем Мунасер принял положение «смирно». Рядом с ним на ковре вытянулся и этот шейх. Увидев, что нет генерала Максимова и нас меньше, чем он приглашал, он не скрыл своего недовольства. И когда полковник Бейдер, сопровождавший нашу группу, показывая на меня рукой, сказал: — Это Акид Алексей, он немножко смягчил свое недовольство, но тут же спросил: — Почему не приехал генерал? Где же люди, которых мы ждем? Мне нелегко было при всех объяснять причину главному монархисту. Я коротко объяснился и, после паузы, Касем Мунасер начал: — Мы приветствуем вас, наших советских друзей, на земле племен Бени-Хушейн, и хотим, чтобы вы у нас хорошо отдохнули. Затем я: — Мы благодарим господина Арьяни и вас, господин Мунасер, за любезное приглашение наших специалистов посетить район Бени-Хушейн — один из красивейших уголков Йемена.

После такого обмена любезностями я пригласил Мунасера в «Волгу». Он, после некоторой заминки, сел. В машине он рассказал план нашей поездки по племенам. И мы поехали. Видя недовольство (сорванные планы) Касема Мунасера, я решил разрядить обстановку и сказал: — Генерал Максимов просил передать вам привет, и очень сожалел, что ему не удалось посетить вас и ваши прекрасные земли.

Появилась срочная необходимость ему выехать в Хадейду. И он поручил посетить вас и ваших подданных мне. Касем Мунасер:

– Почему вы не привезли всех своих специалистов?

– Как не привезли? Они все со мной здесь.

– Мы же просили двадцать человек.

– Вы знаете, мы очень хотели все приехать, но потом подумали, что будем вас утруждать такой большой группой. Она принесла бы вам больше хлопот, чем удовольствия. Мы знаем вашу большую загруженность, а также, что вы нуждаетесь в отдыхе.

– Хорошо, тогда в другой раз, когда поспеет виноград. У нас прекрасные сорта. Приедете все, семьями, и хорошо отдохнете, – сказал он.

Настроение его поднялось, он стал более дружески смотреть на меня и улыбаться, хотя в этом взгляде и улыбке я видел недоверие, настороженность, высокомерие. Мы ехали по земле его племен, засаженной виноградниками. Бросилось в глаза, как эта земля хорошо обработана, какие ровные ряды опор и кустов, как они ухожены: кроме стеблей и кустов, на земле я не увидел ни одной соринки. И я ему сказал об этом. Он был доволен и рассказал, что это лучшие сорта винограда. Подъехали к двухэтажному дворцу на окраине небольшого селения. Остановились. Зашли на второй этаж с балконами и увидели на полу красивого зала ковер, на нем на полметра приподнятый сплошной стол без стульев, обильно уставленный разными яствами и напитками. Показали, как нужно сесть. И мы расселись на ковре, который лежал на полу. Действительно, когда уселись, то добрая половина стола была не занята. Я вспомнил его беспокойство.

Начал тост Касем Мунасер: – Советский Союз – это наш добрый друг, а его армия, разгромившая фашизм, – самая могучая армия в мире. И мы с радостью приветствуем в нашем доме представителей этой армии. Вы нам хорошо помогаете не только в создании новой армии Республики, но и в решении экономических проблем. – Затем он пожелал нам крепкого здоровья и успехов в развитии дружеских отношений наших стран и народов.

В целом я подумал, что он неплохо подготовлен, так как сразу из злейшего врага новой Республики, превратился в ее друга. Я поддержал его выступление и сказал, что если они хотят вырваться из-под гнета колониальной системы империализма и приобрести независимость своей страны, то им никто лучше Советского Союза в этом не поможет. «Советский Союз всем арабским государствам оказывает такую помощь и призывает арабские государства к объединению. Независимость и сила ваши – только в объединении. Это направленно против политики современного империализма – разделяй и властвуй. Меня наградили аплодисментами.

Долго мы сидели, ели и пили, много говорили, переминаясь с боку на бок – уж очень непривычно было так сидеть. К концу дня они нас проводили за границу своих земель. Касем Мунасер во время прощания меня обнимал, хвалил и говорил, что мы – отличные воины Советской Армии, и несколько раз высказывал пожелания о наших дальнейших встречах.

Вернулись в Сану благополучно. На второй день с утра прибыл гонец из советского посольства: «Вас ждет посол». Поехал. Я с уважением относился к Мирзо Рахматовичу Рахматову. Он ко мне тоже. Встретились, обнялись. «Мы вас ждем», – сказал он. – А не появится у вас второй Перышкин, который за мою «дружбу» с Касемом Мунасером, главным нашим врагом, отправит донос в ЦК? – спросил я.

– Нет, нет, Алексей Константинович Он свое получил. Вы всех нас извините за этого типа.

Я подробно рассказал ему о нашей поездке, об отношении их к нам. И сказал, что Касем Мунасера мы хорошо побили, и он понял, что его спасение – перейти на сторону Республики. Очень хвалил Советский Союз и советскую армию за помощь, оказываемую ЙАР. Рахматов остался доволен таким поворотом событий. И ту информацию, которую он получил от меня, ему никакой его помощник не доставил бы. Понятно, что эту информацию первым получило в Москве Министерство иностранных дел, а не Мини-

стерство обороны. Чтобы ее получило Министерство обороны, Максимова следовало быть в Сане, а он только на следующий день прилетел на «Ил-14». При докладе ему он меня упрекнул, что я очень подробно послу рассказал о нашем посещении Касема Мунасера. Я ему ответил: – Думаю, что советский посол советскому руководству мой доклад не исказит. – Ну ладно, – сказал Максимов.

Я заметил, что он очень чем-то озабочен. Мне показалось, что он не слушает меня, а думает о другом. Да, действительно, ему было о чем подумать. Оказывается, министр обороны Гречко А.А. прервал командировку генерала Максимова и приказал очередным рейсовым самолетом вылететь в Москву. В это время прилетел из Ходейды наш начфин капитан Пряхин, который каждый месяц нам привозил денежное содержание. Он мне рассказал, что Максимов за эти полтора года различными махинациями присвоил не одну тысячу долларов, а на мои протесты говорил: «Выкручивайтесь!». Я не мог выкрутиться, и доложил своему начальству в Генштаб. Приехал какой-то полковник, раскрутил все его преступные дела и доложил министру обороны.

В Ходейде в аппарате Максимова кроме начфина был еще старший офицер полковник Лавров. Вскоре он мне передал, чтобы я прибыл в Ходейду встречать нового главного военного советника генерал-майора Брюхова Василия Павловича с женой. Все было исполнено. Встретил В.П. Брюхова с Екатериной Дмитриевной, пересадил их на самолет «Ил-14», и мы улетели в Сану. В Сане поехали вместе к советскому послу, затем представил наших советников и специалистов, и пошла работа. Я получил колоссальное облегчение, избавившись от этих устных и письменных докладов обстановки генералу Максимова. В Таизе организовали школу шоферов. При каждом роде войск – школы для подготовки младших специалистов, проводили учения с войсками. Хорошо обустроили Генштаб, укомплектовали все отделы и проводили с ними штабные тренировки.

2 июля 1969 года полковник Бейдер мне сообщил, что сегодня в Бени-Хушейн убит генерал-лейтенант Касем Мунасер. Он убит двумя его приближенными из личной охраны, когда собирался на встречу с председателем Республиканского совета Арьяни. Его убили джамбиями (кривые ножи, которые носил каждый йеменец) и отрубили голову. Заговор возглавил его тесть, он же первый заместитель шейха племени Бени-Хушейн, Ахмед Мусаад. Сейчас он исполняет обязанности Касема Мунасера. Причина убийства, по словам полковника Бейдера, в том, что Касем Мунасер в последнее время открыто начал переходить на сторону Республики и революции, поэтому племена Бени-Хушейн таким образом решили свои политические проблемы. Амри назначил комиссию для расследования, а сам сказал, что никого из убийц наказывать не будет, так как они снова могут начать войну против Республики. Командующий пехотой полковник Дубаи сказал, что убийством Касема Мунасера все довольны, так как он очень много зла принес йеменскому народу. Только один Амри недоволен. Некоторые его военные заявляли, что если Касем Мунасер не перейдет на сторону Амри, мы его убьем. А, в общем, все довольны этим убийством, так как Касем Мунасер в стремлении к личной власти мог бы еще много наделать беды. А Амри освободился от серьезного соперника, которого он называл «национальным героем». За какие же заслуги перед нацией? Знает один Амри. Итак, Касем Мунасер должен был быть убит, независимо от того, перейдет он на сторону Республики или нет.

Практикой обороны Саны и строительства Республиканской армии, руководством работы военных советников и специалистов занимался только я. И когда прибыл новый главный военный советник, и в Ходейде не остался, а полетел прямо в Сану, я просто обрадовался. С меня свалился огромный груз, и мы с Василием Павловичем уже вместе начали делать одно дело. Он учитывал мой опыт и всегда принимал мои предложения. В сентябре 1969 года я ему предложил

провести хорошее войсковое учение, чтобы окончательно морально добить оставшиеся силы монархистов. Он согласился.

Мы хорошо подготовили и провели учение с боевой стрельбой на плато южнее Саны, где дважды отбивали наступление вражеских сил, и сами по нему наступали, добывая эту контру. В сентябре месяце 1969 года Амри пригласил все руководство Республики и шейхов. На окраине горы Нукум мы сделали площадку с лавочками и крышей для гостей, с которой им очень хорошо были видны действия войск. Привлекли и авиацию. Она вылетела из Ходейды так же, как и во время войны, и действовала на учебном поле боя. Учение прошло просто красиво. Была хорошо показана боевая мощь новой Республиканской армии. Описывать ход учения я не буду, а приведу выступление руководителя учений главнокомандующего ВС ЙАР генерала Амри перед участниками этого учения. Я находился все время рядом с ним. По его предложению мы практически вместе управляли ходом этого учения.

В своем выступлении он сказал:

— Солдаты, сержанты и офицеры, участники сегодняшних замечательных маневров! От всего сердца горячо приветствую вас — доблестных воинов, только что показавших высокое боевое мастерство, отличную полевую выучку и способность вести сложные боевые действия и использование всех родов войск. Дата проведения учения — 26 сентября 1962 года — войдет в историю йеменских Вооруженных сил, которые являются собой начало нового этапа развития нашей армии — надежного щита революции. То, что сделано вами сегодня, вызывает гордость и восхищение всех йеменцев. На полях закончившихся учений продемонстрированы высокие качества отважных йеменских солдат, показан высокий уровень тактической подготовки командного состава армии. Сегодня все офицеры, сержанты и солдаты видели замечательный образец боевой подготовки, которому будут следовать все героические войска ЙАР. Отныне мы можем во всеуслы-

шание заявить, что Вооруженные силы Йемена действительно приступили к обучению на современной научной основе. Вами, участниками учений, проделана огромная и плодотворная работа по их подготовке и проведению. Я выражаю глубокую признательность и благодарность всем пехотинцам, танкистам, артиллеристам, саперам, сделавшим возможным сегодняшнее радостное и волнующее зрелище. Особую благодарность я выражаю командиру пехотной бригады «Буря» подполковнику Али Абу Люхуму – командующему пехотой, начальнику генерального штаба генералу Дейфала, полковнику Алексею и его товарищам – всем советским специалистам, которые исключительно плодотворно, применяя самые современные научные методы, самоотверженно трудятся над созданием и укреплением несокрушимых йеменских Вооруженных сил. Ваш неустанный труд, братья, вселяет глубокую уверенность, что наша армия выйдет на один уровень с армиями передовых арабских стран и других великих держав мира. Сегодняшние учения – залог непрерывного дальнейшего совершенствования нашей армии, которая в грядущих сражениях не на жизнь, а на смерть защитит нашу великую революцию, решит судьбу йеменской Родины и нашего гордого народа. Главком, правительство, все йеменцы гордятся вами, славные защитники революционных завоеваний йеменского народа. Слава Аллаху, доверившему вашей силе безопасность и будущее йеменской отчизны! Еще раз спасибо вам!

Здесь Амри выглядел неплохо, но до этого он несколько раз грозился отставкой. Например, в феврале 1969 года поступило стрелковое оружие из Советского союза по плану, для армии. Но Амри через начальника артвооружения решил сорвать этот план, и выдать оружие Касему Мунасеру и другим шейхам. Я принял все меры, и распоряжения Амри были отменены, оружие выдано по плану, в точно установленное время. Да, в дни обороны города Саны Амри сделал многое. Здесь его заслуга непременно есть, но и было много фактов, когда он открыто поддерживал

шейхов. А сейчас только и заботился об усилении личной власти. В июле провел очередные аресты прогрессивных офицеров. Снял с должностей двух командиров бригад «арабы» и «коммандос» с целью ослабления их боевой готовности. В тюрьме держал более 500 человек военных. Начальник Генштаба, генерал Дейфала, честно опираясь на нашу помощь, занимается только вооруженными силами и пользуется безраздельной поддержкой офицеров армии. И на этом фоне Амри и его бездеятельность как главкома еще более были видны. И он завис. В течение 1968 года он неоднократно грозился уйти в отставку. Как только вокруг него сгущались тучи, он сразу подавал в отставку. Одновременно подкупал небольшие кучки людей, раздавая реалы прямо на улице, и эти люди в Сане, Таизе и Ходейде с одним-двумя лозунгами призывали: «Амри, не уходи!». В этих условиях Арьяни отставку не принимал и Амри, получая определенные уступки, оставался на месте.

Сейчас такое мероприятие не получилось. 6 октября 1969 года он попытался подобные демонстрации устроить, но садыки деньги брали и расходились, лозунги не кричали. Он попытался подкупить племена Бени-Хушейн, чтобы они перекрыли дорогу на аэродром и потребовали возвращения Амри. Но они отказались. 10 октября 1969 года Амри подал в отставку. Арьяни ее принял. Через три дня Амри со своим заместителем Дефаи на «Ил-18» улетел в Каир, покидая Республику, видимо, навсегда.

Проводив Амри и оставшись за него, заместитель премьера Сабра и другие руководители ЙАР восстановили с Западной Германией дипломатические отношения на уровне послов. Полковник Бейдер мне говорит: — Мы знаем, что вооруженные силы против такого решения, но посмотрим, к чему оно приведет, а то быстро его поломаем, — успокаивал он меня, чтобы мы на это не обращали внимания, и работали так же, как и работаем. Мы же в лице Советского Союза имели и будем иметь нашего лучшего друга. А меня спросил, как я отношусь к этому акту? Я ответил:

– Немецкие фашисты развязали прошлую войну с целью уничтожения социалистического государства. Они убили 27 млн. советских людей. А ФРГ – член агрессивного блока НАТО, сейчас готовится к Третьей Мировой войне. Так что у нас аплодисментов нет! Бейдер: – Мы это разделяем.

План строительства армии в 1969 году с трудом, но был выполнен. Проводились и плановая боевая подготовка с личным составом частей, сборы с командным составом и занятия со штабами, учения с войсками. К концу года армия должна достигнуть 20 тысяч человек. Нужно было подвести итоги за 1969 год. Отныне я занимался только с генералом Дейфала. Он попросил меня обобщить опыт войны и опыт учений и написать книгу. Я в это время готовил план военной игры на картах с генеральным штабом и штабами частей. Дейфала дал высокую оценку проведенной игре.

Генерал-майор Брюхов В.П., когда вылетал в Йемен, договорился в Генштабе и ему очередным рейсовым самолетом направили двух радистов и радиостанцию. И он постоянно поддерживал связь с нашим Генштабом из Саны.

В начале декабря 1969 года ему передали, что мне направлена замена, и указания встретить в Ходейде. Все было сделано. 6 декабря генерал Дейфала собрал в Генштабе руководящий состав вооруженных сил. Прибыл от Арьяни какой-то его заместитель, зачитал указ: за оборону города Саны и спасение республики наградить меня орденом «Мариба» и присвоить звание «национального героя Йеменской Арабской Республики». Затем он прикрепил мне орден на грудь, второй такой же, но меньших размеров – на ленте, – надел на шею, и широкую ленту с бантом через плечо, поблагодарил меня, передал поздравления от Арьяни и сказал: – Вы награждены третьим в нашей Республике и можете теперь оставаться у нас. Мы вас всем обеспечим. Вы будете писать историю борьбы йеменского народа за свою свободу и независимость.

От столь внезапного предложения я опешил. Сказал несколько благодарственных слов руководству Рес-

публики за такую высокую награду. Затем был торжественный ужин, на котором первым выступил начальник генерального штаба генерал Дейфала.

В своем выступлении он дал высокую оценку моей работе и высказал очень красивые пожелания мне и советским специалистам. Несколько дней я занимался передачей дел своей замене, 10 декабря 1969 года улетел в Москву. Когда я прибыл в генеральный штаб, начальник главного 10-го управления принял мой доклад и сказал, что меня ждут в ЦК КПСС, объяснил кому туда прибыть. В ЦК меня принял высокопоставленный симпатичный человек. Поздравил с успешным выполнением поставленной задачи. И сказал: «А теперь вы мне честно доложите о поведении там генерал-майора Юрия Павловича Максимова». Я сразу сообразил: раз им занялся ЦК, то тут дело для Максимова пахнет керосином. И сказал, что я ничего не могу доложить, потому что я находился в г. Сана, а он в г. Ходейда.

- И как часто он бывал в Сане? – спросил он.
- За полтора года он был три раза, – ответил я.
- И подолгу находился в Сане?
- Нет, как правило, получив сведения об обстановке, на второй день улетал.

Потом он попросил меня подробно доложить, как там, в Сане, живут наши люди, в каких условиях и как исполняют свой интернациональный долг. Я подробно доложил правду, и сказал, что за тот подвиг, который они там совершили и г. Сану отстояли, их обещали представить к правительственной награде, но, как мне сказал Максимов – награда не состоялась. Он поблагодарил меня, сказал: – Разберемся. И я ушел. На второй день я уехал в Симферополь к своей семье.

Глава шестая

САМАРКАНДСКОЕ ТАНКОВОЕ УЧИЛИЩЕ

В указанное время я прибыл в управление кадров сухопутных войск. Встал вопрос о моем назначении на должность. Предложили должность командира танковой дивизии в городе Днепропетровске. А затем один полковник сказал: — В Самарканде создается новое высшее командное танковое училище. Алексей Константинович в училище командовал взводом, ротой курсантов. У него хорошее прохождение службы в войсках, он блестяще решил задачи в Йемене. Лучшего начальника этого нового училища у нас нет.

— Как вы смотрите на эту должность? — спросил он меня.

— Как решите, так и будет. Я не возражаю.

С начальником управления кадрами мы пришли в кабинет командующего сухопутными войсками генерала армии Павловского. Он попросил меня подробно доложить об обстановке в Йемене и регионе, об участии наших советников и специалистов в боевых действиях, о взаимоотношении с местным военным и политическим руководством страны. Мой рассказ занял более двух часов. Когда я вышел, то в приемной генералы и полковники с папками выразили мне недовольство, что я столько времени держал их у двери. Генерал Павловский внимательно меня слушал, задавал вопросы, а потом сказал генералу, который меня представлял: «На училище». А мне: — Имейте в виду, там предстоит очень большая работа, училище создается на базе учебной мотострелковой дивизии, проблем будет много, но, я думаю, вы справитесь. — Я поблагодарил его за все и сказал: — Справлюсь. Мы

Маршал Л. С. Соколов и командование округа в Самаркандском высшем командном танковом училище.

ушли. Я уехал в ГУК (главное управление кадров Министерства обороны). В это время на должность командующего войсками Туркестанского военного округа назначался генерал-лейтенант Белоножко Степан Ефимович. Ему сказали, что здесь находится начальник Самаркандского танкового училища. Он попросил со мной встречи. Нас завели в отдельный кабинет. Он спрашивал, откуда я родом? Я сказал, из Уссурийской тайги, а дед мой из Полтавской области Хорольского района, село Вергуны. Он: — А я из Бахмача, мы, оказывается, земляки. Там все рядом. — Он после ряда вопросов, связанных со службой, спросил: — А как вы смотрите на то, что Самарканд — средняя Азия, что там климат... Я ответил, что был в Африке и на Севере под полярным кругом, я ничего не боюсь. Он: — Это хорошо, а жена? — Жена — нитка, а я — иголка. — Он засмеялся: — Вопросов больше нет. Я жду вас в Ташкенте.

В январе 1970 года я прибыл в Ташкент в штаб округа. Командующий принял меня уже как старого знакомого. Вызвал заместителя по вузам и сказал: —

Везите полковника Черевко в Самарканд и вручайте ему там училище. Поставил задачи и сказал, что там учебная мотострелковая дивизия была не лучшая, поэтому проблемы будут. — В любом случае звоните мне, будем помогать. И мы в тот же день на машине уехали в Самарканд.

Несколько слов о военном городке, где должно разместиться училище. На окраине города, в сторону города Бухары, были расположены рядом два военных городка. Почему-то их называли «ближний лагерь» и «дальний лагерь». Мы будем называть их не «лагерь», а военный городок. В дальнем военном городке и было принято решение разместить танковое училище. Здесь были две небольшие трехэтажные современные казармы, и несколько казарм одноэтажных, типа барак. Как и во всех подобных бараках здесь были земляные полы, туалет — общий, в центре городка. Умывальник — около казармы, на подставке бочка с водой, от нее труба с сосками — общий умывальник. Въезд в городок — со стороны поля, с бухарской дороги.

Ближний военный городок более компактный, казармы одноэтажные, капитальные, построены при царском режиме. В городке тоже канализации нет. Умывальники наружные, полы в казармах цементные. Таких казарм четыре. В одной из них разместится рота курсантов, кровати — в один ярус. В городке есть и одна современная трехэтажная казарма, столовая, штаб дивизии. Рядом с зеленой рощей — дом офицеров. Дальше, до дальнего городка, — стадион и жилые дома для офицеров. В конце городка, с его тыльной стороны, — 50-метровый бассейн. Хороший городок, но никакого сравнения с тем, который отвели под училище. Дело в том, что от глинобитного полуразрушенного забора городка и до дороги, идущей на Бухару, метров сто. Заболоченная речушка, заросшая деревьями и кустарником, обтекает оба городка и уходит в поле. Главный въезд в городок — узкие ворота, находится левее, через поселок, по кривой улочке. Как мне сказали, решили разместить училище в дальнем городке, потому что там парадный въезд отвечает всем

Главнокомандующий сухопутными войсками генерал армии Павловский — в училище.

военным требованиям, а здесь его просто нет. И когда я обошел эти два городка, то сразу сказал заместителю командующего, который прибыл со мной, что училище надо размещать в ближнем военном городке, а не в дальнем. А мне вопрос: — Ну а как же с главным въездом в училище? Эти хижинки сносить? Но сносить эти хижинки — проблема. Никто на это не пойдет. Доложили по телефону командующему. Я обосновал свое решение и сказал, что вопрос о главном въезде я решу сам. Он спросил: — Как? Я ответил: — С дороги на Бухару, через болото, проложим бетонные трубы и устроим дамбу, сделаем красивую двойную аллею, прорежем ее до центра городка, до строевого плаца. Посредине аллеи — зеленая полоса и столбы для освещения. Центральные ворота двойные: въезд и выезд. Посредине — контрольно-пропускной пункт. Дувалы земляные уберем, поставим металлический забор, такой, как в Ленинском общевойсковом училище в Ташкенте. Генерал-лейтенант Белоножко слушал меня внимательно и сказал: — Я согласен с вашими соображениями, но изменить место расположения училища я

*А. К. Черевко с женой Эммой Павловной
и сыном Игорем.*

не могу. Это сделать может только главком сухопутных войск – генерал армии Павловский. Пишите ему, а я поддержу. – Я написал, Белоножко поддержал.

Через несколько дней из Москвы прилетел генерал от Павловского. Я ему подробно все доложил, он согласился, и по телефону сообщил в Москву. Оттуда дали добро. Я с семьей разместился в доме командира дивизии и начал создавать новое училище на новом месте. Нужно было все сделать для того, чтобы с первого сентября 1970 года начать учебный год. Разработан план строительства училища. Командующий провел военный совет в училище и утвердил этот план. При посещении первого секретаря КПСС в Самарканде тот сказал: – Поможем. И я развернул эту огромную работу без определенных средств и строителей. Нам помогали отцы детей, поступивших в наше училище на первый курс, занимающие руководящие должности. Они направили к нам бульдозеры, скрепер и самосвалы. Мы дамбу через болото до дороги на Бухару отсыпали, выравнивая бугристую территорию городка. Потом прорубили две скважины и залили го-

Командование училища.

Первый секретарь Компартии Узбекистана Ш. Рашидов после вручения знамени училищу. 1970 г.

родок водой, сделали канализацию, наружные туалеты снесли, на их месте разбили зеленую зону. А туалеты, умывальники сделали в каждой казарме. Территорию городка задерновали. В конце городка, в бассейне, находился насос, с его помощью обеспечили полив территории. Короче говоря, из запущенного военного городка сделали картинку. А военные строители в это время строили два пятиэтажных учебных корпуса, обращенные лицом к главному въезду, а двойная аллея прошла между ними к строевому плацу. Вместо глиняного поставили красивый металлический забор. В это время меня направили в академию имени Фрунзе на курсы командиров дивизий. Учебные поля рядом. Построили танкодром, автодром и стрельбища. В пять танковых училищ Вооруженных Сил Советского Союза я направил группы офицеров с фотоаппаратами с задачей – познакомиться с учебно-материальной базой на кафедрах училищ, взять на вооружение все самое лучшее и доставить в училище. Это нам очень помогло. У нас в классах новых учебных корпусов все было по-новому. Мы пользовались магнитофонами. Например: курсант был в наряде, пропустил лекцию. Во время самоподготовки он приходит в класс, просит лаборанта включить такую-то лекцию. Садится за стол, надевает наушники и слушает данную лекцию, ведет нужные записи. Когда мы это показали маршалу Москаленко при посещении им училища, он дал высокую оценку. Училище строилось, а мы 1 сентября 1970 года начали учебный процесс. Было очень трудно, но через три года мы смогли выпустить первых офицеров-танкистов. Было незабываемое торжество. Проверяющие из Москвы дали высокую оценку нашему напряженному труду. В приказе министра обороны училище было названо лучшим среди шести танковых училищ в Вооруженных Силах страны. Но вскоре случилось непредвиденное – начальник центрального автомобильного управления получил от министра обороны разрешение выбрать одно из танковых училищ для развертывания командного автомобильного училища. В 1975 году он выбрал Са-

Торжественное собрание в День победы. 1971 г.

Награждение за отличную учебу перед строем училища. 1972 г.

Личная беседа с курсантами 1972 г.

*Полковник Редько, начальник автомобильного училища,
и его заместитель полковник Третьяков*

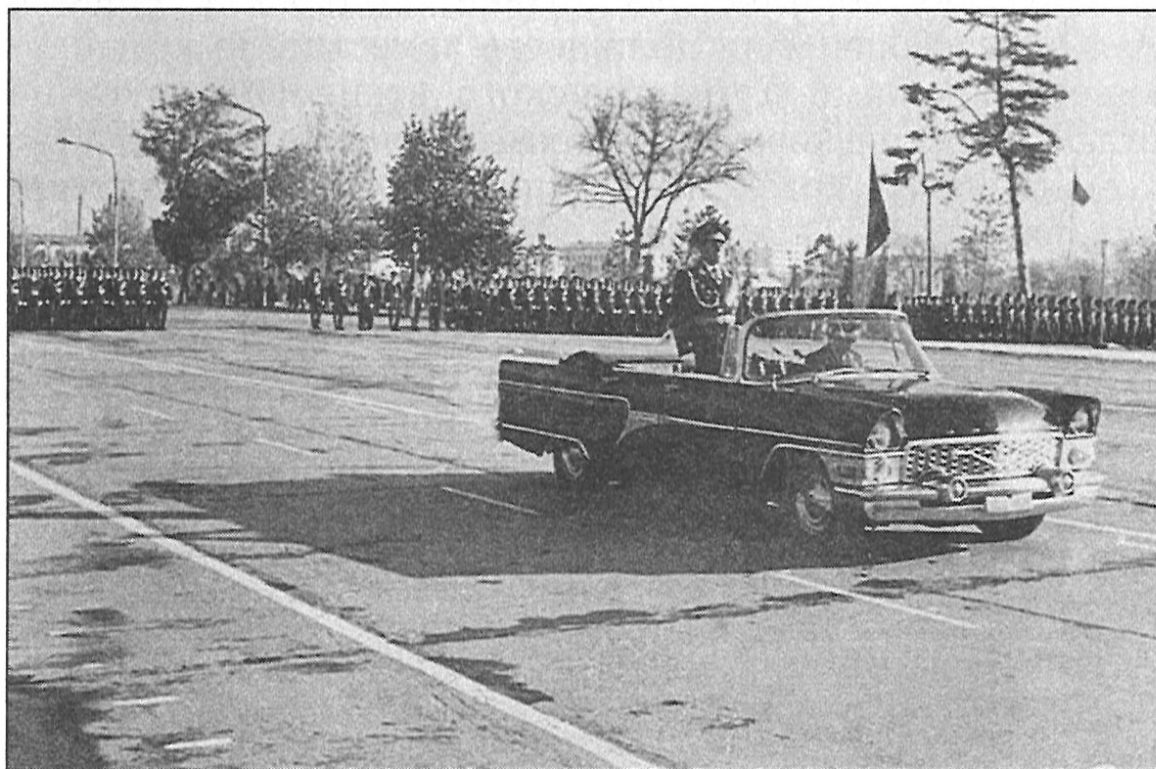
Главный въезд в училище.

маркандское танковое. Теперь я перестраивал танковое училище в автомобильное. Работа была не из простых. Месяца через два прибыл новый начальник училища — автомобилист из Рязани, полковник Редько. А я был назначен на должность заместителя командующего войсками Туркестанского военного округа по вузам и вневойсковой подготовке. Приехал в Ташкент — командующий сразу назначил меня начальником гарнизона города Ташкента. Генерал-полковник С.Е. Белоножко был прекрасным командующим округом. Он этот округ обустроивал, вместо глинобитных были построены отличные военные городки, которые обеспечивались водой из скважин. Раньше этого не было. Воду возили из каналов в бочках. Белоножко называл это ужасом. Он заставил всех работать, в том числе и местные власти. Решил проблему жилых домов для офицеров и прапорщиков.

Когда приехал генерал Ю.П. Максимов на должность заместителя командующего, он его сразу направил на Кушку и сказал: «Пока вот это и это не завершите — в Ташкент не приезжайте». Как только я узнал, что в округ приехал Максимов, то подумал: «Ну, это судьба. Опять я оказался рядом с человеком, ко-

Военный парад на площади Ленина в Ташкенте. Принимает парад командующий округом генерал-полковник С. Е. Белоножко.
7 ноября 1976 г.

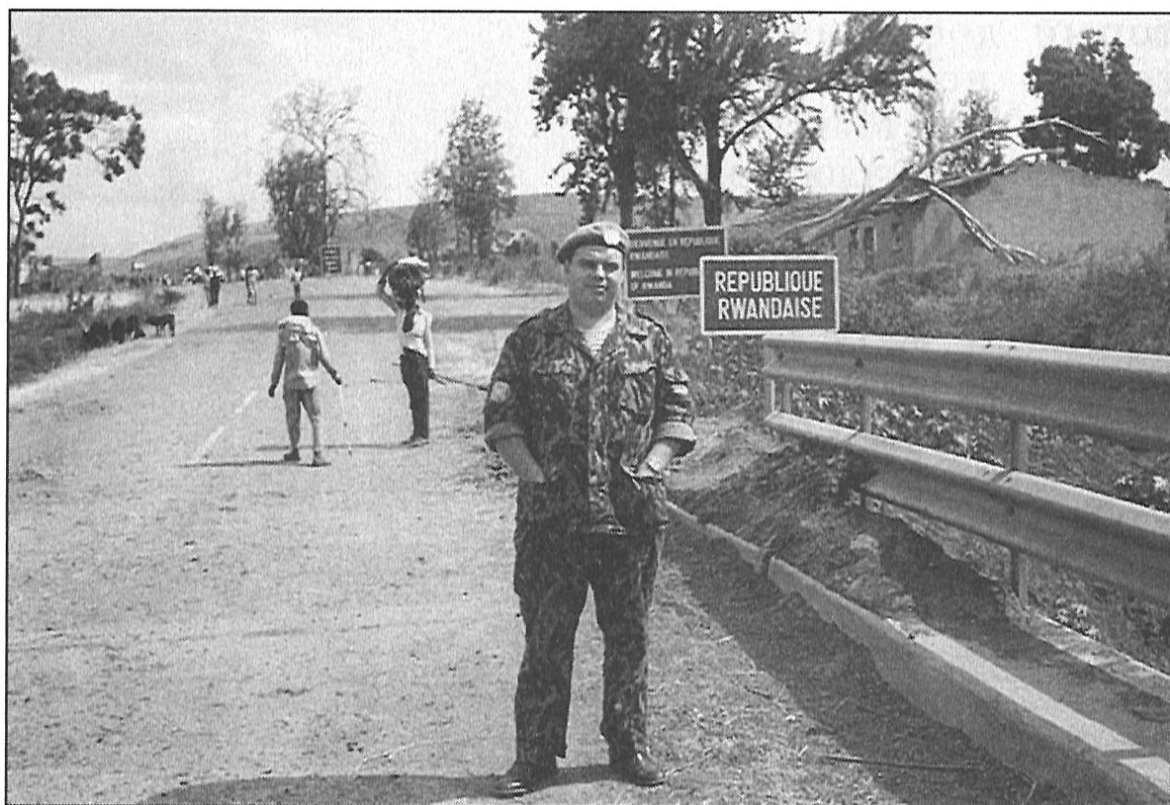

Командующий парадом генерал А. К. Черевко.

торый доставляет мне только неприятности». На генерала Максимова в Кушке навалилось много работы. Как-то он позвонил командующему и попросил у него разрешения приехать домой помыться. Белоножко сказал ему: «Вы там строите баню, вот в ней и помоешься, когда закончите, поэтому потопрапливайтесь». Максиму это не понравилось, он кому-то из доверительных лиц пожаловался. Белоножко тут же стало известно об этом. Он поставил новые задачи Максиму, а тот конечно не справился, и Белоножко сразу понял, кто есть кто. Однажды я с Максимовым встретился (хотя не очень и хотел). Он мне тоже начал жаловаться на Белоножко... В общем, у них отношения обострились. Как-то Белоножко звонит мне и говорит: «Выходи вниз к машине, поедem в танковое училище в Чирчик». Я вышел, поехали. В машине он мне сказал: «Я узнал, что ты служил с Максимовым в одной дивизии. Ты мне скажи, что это за человек, я его никак не могу понять». Я ему: «Так вы правильно видите, что это за человек; я добавить ничего не могу». Через месяц Максимов был снят с этой должности и уехал в Алжир главным военным советником.

Центральная площадь Самарканда. 7 ноября 1974 года

*Полковник Черевко Игорь Алексеевич,
военный наблюдатель ООН в Руанде. 1993–1994 гг.*

В 1987–1989 гг. исполнял интернациональный долг в Мозамбике в качестве военного переводчика португальского и английского языка.

В 1993–1994 гг. – Военный наблюдатель ООН в Руанде. Решались задачи по прекращению вооруженного конфликта противоборствующих сторон и установлению демократических порядков.

В 2002–2003 гг. – военный наблюдатель ООН в Конго, задачи решались те же, что и в Руанде.

Исполнение интернационального долга проходило в сложной военно-политической обстановке, в тяжелых климатических и бытовых условиях. Однако, несмотря на это, задачи были успешно решены.

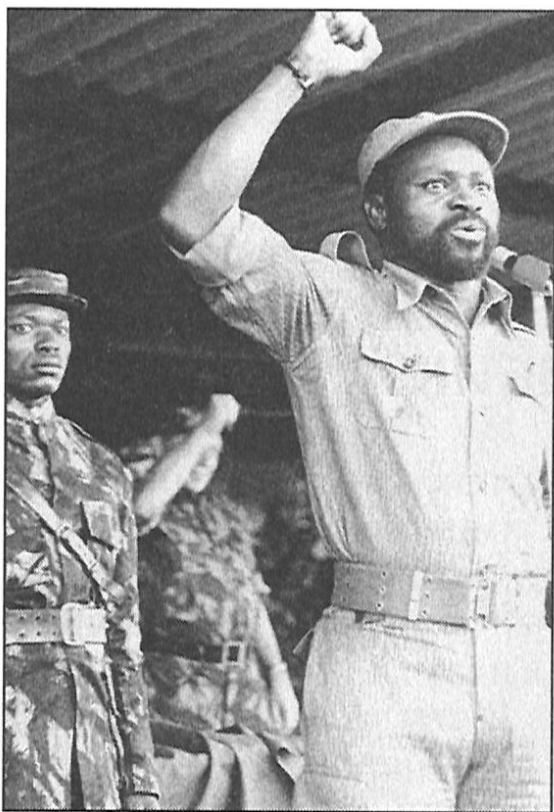
Глава седьмая

НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА МОЗАМБИК

В 70-е годы XX века мы стали свидетелями краха последней колониальной империи Португалии. В результате ее крушения на политической карте мира появились новые независимые государства Африки: Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау и другие. Победа народов португальских колоний явилась прямым следствием упорной и длительной национально-освободительной войны в этих странах, при широкой помощи и политической поддержке стран социализма и прогрессивных режимов Африки.

Народная Республика Мозамбик расположена на юго-востоке африканского континента. Ее площадь 783 тыс. кв. км, в восемь раз больше, чем площадь самой Португалии. Население на 1976 год — 10 млн. человек. Язык — португальский. Общая протяженность сухопутных границ составляет 4,2 тыс. км. Наиболее протяженная — западная граница, 3340 км. Соседями на ней являются: Замбия, Южная Родезия, Южноафриканская республика. С восточной стороны территория государства вытянута вдоль побережья Индийского океана — 2790 км. На этом побережье находятся порты Лоренсу-Маркиш (Мопуту), Инямбане, Бейра, Накало и другие. Северная часть побережья скалистая, с глубоководными бухтами, а южное побережье равнинное, с отмелями.

В 1498 году впервые на территории Мозамбика высадились португальцы. И постепенно, преодолевая сопротивление туземцев, продвигались в глубь этой страны, где были обнаружены огромные запасы угля, золота, железа, бериллия, титана, вольфрама, танта-

Самора Машел, президент НРМ и верховный главнокомандующий, выступает перед войсками. 1977 г.

ла. И португальцы уже оттуда не ушли. Силой подчиняли аборигенов, а страну сделали колонией. Грабили богатства этой страны пять веков. Колониализм в Мозамбике использовал все виды и формы национального, политического и экономического угнетения и притеснения. Местное население считалось людьми третьего сорта. Их использовали на неквалифицированной работе, они пополняли ряды грабителей, воров и проституток. В столице Лоренсу-Маркиш на учете состояли 70 тыс. проституток. В городе только португальцы жили в

благоустроенных домах и роскошных виллах. За городом на окраинах в трущобах и под деревьями жили мозамбиканцы, с полураздетыми и голодными детьми. На этой черте стоял шлагбаум — черных в город не пускали. В город входили по специальным пропускам только те черные, которые работали у португальцев слугами и чернорабочими на фабриках. Огромная пропасть разделяла португальцев, находящихся у власти, и коренное население, угнетаемое колонизаторами. Вся собственность страны, все решения больших и малых проблем во всех сферах жизни были сосредоточены в руках португальцев. Мозамбиканец был рабом, простым исполнителем их воли, работником, которого не ценят, слугой, лишенным чувства собственного достоинства.

Мозамбикский народ, под руководством своей партии «Фрелимо», начал борьбу, против пятивекового угнетения. Исторический опыт показывает, что

ни одно подлинно революционное движение не может прийти к победе, если оно не имеет руководящей и направляющей силы (партии) и военной организации.

В 1920 году группа африканских студентов из Мозамбика создала в Лиссабоне патриотическую организацию – «Африканская лига». В результате в самом Мозамбике возникли «Африканская ассоциация», «Ассоциация уроженцев Мозамбика» и др., целью которых была борьба против колониализма, за независимость своей страны. Однако данные организации носили кружковый характер, были малочисленны и слабо подготовлены. Но, несмотря на это, они обеспокоили колонизаторов. И тем удалось какую-то часть организации уничтожить, а другую поставить себе на службу. И только небольшая группа сумела эмигрировать и обосноваться за рубежом, в приграничном с Мозамбиком государстве. Одновременно с этим в 1925 году начались крупные выступления и забастовки рабочих – докеров, транспортников, забастовка докеров в Лоренсу-Маркиш в 1949–1951 годах, волнения рабочих плантаций. Колониальная власть усиливает репрессивные меры против мозамбикского народа. Эти меры вызвали еще большую волну протеста против колонизаторов, продолжавшегося в последующие годы.

Большую помощь Португалии в борьбе с «террористами» (так их называли португальцы), оказывали Германия, США и Англия. Для лучшей организации народа на борьбу с колонизаторами в начале 60-х годов в Мозамбике были организованы:

1. Демократический национальный союз Мозамбика.
2. Мозамбикский африканский национальный союз.
3. Африканский национальный союз независимого Мозамбика.

Но эти организации действовали разобщенно, не имели общей программы. 25 июня 1962 года эти три организации объединились в единый фронт освобождения Мозамбика – «Фрелимо». Огромная заслуга в организации «Фрелимо» принадлежит первому пред-

седателю этого фронта – Эдуардо Мондлано, сумевшему в условиях сложной обстановки объединить эти разобщенные патриотические силы. «Фрелимо» оказалась единственной организацией, способной довести борьбу до победного конца. Мондлано принадлежит решающая роль в мобилизации всего населения на борьбу с колониальным режимом Салазара. В сентябре 1962 года в Танзании состоялся первый съезд «Фрелимо», который выработал и принял устав и программу. В генеральной декларации съезда говорилось, что он провозглашает единство всех мозамбиканцев независимо от их этнического происхождения, материального достатка, вероисповедания, философских убеждений и пола, в борьбе всеми средствами за немедленную и полную ликвидацию португальского колониализма и за достижение национальной независимости; сотрудничество со всеми прогрессивными силами мира; завоевание и поддержку симпатий всеми народами справедливого дела освобождения мозамбикского народа. Вначале планировалось действовать мирным путем через ООН, через конференцию националистических организаций Португальских колоний, но ничего не получилось. Тогда было принято решение начать подготовку и перейти к вооруженной борьбе, а для этого необходимо создание вооруженных сил. В начале 1963 года создан официальный орган печати «Голос революции». В январе 1963 первые три группы убыли в Алжир для военной подготовки: в одной – 50, в других – по 70 человек. Учились в военном лагере один год. В одну из этих групп входил и Самора Машел.

Эти командиры сформировали первые партизанские отряды, которые и начали вооруженную борьбу с 1964 года. Началась подготовка военных специалистов, которой занимались уже свои инструкторы и китайские военные специалисты. В середине 1960-х годов «Фрелимо» направляет своих воинов на учебу в Советский Союз, которую они проходили в специальном училище, в крымских горах, в поселке Перевальное. Первые боевые отряды вышли из Танзании в

Мозамбик и начали боевые действия 25 сентября 1964 г. В этот день за подписью Э. Мондлано было опубликовано воззвание к мозамбикскому народу: «Наша борьба справедливая, это война против оккупантов и угнетателей, нас больше 10 млн., а их 150 тыс. Ничто и никто не сможет остановить сплоченный народ на его пути к национальному освобождению!». В воззвании разъяснялось, что португальский колониализм отказался удовлетворить законные требования народа мирным путем. В связи с этим объявлялось «всеобщее вооруженное восстание мозамбикского народа против португальских колонизаторов за завоевание полной независимости Мозамбика!»

Министр национальной обороны Альберто Чипанде рассказывал мне: «В ночь на 20 сентября 1964 года группа наших патриотов под моим командованием перешла границу Танзании и вошла в провинцию Кабо Дельгадо. Она состояла из 12 человек. В ночь на 25 сентября 1964 года группа сосредоточилась возле поселка, в котором размещался пост португальской администрации. До этого днем мы провели разведку, точно установив силы и средства, которые располагались у португальского здания. На рассвете скрытно пробрались к нему, я выстрелом уничтожил часового, что было сигналом для открытия огня всей группой. Были убиты 7 солдат и представитель колониального режима, отличавшийся особой жестокостью по отношению к местному населению. После этого мы отошли в другой район действий». Так началась партизанская война за независимость Мозамбика.

Сводки сообщали о первых победах. За 8 месяцев боев было уничтожено более 700 португальских солдат и офицеров, выведены из строя сотни автомобилей, разрушены десятки мостов, сбиты шесть самолетов. В январе 1965 года на станции вила Мешаду столкнулись два поезда, ущерб составил 10 млн. эскудо. Пускали под откос и другие поезда. Оккупанты заматались. Они ужесточили свои репрессии.

В 1967 году Самора Машел был назначен главнокомандующим народных освободительных сил Мозам-

Маршал Соколов Л. С. прибыл в НРМ. 1978 г.

бика. Партизанская война за освобождение от колониального гнета длилась 10 лет. Только после свержения фашистского режима Салазара в Португалии и победы португальской революции 25 апреля 1974 года деколонизация Мозамбика и других португальских колоний стала неизбежна.

7 сентября 1974 года в г. Лусака (Замбия) был подписан договор между «Фрелимо» и португальским правительством, согласно которому новое правительство Португалии признавало право мозамбикского народа на независимость и обязалось передать власть в его руки 25 июня 1975 года. 3 февраля 1969 года в городе Дар-эс-Салам был убит президент «Фрелимо» Эдуард Мондлано. В этом были виновны ЦРУ и агенты Пиде (тайная полиция Португалии). Они надеялись что, уничтожив лидера, добьются раскола организации, ослабления и прекращения вооруженной борьбы, что остановится национально-освободительное движение. Но смерть Э. Мондлано вызвала прилив новых сил и священную ярость бойцов «Фрелимо». Внутренняя контрреволюция обнаружила себя, но уничтожена не была, что в дальнейшем принесло серьезный вред борьбе.

9 – 14 мая 1970 года состоялся пленум ЦК «Фрелимо», на котором на пост президента «Фрелимо» был избран Самора Машел. Были разоблачены и наказаны контрреволюционные элементы, действовавшие во «Фрелимо». 20 сентября 1974 г. образовано переходное правительство под руководством «Фрелимо», организовавшее передачу власти в руки народа Мозамбика. Таким образом, под руководством «Фрелимо» мозамбикский народ после 10-летней борьбы провозгласил независимость Мозамбика, завоевал широкие демократические свободы в рамках национально-демократической революции. Руководящей силой государства стал «Фрелимо». Во главе государства стоял президент. Ему подчинялись правительство республики, совет министров. С 3 по 7 февраля 1977 года в Мапуту состоялся третий съезд «Фрелимо», на котором присутствовали 379 делегатов. На съезде был принят ряд важнейших решений. Государство избрало социалистический путь развития. Марксизм-ленинизм объявлен теоретической основой партии «Фрелимо», отныне считавшейся не фронтом национального освобождения, а авангардной марксистско-ленинской партией. Создан постоянный политический комитет (ЦК партии). Приняты устав и программа партии, которые наметили цели народно-демократической революции и пути ее выполнения. Идеино-политическая основа партии «Фрелимо» носит антиимпериалистический, антиколониальный и антирасистский харак-

*Генерал А. К. Черевко
представляет президенту
Машелу наших советников
при командирах бригад.*

тер, что объективно привело фронт к выбору строительства общества на основе научного социализма.

По приглашению Саморо Машела я, в качестве гостя, имел честь присутствовать на этом съезде. После съезда были созданы организация мозамбикской молодежи и организация мозамбикских женщин со своими уставами. Все это давало возможность организовать и повести широкие народные массы на борьбу за построение основ нового общества. Провозглашение строительства социалистического государства во главе с марксистско-ленинской партией в богатейшем районе Африки привело американских, английских и португальских колонизаторов в шоковое состояние. Единственное, что их хоть как-то успокаивало, так это то, что на западе почти по всей границе соседом Мозамбика была английская колония Южная Родезия во главе с английским ставленником Яном Смитом, а дальше — граница с ЮАР.

У получившего независимость Мозамбика были 23 партизанских отряда, которые завоевали эту независимость. Эти отряды при помощи китайских военных специалистов преобразовали в пехотные батальоны. Командиров отрядов называли командирами батальонов новой армии. Многие из этих командиров считали, что после победы они получают высокие посты и власть. Но обстановка потребовала эти пехотные батальоны поставить на прикрытие государственной границы со стороны Родезии и Южно-Африканской Республики, через которую в Мозамбик потекли всякого рода наемники и бандиты. Быт батальонов на границе не был устроен, особенно плохо была организована поставка продовольствия, поэтому многие начали проявлять недовольство. Снижалась дисциплина и, как следствие, боевая готовность. Ян Смит не замедлил использовать эту обстановку. В эти батальоны стали засылать свою агентуру, подкупать отдельных командиров, вербовать на свою сторону. Нависла угроза разложения армии.

Перед руководством Мозамбика, осуществлявшим свои планы, направленные на реорганизацию парти-

занской армии в новую регулярную армию, сразу же возникло очень много проблем. Китайцы в основном оказывали помощь в создании партизанской армии и старались ее поддерживать. После же получения независимости они ничего не делали, а только доказывали руководству Республики, что удел Мозамбика – не регулярная армия, а только партизанская. И для нее поставляли стрелковое оружие, одеяла и тапочки, вместо сахара – сахарин, а когда узнали, что НРМ (Народная Республика Мозамбик) обратилась к Советскому Союзу по поводу создания новой армии, то и это прекратили.

В октябре 1976 года делегация во главе с Саморой Машел прибыла в Москву. Состоялась встреча с Л.И. Брежневым, был подписан договор о военном сотрудничестве. Речь шла об оказании срочной помощи в создании национальных вооруженных сил. В заключение Самора Машел попросил, чтобы группу военных специалистов возглавил опытный боевой генерал Л. И. Брежнев дал команду министру обороны: «Найти и дать Саморе Машел боевого опытного генерала, так как очень сложная у них там обстановка».

Расскажу немного о той сложной обстановке, которая возникла к тому времени. С 1975 года, с первого дня независимости Республики Мозамбик, не только не прекращались, но усиливались подрывные действия со стороны ее соседей. Они эту «тайную» войну называли «Мозамбикское национальное сопротивление» (МНС). Но это все вранье, это не Мозамбикское сопротивление, в нем нет ничего национального. Речь шла не о сопротивлении, а о терроре против молодой республики. Когда зародилось это МНС? На чьи деньги создана эта бандитская организация? У истоков стояли спецслужбы ЮАР, Родезии и Португалии.

«Отцом» МНС считает себя португальский миллионер Жардим – «некоронованный король Мозамбика». Ему принадлежали 10 крупнейших компаний, плантации. Он был крестником диктатора Салазара. Занимал пост министра торговли и промышленности

в Португалии. Жардим понимал, что победа «Фрелимо» лишит его награбленных богатств. К 1976 году от идеи свержения правительства Самора Машел Жардим не отказался. Он сколачивал отряды головорезов, убивавших активистов «Фрелимо», грабил население. Но Мозамбикская армия успешно громила его банды. Вот в это время у Жардима возник новый план. Суть его заключалась в создании «нового освободительного движения», которое помогло бы родезийской армии бить мозамбиканцев в их тылу. Ядром этого должны стать бандиты Жардима. Так возникло «Мозамбикское национальное сопротивление» (МНС). В Мозамбике появилась радиостанция, шефом которой был личный секретарь Жардима. Она призывала народ МНР подниматься на борьбу против «Фрелимо».

В Мозамбике началась вторая освободительная война, и возглавили ее настоящие революционеры, которые хотели очистить страну от коммунистов и террористов. Началось первое формирование отрядов МНС и переброска их в Мозамбик для развертывания диверсионной деятельности. В августе и сентябре 1976 года в военных лагерях родезийской армии к северу от Солсбери под руководством родезийских, южноафриканских и португальских инспекторов прошли подготовку первые бандитские отряды МНС, и оно начало действовать. Население Мозамбика не торопилось его поддерживать, наоборот, люди помогали правительству в поимке бандитов и в борьбе с ними. Вскоре и ЮАР начало засылать своих наемников в Мозамбик. И все эти силы должны будут войти в освободительную армию. Было решено прибегнуть и к помощи американских друзей, с которыми правительства Родезии и ЮАР поддерживали постоянную связь.

После победы «Фрелимо» сотрудничество ЦРУ со спецслужбами Родезии и ЮАР активизировалось. В Солсбери знали, что ЦРУ располагает хорошей агентурой в Мозамбике, и они давали информацию о расположении армейских частей, лагерей зимбабвийских беженцев на территории НРМ. Используя эти сведе-

ния, родезийская армия совершала нападения на гарнизоны мозамбикской армии и лагеря зимбабвийских патриотов. В Солсбери надеялись на содействие американцев в превращении МНС в настоящую силу. Было создано подставное руководство МНС из числа мозамбиканцев. Бывшего интенданта мозамбикской армии Матсангаи, которого за воровство с позором изгнали из армии, американцы сделали лидером МНС. Матсангаи был тщательно подготовлен. Суть его планов сводилась к следующему: МНС – народное движение, которое борется против коммунистического «Фрелимо». Сторонников «Фрелимо» нужно уничтожать без жалости, казни совершать публично, устраивать засады, взрывать жизненно важные объекты, сеять в стране панику. Убивать, грабить и насиловать.

Подчинялся Матсангаи родезийскому командованию, и вскоре по стране поползли слухи о вырезанных поголовно деревнях, о взорванных мостах, о похищении активистов «Фрелимо». На площадях рубили головы, а потом на кольях выставляли их у дороги. Почти 3 года «руководил» Матсангаи МНС. А в конце 1979 года в одной из операций Матсангаи был убит. После этого «движение» Жардима перешло под полный контроль южно-африканской разведки. В ЮАР полным ходом шла разработка планов контрреволюции в Мозамбике. Организовывались новые базы на территории НРМ, а также в Малави, в Зимбабве и Танзании.

На пост верховного главнокомандующего МНС был назначен Маресто Джакана, до 1974 года служивший в португальской армии, а затем вступивший во «Фрелимо». Но здесь Джакана продержался недолго и был изгнан за предательство. Прослышав о вербовке добровольцев в МНС, он тут же присоединился к ним. Учитывая, что Джакана плохо разбирался в военных делах, ему в качестве советника направили полковника военной разведки ЮАР Никерка.

По решению правительства ЮАР отрядам МНС были переданы специалисты по взрывному делу, а так-

же инструкторы по обращению с оружием, полученным из ЮАР, а в ЮАР оно поступало из США. Эти люди не только обучали, но и сами принимали непосредственное участие в боевых действиях. Их приказам подчинялись беспрекословно. Эти отряды бандитов «второго этапа» контрреволюции в МНР были хуже «первых». Они отличались еще более чудовищным садизмом, активистов «Фрелимо» предавали еще более мучительной смерти. Женщин насиловали, отрезали им груди, мужчинам – носы, уши. Крестьянам с отрезанными губами говорили: «Теперь можете идти улыбаться Саморе». На массовом митинге в городе Мапуту Самора Машел отметил: «Мы недооценивали нашего врага». Кто же открыл дверь этому врагу? Имена стали известны через месяц, когда правительство объявило о раскрытии в государственных органах и в армии шпионской сети, созданной ЦРУ США. Американские агенты показали, что ЦРУ постоянно снабжало расистов ЮАР разведывательной информацией об обстановке в Мозамбике, о расположении лагерей беженцев в ЮАР.

Выдворение американских шпионов из НРМ пришлось не по нраву Белому Дому. Администрация США заявила, что временно прекращает экономическую помощь НРМ. ЮАР аплодировало Вашингтону. Полковнику Чарли было приказано активизировать действия МНС. Патруль мозамбикской армии обнаружил группу террористов, закладывавших мины вдоль железнодорожного полотна Бейра-Умташ у границы Родезии. В завязавшейся перестрелке шесть бандитов были убиты, трое из них оказались южноафриканскими саперами, остальные – члены МНС. Прошло две недели, и серией взрывов был поврежден нефтепровод Бейра-Умташ, были взорваны железнодорожные и шоссейные мосты через реку Пунгве в 50 км к востоку от порта Бейра. Важнейший порт оказался практически отрезан от остальной части страны. Движение по железной дороге, связывающей Мозамбик и Зимбабве, остановилось на полтора месяца. Обмену между странами был нанесен огромный материальный

ущерб. Вот эта обстановка и вынудила Самору Машел ехать в Москву.

Я, как заместитель командующего войсками туркестанского военного округа и начальник гарнизона города Ташкента, занимался подготовкой военного парада по случаю 59-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. 4 ноября 1976 года — Генеральная репетиция. Мы ждали командующего войсками округа генерал-полковника С.Е. Белоножко, который должен был принимать парад. Парадные расчеты на месте. Я стою в открытой машине. В это время ко мне подходит секретарь командующего и вручает какой-то листок. Я сразу не понял в чем дело. А он: — Читайте! Читаю. Шифровка из генерального штаба, адресована командующему: «Генерал-майор Черевко А.К. назначен главным военным советником в Народную Республику Мозамбик. Прошу вас откомандировать его 12 ноября 1976 года в Генеральный штаб без семьи. Подпись: начальник Генштаба».

Я его спросил: «А командующий знает?»

— Нет, я думал, что он здесь и решил ему срочно доложить.

Прошло немного времени после пребывания в ЙАР, я спокойно занимаюсь своим делом, и опять в этот шквал на юг Африки, где еще наши военные не были.

Прибыл командующий, я подал команду и поехал навстречу его машине. После моего рапорта он объехал и поздравил войска с праздником, прокричали: «УРА!». Все было нормально, парадные расчеты хорошо прошли мимо трибуны. Завершил парад духовой оркестр. «Все! До седьмого ноября». — пожал мне и присутствующим руки, уехал. Наступил праздник, провели парад. Первый секретарь компартии Узбекистана Шараф Рашидов устроил прием.

После праздника меня пригласил командующий и сообщил о моем назначении. Я доложил, что недавно только исполнял интернациональный долг, можно было бы и другого назначить. Он: — Это назначение Москвы, нам не доверили. Я обзвонил всех, но вопрос уже решен, так что командуйте Черевко, не задер-

живайте. А может быть, — говорит командующий, — скажешь, что Африка тебе противопоказана... — Я ответил, что так сказать не могу, потому что подумаю — струсил. — Ну ладно, — махнул он рукой.

10 декабря 1976 года я посадил в самолет жену и своего десятилетнего сыночка Игоря и отправил их в Симферополь, к матери-старушке моей жены, а сам через час другим самолетом улетел в Москву. Я так много жил без семьи — и опять тяжелое расставание.

В Москве меня встретили и сопроводили к начальнику главного 10-го управления генералу Зотову. Он коротко ознакомил меня с обстановкой на юге Африки и подробно — в Мозамбике. Сказал: «Обстановка очень сложная, там идет гражданская война».

Затем мы пошли к начальнику генерального штаба — маршалу Огаркову. Он положил на стол карту юга Африки, подробно изложил обстановку и сказал: «Главная ваша задача — срочно приступить к созданию национальных вооруженных сил и разбить банды «Мозамбикского национального сопротивления». Рассказал подробно, что это за банды и откуда они взялись, как воюют и кто ими командует. «Мы сейчас с вами направляем туда 24 наших специалиста-офицера для организации учебного центра, где будут готовить командиров отделений танков, орудий, минометов. Два танкера на подходе к порту Мозамбика Лоренсу-Маркиш (Мапуту). Один наш — с техникой и оружием для учебного центра, а второй — ГДР — на борту 30 танков «Т-34» для формирования первого танкового батальона. Структуру новых вооруженных сил Мозамбика мы вам не даем, разберетесь там, на месте и определите сами с их командованием».

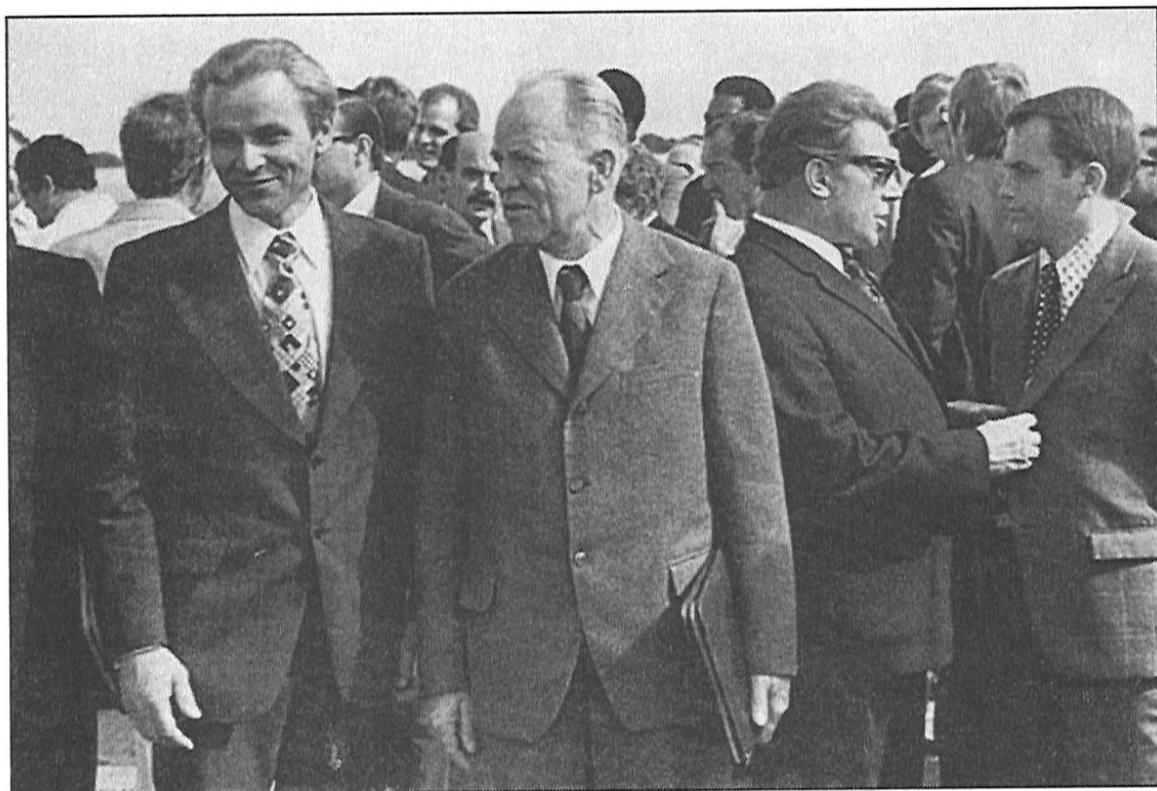
Я сказал: — Вопросов нет, мне все понятно. — Тогда идемте к министру обороны. — Маршал Советского Союза Устинов встретил нас в кабинете, пожал руки и пригласил сесть. Огарков ему сказал, что все задачи поставлены, осталось только их выполнение. Устинов одобрил и добавил, обращаясь ко мне: — Имейте в виду, что от Анголы и до Адена нашему флоту негде причалить, заправиться и отдохнуть экипажу.

Маршал Л. С. Соколов осматривает построенные хранилища для танков.

Так что прорыв на юг Африки — задача для нас важная, и вам ее решать в Мозамбике. Если в темпе вам не удастся создать их национальную армию и разгромить всякого рода банды, то там дело может кончиться плохо. Желаю успеха. — Я ему сказал, что задача ясна, и мы ее решим как надо. Я спустился в подвал вместе с группой, там нас переодели в гражданские костюмы и пальто. Военную форму повесили в шкафы. На другой день рейсовым самолетом вылетели в Мапуту — столицу Мозамбика.

Команду для учебного центра возглавлял подполковник Н.И. Полев. Мы с ним во время полета обговаривали, как лучше начать на месте нашу очень сложную работу. 12 ноября 1976 г. в Мапуту в аэропорту меня встречал министр обороны МНР Альберто Чипонде. Он тепло, даже с радостью нас встретил и сказал: — Добро пожаловать, мы вас уже давно ждем. Кроме того, у нас проблема: третий день на рейде стоят два корабля — ваш и ГДР, ждут команды, в какой порт им зайти для разгрузки боевой техники. Нам передали, что вы прилетите и все решите. Я ему: — Это мы сейчас решим вместе с вами. — В это время ко

Проверяющие из группы маршала Л. С. Соколова.

мне подошел человек и представился: «Я — Глухов Аркадий Михайлович, первый заместитель Советского посла, посол вас ждет». Я его поблагодарил и сказал: — Не знаю, как мне теперь поступить.

Меня встретил министр обороны и сразу оповестил о проблеме, которую немедленно мы должны решить. Глухов: — Добро, когда освободитесь, приезжайте в посольство. — Я министру обороны представил подполковника Полева Н.И. и сказал, что он прибыл с группой советских военных специалистов для организации учебного центра, поэтому их надо где-то устроить, а мы едем в генеральный штаб. Перед воротами Генштаба к министру обороны Чипонде подбежал военный и доложил, что нас ждет президент. Его дворец рядом. Красивая девушка провела нас в кабинет Саморы Мошела. Я представился. Он спрашивал, я отвечал. Затем он поинтересовался: — Дженерал Алексей, куда будем направлять корабли с танками? (так меня здесь называли). Я ответил: — Наш корабль везет технику и оружие для организации учебного цен-

тра по подготовке младших специалистов. Со мной прибыла группа для этого учебного центра и решения этой задачи. Мы должны подумать, где разместить этот учебный центр и сразу назначить его начальника, желательно из тех, кто учился в Советском Союзе, и по возможности, подальше от тех мест, где идут боевые действия. Предложили порт Накала на севере страны с хорошим военным аэродромом. Все вопросы обговорили, решено. – Теперь нужно дать команду капитану транспорта – выгрузка в порту Накала. А завтра утром рейсовым самолетом туда вылетает группа подполковника Полева с вашим начальником учебного центра, там встретят и разгрузят транспорт и начнут работу.

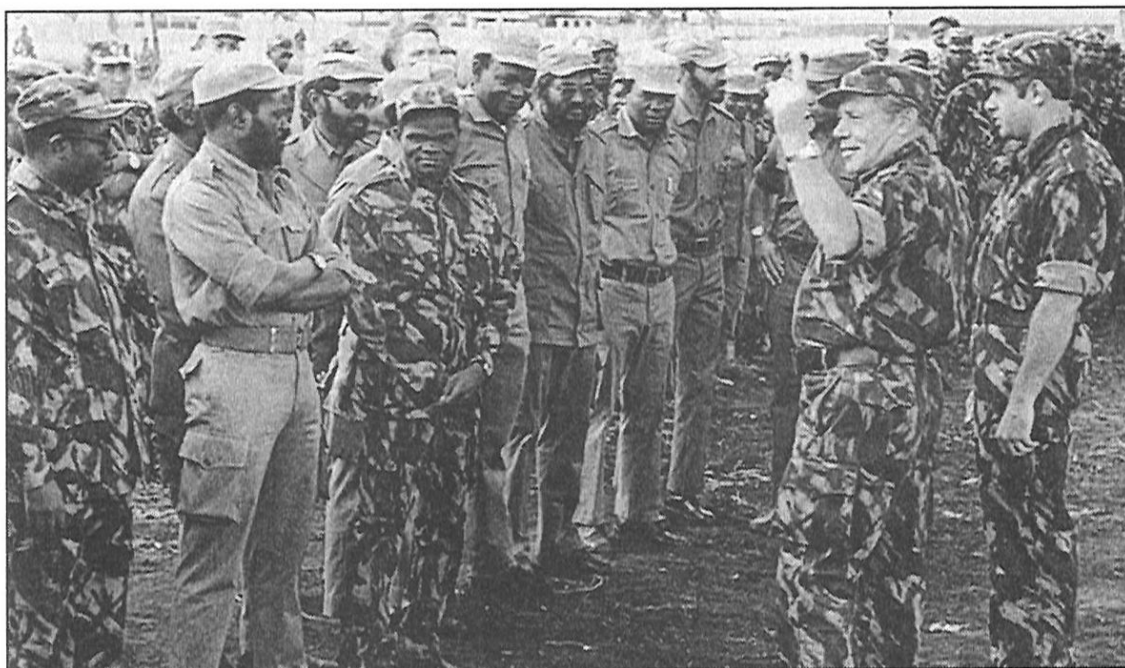
Корабль ГДР с танками я предложил выгрузить здесь, в порту столицы и сосредоточить их в военном городке Боане, который назвал министр обороны. Он находится в 16 км от Мапуту. Отличный военный городок, и как только подготовим первые танковые экипажи, сразу же сформируем первый танковый батальон для охраны и обороны столицы. Президент хлопнул ладонью меня по плечу и сказал: – Отлично. А затем министру обороны: – Хорошо разместите и позаботьтесь о советских товарищах. – А затем предложил мне и переводчику капитану Васильчикову В.А. выпить виски и перекусить. Я его поблагодарил и сказал, что мы сыты, нас в самолете хорошо покормили, да и спиртное мы не употребляем. Он посмотрел на меня удивленно, я извинился, а он: – Это хорошо. И тут же обратился к министру обороны: – На завтра приказ: решительно запретить пьянство в наших боевых отрядах. Прощаясь с ним, я сказал, что завтра готов буду доложить о структуре новой армии Мозамбика. Договорились на 10 часов утра 15 декабря 1976 года. И мы уехали в дом, где жил португальский генерал. Это был двухэтажный особняк со старой и драной мебелью, на полу – потертые серые ковры. На кухне – шкаф, в нем – виски, коньяк и закуски. И повар в чистом белом халате. Я Чипонде сказал, что я здесь буду жить вместе с переводчиком, и мы оба

спиртное не употребляем. Поэтому прошу вас все это отсюда убрать. Министр повару: — Уберите и больше сюда не ставьте.

А потом нам с Володей рассказал, что «У нас и сейчас еще есть китайцы в партизанских отрядах, и когда они узнали о нашем военном сотрудничестве с Советским Союзом, то сказали: — Лучше надо было договариваться с другими странами о военной помощи, чем с этими русскими. Они будут здесь только пьянствовать и насиловать ваших красивых мозамбиканок». Но мы им не верим, мы знаем, что они на вас клеветают», — закончил министр и уехал.

На второй день на мой доклад к 10 часам прибыли все члены политбюро, кроме военных и Саморы Машел. Структура вооруженных сил была четко мною доложена, активно обсуждалась, и президент утвердил ее. Я в заключение сказал, что сейчас нужно приложить все усилия, чтобы в ближайшие 4–5 месяцев на учебном центре подготовить младших специалистов, собрать офицеров и сформировать 2 мотострелковые и одну танковую бригады. На них по указанному штату на учебном центре и предусмотрены специалисты, а из Советского Союза поступят техника и вооружение. Решили срок обучения на учебном центре — 5 месяцев, а затем будем вносить коррективы, в зависимости от обстановки.

Освободившись, я поехал в Советское посольство. Посол Петр Никитич Евсюков был на своем месте. Я зашел и представился. Он принял меня холодно и даже с недовольством. Я на это не обращал внимания, но извинился, что сразу вчера не смог к нему прибыть, и рассказал, что за это время я уже сделал с местным руководством. Он подобрел. По моей просьбе он подробно изложил военно-политическую обстановку в Мозамбике и регионе. Я понял, что о военном положении в стране он знает, имеет общее представление, и пообещал ему: как только вникну в дела, все изучу подробно, чтобы принимать нужное решение, то доложу ему, если он не возражает. — Какое возражение? Я буду вам очень благодарен, Алексей Кон-

На занятиях с военным руководством ВС Мозамбика.

стантинович, — сказал посол. В дальнейшем мы все время дружно работали на благо нашей Родины. Хотя известно, что в большинстве случаев посол и главный военный советник в стране пребывания не только не работали дружно, но чаще и враждовали. Были случаи, когда Москва отзывала обоих. Посольству была дана команда из Москвы выделить комнату для моего шифровальщика с его аппаратурой, и Петр Никитич тут же все устроил. Я каждую неделю отправлял в Москву донесение через своего шифровальщика, заходил к послу, информировал его, о чем я доложил в Министерство обороны. Он со мной делился теми данными, которыми я не располагал. И в Москву в Министерство обороны и Министерство иностранных дел шла информация с юга Африки согласованно, без всяких противоречий. В последующем нашу согласованную работу заметили и на общем совещании главных советников в Москве ставили другим в пример.

Как-то ко мне заехал министр обороны и сказал: — Нас ждет Самора Машел. Поехали. Он нас встретил, и сказал мне: — Дженерал Алексей, мы пригласили вас, чтобы показать вам кинофильм о том, что у нас

творится. И показали этот ужас. Идет автобус по шоссе Мапуту-Бейра. Из засады бандиты бьют по автобусу из РПГ. Взрыв, как правило, передней части. Вытаскивают из автобуса живых пассажиров. Все у них забирают. Женщин раздевают догола, тут же их насилуют, а затем расстреливают всех. И с трофеями уходят. В деревнях, в магазинах расстреливают продавцов. Если это женщины, то делают с ними то же самое, забирают продукты, нужный товар и уходят. И так далее. Особенно этот разбой чинят в районе горы Горонгоза, которая стоит в самом узком месте Мозамбика на узле дорог, идущих из Бейра в Шимою, в южную Родезию. С востока на запад — 164 км. Другая дорога, пересекая ее, идет с юга на север вдоль индийского океана. Вокруг горы Горонгоза тоже расходящиеся в стороны дороги, и все это представляет очень сложный узел дорог, где наибольшее движение машин в Мозамбике. Горонгозу оседлали банды. На самой вершине горы у них штаб. Вертолетная площадка. Они взлетают и через несколько минут садятся на гору в южной Родезии примерно на такой же высоте. Внизу все дороги под их контролем.

Практически страна перерезана пополам. Южные и северные ее провинции сообщаются только морем и по воздуху. Поэтому организованный ими учебный центр в Накала сразу оказался изолированным от столицы, а значит и от нашего воздействия. Попасть туда можно только рейсовым самолетом их гражданской компании. Поэтому, как только бывшие хозяева узнают, что на этих самолетах летают советские военные специалисты, эти самолеты начнут падать.

Обсудив все эти проблемы, я доложил своему непосредственному начальнику маршалу Н.В. Огаркову (это был прекрасный начальник Генерального штаба Советской армии) и попросил его о направлении в мое распоряжение самолета и вертолета. Через некоторое время я получил эти транспортные средства с нашими экипажами.

Одновременно маршал Огарков распорядился и мне перечислили деньги на машину, чтобы я имел воз-

возможность передвигаться на своем транспорте. Но шофера дало министерство НРМ. В самолете «АН-26» помещалась машина, были стол и диван. Этот самолет стал моим надежным средством передвижения по стране. А в операциях еще и командным пунктом. Был и вертолет «МИ-8». Одновременно наш посол П.Н. Евсюков вышел на Советское правительство с просьбой продать или в долг дать президенту Мозамбика Саморе Машел транспортный самолет. И вскоре тот получил «ТУ-154». У нас резко улучшилась обстановка управления страной и вновь создаваемыми вооруженными силами. Экипаж на «ТУ-154» был советский. Они хорошо устроили наших летчиков, и те нормально решали задачи, которые им ставили.

В начале января 1977 года был назначен день открытия учебного центра в Накала. В учебном центре приземлились на военном португальском аэродроме и сразу оказались в ангарах, в помещениях, в которых уже были оборудованы классы. Закончили набор призывников и формирование учебных групп. Президент, министр обороны и я обошли весь учебный центр. Рядом со взлетной полосой было определено место для танкодрома, а чуть дальше и стрельбище. После осмотра учебно-материальной базы начальник учебного центра Кида (учился в Перевальном) построил личный состав и под звуки оркестра пошел на встречу президенту, доложил, что для торжественного открытия учебного центра личный состав построен. Самора Машел обошел весь строй, внимательно смотрел на новобранцев, задавал вопросы. Затем вышли на трибуну, и он произнес речь. Говорил о том, что они являются началом создания новой армии республики. Рассказал, какая это будет армия и каковы ее задачи. Говорил, что она создается при помощи дружественного им Советского Союза. Поблагодарил наших военных специалистов учебного центра, которые очень много сделали за такое короткое время. Выступил начальник учебного центра – майор Кида. Прошли торжественным маршем мимо трибуны. Все были в приподнятом настроении.

Военные советники командного училища в Мозамбике. 1978 г.

Мы знали, что в строю стоят ребята, которые никогда не имели дела с боевой техникой. И несмотря на это, с первых же дней учебы механики-водители танков с жадностью все усваивали, чему их учили наши специалисты. Они как проголодавшиеся набросились на «Т-34», утоляя свой интерес. И когда мне об этом доложили, все мои беспокойства исчезли. Стало ясно, что танки поведут и стрелять из пушек будут.

В целом мозамбиканцы – честный и гордый народ, не унывающий, доброжелательный и сообразительный. Мы это учитывали, работая с ними. Они к советским специалистам относились отлично. Все наши рекомендации, советы воспринимали доброжелательно и даже с какой-то благодарностью. На занятиях всегда были внимательны; старались, как можно больше получить знаний, не скрывая, говорили: «Мы в вас очень нуждаемся».

У меня с президентом с первого дня пребывания в НРМ сложились хорошие деловые отношения. Я с

ним встречался тогда, когда мне нужно было, когда министр обороны не мог решить какой-то вопрос. Запрос на встречу с президентом я делал через министра обороны. Я ему звонил, он докладывал тут же президенту. Время встречи всегда назначал я. Был и такой случай: Самора Машел проводил в своем дворце совещание со всеми губернаторами провинций Мозамбика. Чипонде ему доложил, что генерал Алексей просит встречи. Самора Машел спросил: – Когда? Чипонде: – Сейчас. Президент объявляет перерыв, потому что к нему сейчас прибудет генерал Алексей. При встрече (а они были несколько раз в месяц) я ему докладывал ход строительства вооруженных сил и перспективы. Рассказывал, у кого дела идут хорошо, а кто тормозит, безответственно относится к выполнению тех планов, которые президент утвердил, о проблемах материально-технического обеспечения молодой армии. Докладывал о подготовке и расстановке военных кадров, о плане новой операции по разгрому банд или отражению очередной агрессивной акции со стороны Южной Родезии. И обязательно один, а иногда и два раза в месяц вел с ним занятия по истории Великой Отечественной войны. Он к этим занятиям относился очень серьезно. Самора Машел всегда очень бурно реагировал на мои критические замечания, и тут же старался исправить неполадки: отдавал распоряжение по телефону или вызывал к себе виновника. Командиры войск заметили эту поддержку, поэтому, когда я появлялся в войсках, мои советы и рекомендации старались выполнять добросовестно, тут же, ибо они знали, что о каждой проволочке мною будет доложено главнокомандующему, и им придется отчитываться.

Подобные взаимоотношения с местным военным и политическим руководством устраивали всех. Мой авторитет был на высоте. В 1978 году в Мозамбик прилетел маршал С.Л. Соколов с группой офицеров и генералов для проверки нашей работы по созданию ВС и борьбе с бандами МНС. Изучая положение в стране и обстановку на юге Африки, Соколов мне сказал: «Ну,

*Идут освободители народов Мозамбика от колониального рабства.
На первом плане: советские и кубинские военные специалисты.*

ты молодец, местное руководство довольно вашей работой, а Самора Машел просто влюблен в тебя».

Однажды мы с президентом летели на его «Ту-134» и он сказал: «Я знаю, что вы — участник вашей Великой Отечественной войны, не могли бы вы что-нибудь рассказать об этой войне?». Я положил на столик листок бумаги, взял ручку и обозначил Москву. По памяти изложил оборону Москвы и действия немецко-фашистских войск, наступавших на Москву. А затем переход наших войск в контрнаступление и полный разгром главной немецкой группы войск. Хорошо показал роль маршала Жукова. Он это звание получил за оборону Москвы. Мой рассказ внимательно слушали бывшие здесь министр обороны А. Чипонде и политкомиссар Гебуза. Они были удивлены тем, что я рассказывал обо всем без конспекта.

После этого Самора Машел спросил меня, не мог бы я еще рассказать о подобных битвах Советской Армии не в самолете, а в другой обстановке. Я его попросил подготовить класс с доской и мелом. Все было сделано, и по его плану я добросовестно проводил подобные занятия. Мы с ним проштудировали все обо-

*Полевые занятия с командирами во время пребывания маршала
Л. С. Соколова. 1978 г.*

ронительные и наступательные операции ВОВ, начиная с начала войны — июня 1941 года и кончая разгромом японской квантунской армии в августе 1945 года в Манчжурии. Кроме того, и нормандскую операцию наших союзников во Франции в июне 1944 года. При этом были вопросы и ответы, высказывались личные мнения, особенно восхищались действиями и мощью советской армии при освобождении Европы от фашистского порабощения, взятии Берлина.

Часто присутствовали и члены политбюро, министры, начальник Генштаба и политкомиссар. Одновременно мы планировали, готовили и проводили операции по разгрому банд МНС. План, как правило, я с министром обороны докладывал, С. Машел утверждал. Мы провели 14 таких операций, после которых я делал подробный разбор, показывая положительные и отрицательные стороны и меры по их устранению. Могу с уверенностью сказать, что такой метод нашей работы значительно повысил тактико-оперативный уровень высшего военного руководства страны. Мы стали лучше понимать друг друга. Самора Машел в своих выступлениях перед военными часто стал упо-

треблять военные термины. Все это привело к тому, что президент не собирался отпустить меня из Мозамбика через два года. Он маршалу Устинову сказал, что генерала Алексея замените только по моему решению.

К концу апреля 1977 года в порт Бейра наши транспорты доставили боевую технику и вооружение с боеприпасами для формирования новых частей, в том числе дивизиона «БМ-24» («катюши»). Мы все разгрузили, поставили в укрытие и организовали надежную охрану. На учебном центре в Накала дела шли неплохо. Подполковник Полев оказался хорошим организатором и методистом. Он доложил мне, что если обстановка требует, то к концу апреля можем сделать выпуск. Так и поступили. Выпуск торжественно провели министр обороны и комиссар. И мы сразу начали формировать две мотострелковые бригады в районе Бейра и одну танковую в районе Мапуту. В это время в этом районе обстановка обострилась.

В Южной Родезии, видимо, узнали о нашей работе и запустили несколько групп бандитов. Они перекрывали дороги, устраивали засады, убивали местных жителей, грабили населенные пункты, угоняли скот. Авиация Южной Родезии нанесла ряд ударов по базам патриотов Р. Мугабе, которые базировались на территории Мозамбика. И мы решили учение вновь формируемых мотопехотных бригад и их подразделений проводить не на полигоне, а готовить и провести боевую операцию по освобождению горы Горонгоза, тем более мы в этот район уже все подтягивали. Пока шло формирование подразделений МП бригад, мы спланировали операцию. Самора Машел план утвердил. И мы с министром обороны на вертолете вылетели в г. Бейру. Командиром 3-й МПБР был назначен подполковник Алейшу (он дважды учился у нас: первый раз в Перевальном, а второй – в академии имени Фрунзе и прибыл перед этим из Советского Союза). Третью мотопехотную бригаду поставили в городе Шимою на границе с Южной Родезией. Тут было самое слабое место. Подполковник Алейшу оказался коман-

Генерал А. К. Черевко проводит показное занятие по тактике танкового батальона. 1978 г.

диром с хорошими организаторскими способностями. Был уверен в своих действиях, настойчив в достижении цели.

5-ю МПБР возглавлял тоже опытный командир, воевавший в партизанском отряде. Мы с министром собрали командование этих двух бригад с нашими советниками и специалистами. Заняли отдельный дом, организовали надежную охрану и в течение целого дня готовили проведение этой операции. Каждый командир роты, батальона и, конечно, бригады знал свой маневр. Занимались на картах и на ящике с песком. Мотопехотная бригада в своем составе имела три мотопехотных батальона на БТР или на автомашинах, один танковый батальон (21 танк), артбатарею (76-мм пушка). Минометная батарея – 120-мм, зенитная батарея – 37-мм, рота разведки, рота связи. Это была сильная в огневом отношении и маневренная организация. План действия был прост: 3-я МПБР с утра вышла к южно-родезийской границе, и там, в районе

*Политкомиссар вооруженных сил НРМ,
член политбюро «Фрелимо» Гебуза.*

Шимою, одним мотострелковым батальоном с танковой ротой устроили заслон: перекрыли дорогу с южной Родезии в сторону горы Горонгоза – Бейра. Один батальон растянули вдоль дороги из Шимою к горе, другой батальон перекрыл дороги, идущие к горе Горонгоза с юга на север. Пятая МПБР со стороны Бейра штурмовала гору мотопехотными батальонами. Танки – у основания горы, пушки – в сторону горы. Пушечная и минометная батареи получили свою задачу. Гора по размерам огромная. Но вся она сразу была накрыта огнем из пушек, в том числе и танковых. Минометы вели огонь по вершине. Мы с А. Чипонде на вертолете поднялись, и по радио он дал команду «Вперед!». Мотопехота начала подниматься на гору. С горы открыли огонь из пулеметов и автоматов, но не сильный. С вершины поднялся вертолет и полетел в сторону Южной Родезии. На полпути к Шимою он был сбит. Как потом стало известно, в нем погиб командир, которому подчинялись банды, находящиеся в этом районе. Мы с министром наблюдали такую картину: после нашего огневого налета с вершины горы

побежали человек 100, группа неорганизованных наемников. И по ним никто не стрелял. А. Чипонде по радио отдавал команды... Группа эта уже начала спускаться к основанию горы, но тут из танка, на который она двигалась, из пушки и из пулемета был открыт огонь. Поддержали его и другие танки. Это был расстрел. Под гору из бандитов никто не спустился. К исходу дня все было закончено. Гора свободно дымилась до утра. С утра подразделения бригад перекрыли все дороги, идущие к горе, продолжая военные действия, освобождая эту провинцию от банд. Это была первая победа новой республиканской армии. Затем третью мотопехотную бригаду на постоянную дислокацию поставили в Шамою, на границе с Южной Родезией. А пятую мотопехотную бригаду – в город Бейра. И эту провинцию Маника они надежно контролировали, постоянно ведя боевые действия с бандами, которые прорывались в эти районы.

Банды МНС на одном месте не сидели, вели маневренную войну. Мы вернулись в столицу. Самора Машел, как всегда, пригласил членов политбюро и военное руководство. Я предложил А. Чипонде сделать разбор операции. Самора Машел: Дженерал Алексей, прошу вас, а Альберта потом». Я подробно изложил замысел, ход боевых действий, сделал выводы, подвел итоги и сказал, что делать дальше. Радио Мозамбика вело постоянно передачи о разгроме банд и освобождении провинций. Настроение у всех изменилось в лучшую сторону. Самора Машел просто стал неузнаваем, радуясь этим событиям. Я предложил найти тот экипаж танка, который блестяще расстрелял группу бандитов, и отметить его. А в республике следует ввести правительственные награды, ордена и медали.

Многие считали, что мозамбикцев обучить вождению танков и стрельбе из пушек невозможно. Особенно старались китайские специалисты, доказывая, что для Мозамбика удел – партизанская армия, а не регулярная. Плохо отзывались обо мне и наших советских специалистах.

Как-то полковник Иванченко, советник при политкомиссаре Гебуза, сказал мне, что, несмотря на то, что Гебуза к китайцам относится нормально, но в споре с ними о советских советниках защищал нас. И что Самора Машел приказал ему написать отзывы о советских и китайских военных специалистах. Прошло какое-то время и Иванченко принес мне 3 листочка, в которых были отзывы на главного военного советника, то есть на меня. На советника начальника Генштаба полковника Перевозчикова и на своего советника полковника Иванченко. Отзывы положительные. Я осмелюсь огласить:

«Товарищ Алексей (Черевко А.К.) – человек с высокой политической и военной эрудицией. Прошел курс по вопросам дипломатии и международной юриспруденции. Обладает высокой выдержкой и тактом. Свободно ориентируется в военно-политической обстановке на юге Африки, и тесно увязывает все предложения по строительству армии. Настойчивый и энергичный, смотрит внушительно и подчиняет аудиторию беседчиков своему влиянию. Авторитет среди нас не подлежит сомнению. Своей волей всегда добьется решений. Интересен в политической дискуссии. Вклад т. Алексея в национально-освободительные силы Мозамбика трудно оценить. Нетерпелив к медлительности, резкий к неисполнительности».

Политкомиссар Республики Гебуза.

Вот так они меня оценили через 8 месяцев работы. Понятно, что Иванченко добыл эти сведения без ведома Гебузы. И когда я был осведомлен об их мнении о нас, то почувствовал себя увереннее. Значит мы действуем так, как они ожидали.

В конце 1978 года, согласно плану, мы начали работы по созданию пограничных войск. Без надежного прикрытия границы мы не могли рассчитывать на успешное уничтожение банд на территории Мозамбика. Для этого прибыли советники и специалисты: советник при начальнике штаба погранвойск – полковник погранвойск Петров П.П., советник при политкомиссаре полковник погранвойск Колесников Н.И., со-

ветник начальника тыла погранвойск – майор Антох Г.С. Образованные, опытные офицеры-пограничники. Министр обороны мне сказал, что они уже назначили командование погранвойсками. Мы с ними встретились, я представил своих товарищей, Петрова назначил старшим этой группы. В течение дня мы с министром обороны и пограничниками разобрали, что, где и как надо делать. И работа пошла. Погранвойска входили в Министерство обороны НРМ.

В январе 1979 года прибыл советник при командующем погранвойсками – генерал-майор Заболотный Р.М., года на три старше меня. Я его разместил в хорошей квартире. Представил министру обороны. Дня три занимался с ним изучением военно-политической обстановки на юге Африки и в стране. Вместе с товарищами, а они уже вошли в курс дела, проштудировали границу Мозамбика и план создания погранвойск. И пожелал ему успеха. Но вместо того, чтобы включиться в работу по выполнению поставленной задачи, которой и местное руководство придавало особое значение, Заболотный Р.М. решил отделить советников при погранвойсках от аппарата главного военного советника и создать свой аппарат. Он постоянно противопоставлял свою группу советникам ГВС, постоянно охаивал их деятельность, связанную с прикрытием госграницы войсками, не считаясь с общей обстановкой. В связи с этим в центр последовало много различных донесений и докладов, в которых он обосновывал необходимость создания самостоятельного аппарата с соответствующим штабом и транспортом. Об этом стало известно мне. Я пригласил его и потребовал прекратить всякую самодеятельность, а делать то, для чего он сюда прибыл. Он пообещал. Я сразу взял его работу под контроль. Выяснилось, что он занимается устройством своего особняка. Для этого привел советника при начальнике тыла погранвойск майора Антох Г.С. По его докладу, генерал-майор Заболотный Р.М. составил план ремонта квартиры и перечень предстоящих работ:

1. Заменить старые ковровые покрытия полов на новые.

2. Произвести окраску дверей, окон, стен и потолков.

3. Облицевать плиткой кухню и т.д.

Всего 14 работ. Далее план мебелировки:

1. В гостиную – два гарнитура на 12 посадочных мест.

2. В спальню – гарнитур.

3. В столовую – овальный стол, 12 стульев, бар, всего 10 работ.

В сумме 24 работы.

Майор Антох доложил об этом начальнику тыла погранвойск. Когда посчитали расходы, получилось 850 тыс. эскудо. Они встретились с Заболотным, попросили извинить их, но сказали, что у них таких денег нет. – Кое-что, по мелочи, сделаем. Он им в ответ: – Я очень скромный и неприхотливый человек, и прошу самый минимум для нормальной жизни. Когда в квартире вся мебель была установлена, Заболотный Р.М. пригласил майора Антох и потребовал заменить гостинный гарнитур, купленный за большие деньги, потому что его темный цвет не совсем гармонирует с остальной мебелью. Майор отказался. Тогда Заболотный Р.М. встретился с командующим погранвойсками и тот дал команду заменить. Через два дня два гарнитура в гостинице заменили на цветные. Когда мне это все стало известно, я пригласил генерала и спросил: – Почему вы не занимаетесь погранвойсками? Не слишком ли много вы занимаетесь собой? А потом сказал, что я тоже живу в таком же двухэтажном особняке, и у меня тоже ковровые покрытия на полу истерты, и я сижу на драном диване и меня это устраивает. Я за все время пребывания в НРМ ни одного эскудо не вложил в устройство этой квартиры. Потому что у них для этого нет денег. Мне министр обороны предлагал кое-что заменить, я отказался. – Почему вы, товарищ генерал, заставляете работать все местное руководство, тратить такие огромные деньги на вашу персону? Мы же – советские генералы и прибыли сюда по их просьбе, чтобы помочь решить вопросы независимости их государства. А вы столько

времени находясь здесь, еще ничего не сделали в этом плане. Прекратите всю эту позорную возню и займитесь делом!

После этого моего законного требования Заболотный написал донос своему начальству в Москву о том, что главный военный советник предъявляет к нему требования по работе, выходящие за рамки его обязанностей, что он плохо заботится о бытовых условиях советских военных специалистов и советников, и т.д. Об этом сразу же было доложено начальнику Генштаба маршалу Огаркову Н.В.. Получаю шифровку: доложите о действиях генерал-майора Заболотного Р.М. Я доложил. Получаю распоряжение: «Заболотного Р.М. очередным рейсовым самолетом отправьте в Москву, маршал Огарков». Я исполнил. Поручил полковнику Петрову исполнять обязанности советника при командующем погранвойсками. И дело пошло. Ему хорошо помогал полковник Колесников Н.И. Все с облегчением вздохнули. И я более плотно занялся пограничниками. У нас до этого на границе были перекрыты войсковыми подразделениями только дороги, а теперь по всем правилам граница перекрывалась, и проникновение наемников-террористов из ЮАР и Южной Родезии стало затруднительным.

После освобождения горы Горонгоза китайцы группами из 3–4 человек с фотоаппаратом стали появляться около моего дома. А американцы по радио закричали: «Русские развязали братоубийственную войну в Мозамбике». Хотя они первыми ее развязали, они первыми начали организовывать в НРМ банды наемников-террористов, которые имели целью свержение существующего режима и превращение Мозамбика, сбросившего с себя иго португальской колонизации, в американскую колонию. А мы им помешали. Причем они внутри Мозамбика действовали как враги, а мы — как друзья, прибывшие по просьбе этого измученного народа.

К концу 1977 года были сформированы еще три мотопехотные и одна танковая бригады. Первую и вторую поставили против ЮАР и Южной Родезии на

юге Мозамбика. Четвертую мотопехотную бригаду – на севере, против Южной Родезии в городе Тете. А танковую бригаду – в военном городке Боане.

При формировании этих частей возникли серьезные трудности в комплектовании подразделений командирами взводов и рот, батарей и специальных подразделений. Командиры бригад, батальонов учились и учатся в Советском Союзе. А со звеном ниже – проблема. Из Москвы, конечно, не возражали готовить и этих командиров у нас, однако при этом было много «но». Я лично сразу был против этого, потому что много придется платить, да и другие проблемы не в нашу пользу. Поэтому я, обсуждая этот вопрос с Саморой Машел, предложил ему идею – командиров рот, взводов готовить на месте. Для этого создать военное училище с трехгодичным сроком обучения. А из Советского Союза направить преподавателей на все циклы. Таким образом будем на месте готовить для армии командные кадры и преподавателей для этого училища. А через три года наши преподаватели уедут домой, а ваши сами будут решать эти проблемы. Самора Машел хлопнул, как сейчас помню, ладонями над своей головой и решительно одобрил. Я доложил маршалу Огаркову Н.В., что принято решение о создании военного училища на месте. Там облегченно вздохнули и сообщили: «Ваше решение одобряется».

2 октября 1978 года в городе Нампула, недалеко от города Накала, где расположен наш учебный центр, разместили военное командное училище. Из Советского Союза прибыла группа преподавателей для первого курса. На открытии училища было все руководство страны. С речью выступил Самора Машел: «Дорогие товарищи, сегодня мы открываем военное училище. Это первое училище на университетском уровне, которое будет готовить командные кадры для наших Вооруженных сил. Эти командиры будут иметь основной задачей непоколебимую защиту завоеваний мозамбикского народа на современном этапе строительства социалистического общества. Поэтому курсанты, которые сегодня начинают учебу, должны быть

представителями трудящегося класса, детьми рабочих и крестьян нашей Родины. Это военное училище располагается в Нампуле. Именно здесь португальский колониализм, лакеи мирового империализма, расположили главный штаб своей армии для ведения агрессивных действий против народов Мозамбика. Здесь планировались убийства, отсюда отправлялись самолеты, которые несли разрушения и смерть, отсюда отправлялись «коммандос», применяющие тактику геноцида по отношению к нашему населению. Отсюда засылались убийцы и шпионы. Размещение здесь училища стало возможным благодаря героизму лучших сынов нашей Родины, которые в течение десяти славных лет вооруженной борьбы проливали свою кровь, отдавали свои жизни, свою молодость за победу революции. Мы чествуем сегодня этих героев.

Дорогие товарищи, это училище – плод нашего роста и новых требований на современном этапе, когда враги нашей революции вооружаются наиболее современным оружием. Необходимо чтобы и мы могли владеть современной военной техникой и наукой. Военная наука и искусство, которые мы будем изучать в этом училище, – плод вековой борьбы народов всего мира. Народ Мозамбика тоже внес свой ценный вклад в историю войн сопротивления. Мы должны глубоко изучать патриотические, революционные войны других народов, которые служили нам источником вдохновения и опыта во время борьбы за национальную независимость. Этот наш опыт, этот наш вклад в дело мира и прогресса должен обязательно стать объектом глубочайшего изучения и исследования преподавателей и курсантов училища.

Дорогие товарищи! Одно из основных измерений нашей политической линии – пролетарский интернационализм. Именно он привел нас к необходимости направлять наши командные кадры учиться в школы и академии дружественных стран, именно он оправдывает присутствие товарищей из дружественных армий в нашем военном училище.

Дорогие товарищи! Мы хотим с особой любовью поприветствовать советских товарищей, наших братьев по оружию, которые самоотверженно работают, создавая это училище. Они находятся в Мозамбике при исполнении своего пролетарского интернационального долга, так как рассматривают защиту Мозамбикской революции как защиту своей собственной Советской революции. Они приехали из своей страны, оставив вдалеке своих родных и близких, комфорт родной земли, чтобы помочь созданию братской армии. В контакте с ними мы осознаем ценность их уроков. Это уроки науки, компетенции, преданности, духа тяжелого труда, желание передать свои знания и способность требовать выполнения всех норм. Мы приветствуем советских товарищей, и желаем, чтобы они и дальше продолжали так же доблестно представлять партию и вооруженные силы Советского Союза. Мы приветствуем командование училища и хотим, чтобы они продолжали нашу традицию скромности и умения учиться и учить курсантов. Только путем изучения можно руководить. Мы доверяем им славное знамя нашей победы, обучения и борьбы. Пусть народ будет всегда источником нашего вдохновения.

Да здравствует «Фрелимо»! Авангардная партия социалистической Революции!

Да здравствует народ Мозамбика!

Да здравствуют народные силы освобождения Мозамбика, вооруженная опора мозамбикского народа!

Да здравствует пролетарский интернационализм!
Революция победит!

Социализм восторжествует!

Борьба продолжается!».

Открытие военного училища в Мозамбике сразу же вызвало соответствующую реакцию у ее врагов. Командующий войсками Южной Родезии в то время генерал-лейтенант Питер Оулс, после того как мы сформировали 2 МПБР и поставили ее на границу с Южной Родезией в городе Мапай — решил ее уничтожить. Она им мешала, так как перекрывала главную магистраль, идущую из Мапай прямо на Мапуту, столицу НРМ.

В сентябре – октябре 1979 года этот генерал хорошо спланировал и начал операцию по ликвидации 2-й МПБР, а 13 военных советских специалистов, работающих в этой бригаде, увезти в Солсбери.

Целую неделю расисты бомбили объекты этой бригады. Разбили радиолокационную станцию, радиоузел, подавили артиллерию и начали высадку десанта из вертолетов. Бригада при помощи наших специалистов заняла оборонительные позиции и приготoвилась к отражению нападения.

Во время подхода вертолетных колонн к городу Мапай 2 солдата из подразделения, находящегося в боевом охранении, из РПГ-7 сбили второй вертолет одной из колонн, и он взорвался. Оказывается, это был командный пункт, с которого заместитель генерал-лейтенанта П. Оулса руководил этой высадкой.

Поэтому высадку десанта произвела только вторая колонна, идущая вдоль р. Лимпопо. Она атаковала только с юга и с запада, и была разгромлена силами бригады при активной помощи советских специалистов.

Расисты потеряли 5 высших чинов родезийской армии, два вертолета, три самолета, штаб руководства и более 100 наемников. Пять дней в Солсбери стоял колокольный звон.

Об этих событиях я доложил маршалу Огаркову. На второй день получил шифровку, в которой говорилось, что в связи с осложнением обстановки в районе столицы Мозамбика к нам в порт Мапуту войдет эскадра Тихоокеанского флота под командованием контрадмирала Варганова В.Ф. Просил встретить.

24 февраля 1980 года из Южной Родезии в Мапуту прибыл уже известный нам генерал-лейтенант Питер Оулс и с ним начальник безопасности, побитые в районе Мапай. Ян Смит направил генерала в Мозамбик для разведки. Руководство Мозамбика с этим генералом организовало тайную встречу. Его встретили: политкомиссар А. Гебуза и начальник Генштаба Моботе. Вели с ним переговоры.

Контр-адмирал В. Н. Варганов прибыл с эскадрой Тихоокеанского флота в Мозамбик.

П. Оулс, который в течение трех лет уже при нас убивал патриотов Родезии и народ Мозамбика, прибыл в «гости».

Он планировал, организовал и проводил десантные операции против лагерей Зимбабве на территории Мозамбика. Все, что попадалось расистам на глаза, уничтожалось и сжигалось. В бою со второй мотопехотной бригадой в Мапай он потерпел позорное поражение. П. Оулс доказывал, что это все прошлое и его следует закрыть и забыть, что он прибыл в Мозамбик с мирными целями и хочет узнать, как себя поведет мозамбикское руководство, если Роберт Мугабе придет к власти, и если он не придет в Южной Родезии. Он убеждал начальника Генштаба и политкомиссара, что не следует ворошить прошлое, подчеркивал свое миролюбие и призывал к миру и дружбе. Он утверждал, что какое правительство в Южной Родезии к власти ни придет, тому он и будет служить. Вспоминая об операции в Мапай, П. Оулс цинично заявил: — Мы знали, что в Мапай танков нет, и решили разгромить вторую МПБР, но, к сожалению, понесли серьезные потери. Мы потеряли свой штаб и его руководство. Операция провалилась.

Это возмутило Моботе и Гебузу, и они резко напомнили ему обо всех его кровавых делах. Моботе потребовал, чтобы они прекратили гонения на Р. Мугабе и угрозы в его адрес, иначе могут подняться все черные и развязать расистскую резню. При этом сразу в Южной Родезии будут выбиты 250 тыс. белых. Черным терять нечего – они ведут борьбу за свое выживание.

П. Оулс обещал выполнить эти требования. Видно было, что этот визит генерала со своим представителем по безопасности был направлен на заигрывание с руководством Мозамбика, а через него и с Р. Мугабе в случае прихода его к власти. Это пригодится для того, чтобы не остаться без теплого местечка.

На следующий день на рейде Мапуту появились авианосец «Минск» и еще два корабля. Я на своем Ми-8 вылетел, меня с радостью принял командир эскадры «Минск» Варганов Владимир Федорович – молодой красивый морской ас. Доложил мне, что намерен войти в порт, во-первых, чтобы все видели, что это поддержка Народной Республике Мозамбик, а во-вторых, дать людям отдохнуть.

Я ему: – Руководство республики Вас принимает как дорогих гостей.

Зашли, разместились у причалов. Проамериканское руководство ЮАР все видит, и сделало соответствующие выводы. Советник при первой МПБР мне доложил, что вторгшиеся отряды буров из ЮАР были разгромлены. Я ему дал команду: – Ведите первую МПБР к границе в свою полосу и займите оборонительные позиции, а сам занялся гостями. Контрадмирал Варганов – из Владивостока, мой земляк. Мы договорились на борт «Минска» пригласить руководство Мозамбика. Самора Машел с удовольствием принял приглашение и прибыл на борт корабля со всеми членами политбюро. В кают-компании был накрыт стол, и мы там обедали. Когда коснулся вопрос об отдыхе моряков, Самора Машел сказал, что они подадут завтра автобусы и повезут моряков в кооперативы, где они отдохнут. Так и было. Ребята уехали в

кооперативы, где в саду уже были накрыты роскошные столы. Они пообедали, осмотрели хозяйства (типа колхоза), хлопковые поля, сахарный тростник, апельсиновые сады. В отличном настроении они вернулись назад. Мозамбиканцы в этих селениях исключительно радушно встречали наших моряков, благодарили за оказанную военную помощь в борьбе против португальских колонизаторов.

Были еще несколько заходов наших военных кораблей. Все они успешно решали задачи и всегда были желанными гостями Мозамбика.

К этому времени мы во всех провинциях и во всех частях стремились организовать разведку. Главная задача — вовремя определить местонахождение банды и принять меры к ее уничтожению. Были случаи, когда точно определяли район расположения банды. Принимались срочные меры к ее окружению, но банда вовремя исчезала, и никто не мог заметить, в каком направлении она ушла. Случалось, что мы били по пустому месту.

В начале 1978 года в республике появились военно-воздушные силы: бомбардировщики и истребители. Летчики — мозамбиканцы — прибыли после учебы в Советском Союзе. Велли воздушную разведку. И при этом мы не могли развернуть операции по уничтожению банд. Однажды, после разгрома банды в провинции Тете, были взяты в плен несколько наемников, при них была и радиостанция. Они подтвердили, что радиосвязь у них хорошо организована, и управление бандами идет нормально. На вопрос: А что за радиостанции у них? Они ответили: португальские. Я поручил советнику при начальнике Генштаба полковнику Перевозчикову посмотреть, нет ли таких радиостанций в Мозамбике. И отдал ему эту трофейную радиостанцию. Вскоре выяснилось, что в одном из складских помещений Генштаба подобные радиостанции есть. В очередном донесении начальнику Генштаба маршалу Огаркову я доложил об этой находке и попросил для организации радиоразведки направить в мое распоряжение группу радистов с переводчика-

ми. Прибыли радисты, офицеры, прапорщики и переводчики. Мы организовали 3 узла связи: на севере страны, в центре и на юге.

Наша радиоразведка показала, что она прослушивает все радиостанции банд. Изучила их позывные, присвоили им наши номера. Каждое утро данные о перемещении групп докладывались дежурному по аппарату главного военного советника. Маршруты перемещения групп наносились на карту. Я утром прихожу, меня интересует группа под номером таким-то, в таком-то районе: узнаю – позавчера она была здесь, вчера была там, а за ночь перешла вот сюда. Не разглашая эту нашу тайную работу, мы начали планировать во всех бригадах проведение операций. И мы начали их бить. Нацеливались на группу, выводили подразделения в этот район и начинали преследование. Получая информацию от радиоразведки, окружали этот район и громили. От пленных получали хорошую информацию. Бросали листовки с призывом: «Прекратите борьбу на стороне наших врагов, переходите на сторону Республики». Результат был, но не сразу. Были потери. В июле 1979 года во время проведения боевых действий по борьбе с бандами МНС погибли:

1. Советник командира пятой мотопехотной бригады (Бейра) подполковник Николай Васильевич Заславец.

2. Советник при политкомиссаре этой же пятой мотопехотной бригады, подполковник Леонид Федорович Зубенко.

3. Военный специалист майор Павел Владимирович Марков.

4. Военный специалист майор Николай Александрович Таразанов.

5. Военный переводчик младший лейтенант Дмитрий Владимирович Чижов.

Они пали смертью храбрых в бою, защищая государственные интересы своей родины на юге Африки.

Наше поколение, разгромившее фашистскую Германию, разрушило колониальную систему современ-

ного капитализма и помогло многим странам обрести независимость. Колониалисты свои позиции сдавали только в результате национально-освободительной вооруженной борьбы этих народов. Понятно, что эти народы в тяжелой борьбе обращались за помощью к Советскому Союзу. Лучше Советского Союза им помощь никто не оказывал.

Советские военные специалисты, как правило, направлялись для исполнения интернационального долга в эти страны без семей сроком на два года, так как там военно-политическая обстановка была очень сложная, шла война. В Мозамбик и я прибыл в декабре 1976 года, а в декабре 1978 года истекал срок моей командировки. Но, как я выяснил по своим каналам, — никто в Генштабе заменять меня не собирался. Тогда я решил напомнить маршалу Огаркову Н.В. и получил ответ: «Решением министра обороны СССР срок вашего пребывания в Мозамбике продлен до конца 1980 года. Учитывая, что время Вашей замены определено по просьбе президента НРМ Самора Машел, а также сложность военно-политической обстановки, складывающейся в регионе в связи с решением Родезийской проблемы, признано нецелесообразным заменять Вас ранее установленного срока. Кандидат вам на замену подбирается, и должен пройти подготовку на курсах руководящего состава загранаппаратов. Н. Огарков».

Я оценил обстановку и доложил, что многие советники и специалисты обращаются с просьбой направить в Мозамбик их жен. И направил список тех офицеров, которые работали в столице — там было более-менее безопасно. Через две недели прилетели их жены. Встретил и я свою половину, а мой сынок Игорек остался у родственников в городе Симферополе. Снова два года ребенок живет без отца, а теперь и без матери. И только летом 1980 года во время каникул прилетел он один. Ему было 14 лет. Раз появились семьи, нужно было позаботиться об их питании. Мы этот вопрос решили через посла и торгпреда.

Народная армия Мозамбика регулярно проводит операции по ликвидации банд в отдельных провинциях страны и добивается успеха. Но ликвидировать все движение пока не удастся, потому что банды не вступают в открытые бои с войсками республики, а разбиваются на мелкие группы и рассредоточиваются в труднодоступных районах. Иногда они уходят на территорию соседних стран. К этому времени патриоты южной Родезии под руководством своих лидеров постепенно входили на территорию своей страны с территории соседнего Мозамбика. И там вели боевые действия с нарастающей ожесточенностью.

К 1978 году стало ясно, что правительство Родезии не сможет победить в этой войне. И Ян Смит, под нажимом западных стран и Южной Африки, согласился в 1978 году на проведение выборов. Однако ЗАПУ и ЗАНУ не были допущены к участию в этих выборах. Поэтому, несмотря на назначение премьер-министром черного африканца, боевые действия продолжались с неослабевающей активностью. В 1979 году возобновленные переговоры в Лондоне привели к мирному решению, в результате чего положили конец войне и обеспечили проведение выборов с участием патриотических сил под наблюдением англичан. 29 февраля 1980 года на выборы шел патриотический фронт Зимбабве. Но беда этого фронта заключалась в том, что у них не было единства. Фронт был расколот на две части, и в результате борьбы за власть эти силы были непримиримы.

Одна часть называлась ЗАПУ (союз африканского народа Зимбабве). Возглавлял ее Джошау Нкома. Отряды этих партизан базировались на территории Замбии, Бацваны и Анголы, с этих сторон они выходили на территорию Родезии, где и вели борьбу за свержение режима Яна Смита. Эту часть национально-освободительных сил поддерживал Советский Союз и другие социалистические страны.

Другую часть — ЗАНУ (африканский национальный союз Зимбабве) — возглавлял Роберт Габриель Мугабе. Его отряды базировались на территории Мозамби-

ка. Штаб-квартира Роберта Мугабе размещалась в городе Мапуту. Их поддерживали китайцы. Президент НРМ Самора Машел энергично оказывал всяческую помощь и поддержку. Надеялся, что с приходом к власти в Родезии Роберта Мугабе народная республика Мозамбик обретет определенные политические и экономические выгоды. Силы ЗАНУ размещались по всей территории Мозамбика, но основную группировку держали в провинциях Тете, Шимою, Иньянбане и Мапуту. Все эти провинции граничат с Родезией. Они располагались в стороне от больших дорог, в Джунглях, вдоль рек, создавали лагеря или группы лагерей, соединенных между собой тропами и лесными дорогами. По периметру лагерей создавались оборонительные сооружения: траншеи, окопы, завалы.... Некоторые участки минировали. В центре лагеря строились примитивные жилища, в них размещались дети, женщины и старики. Сеяли кукурузу, овощи, урожай снимали два раза в год. В состав отряда входили сто бойцов, да плюс восемьдесят жен, столько же и детей, двадцать-тридцать стариков. Отряды по определенному плану скрытно подходили к границе, пересекали ее и выходили на территорию Южной Родезии. Они устраивали засады на дорогах, подрывали машины, уничтожали военнослужащих из армии Яна Смита, захватывали пленных, оружие, нападали на белых фермеров, все уничтожали, предавали огню. В 1979 году отдельные отряды нападали на воинские гарнизоны. В результате во всех селениях Южной Родезии белые сооружали опорные пункты. В домах окна закладывали кирпичом, в них делали бойницы для стрельбы. Кроме этих оборонительных мер смитовцы проводили и наступательные операции, применяя современную авиацию и десанты.

В лагерь ЗАНУ на территорию НРМ засылали шпионов, которые уточняли их расположение, а затем проводили операции по уничтожению патриотов и их семей. Группы бомбардировщиков наносили бомбовые удары по центру лагеря, применяя бомбы и напалм. В это время вертолеты группами по шесть-восемь штук

высаживали десант по крайнему периметру лагерей в двух-трех местах. Высадившиеся из вертолета наемники, завербованные в западной Европе – самые отпетые бандюги, зарабатывавшие доллары. Они развертывались в цепь и двигались со всех сторон к центру навстречу бегущим женщинам, детям и старикам, расстреливая их из автоматов и пулеметов. Последствия такой операции были ужасны. В течение двух часов уничтожались более тысячи человек. Такие удары по патриотам ЗАНУ Ян Смит проводил постоянно, то в одном, то в другом районах. Но главная забота по оказанию помощи патриотам Р. Мугабе легла на молодую армию Мозамбика. И это была очень ответственная нагрузка и на армию, и на ее советников и специалистов. Они многое сделали для защиты этих лагерей и в целом отрядов Мугабе. И когда объявили день выборов в Южной Родезии, в результате этой героической многолетней борьбы патриотов за освобождение своей страны, все облегченно вздохнули и сразу стал вопрос – кто в Родезии придет к власти?

Однажды меня пригласил Петр Никитич (наш посол), у него сидели А. М. Глухов и И.А. Гранин – его заместители. В составе этой группы мы часто собирались для обсуждения наших проблем. Сразу, как только я вошел, мне был задан вопрос: кто на выборах в Родезии одержит победу?

– Это вопрос сложный, с ходу ответить не могу, – сказал я.

Были предложены четыре кандидата:

1. Джошау Нкома – за него посол и его два заместителя.

2. Роберт Мугабе – за него Самора Машел и все мозамбиканцы.

3. Ян Смит – за него англичане.

4. Музарева – за него некоторые племена из Южной Родезии.

Поступило предложение – посоветоваться с Саморой Машел. Ну и мне вопрос: – Не смогли бы вы к нему сейчас подскочить, потому что в Москве ждут нашего мнения по этому вопросу сегодня. Я ответил,

что могу. Понятно, чтобы посол попал на прием к президенту, нужны две недели: за две недели следует подавать заявку. А я решаю эту проблему в любое время и немедленно. Тут же от посла позвонил министру обороны и сказал: — Мне нужно к президенту. — Когда? — спросил он. Я ответил: — Сейчас. Через минут пять Чипонде звонит мне и говорит: «Самора Машел вас ждет». Так было всегда. Встречал он меня обычно посреди зала и с ходу: «Что случилось?». «Все в порядке, но у меня есть один вопрос». «Давайте», — сказал он, приглашая сесть. Я всегда с ним по всем самым сложным вопросам разговаривал откровенно. Ему это нравилось. Я спрашиваю, кто в Родезии одержит победу на выборах? Он с ходу: — Роберт Мугабе! — Почему вы так уверены, товарищ президент? Он: — Потому что на этих выборах в Родезии основную роль играет трайбализм. «Что такое трайбализм?» — поинтересовался я. Он разъяснил, что это межплеменные отношения в государствах. — У нас в Южной Родезии 60% племен поддерживают Роберта Мугабе. 20% — Джоша Нкома. Остальные 20% — это Музарева и Ян Смит. Я поблагодарил его и уехал в посольство. Мои заседающие друзья сказали, что не успели выкурить сигарету, как я вернулся, и сразу спросили: «Что, не получилось?». Я: «Все получилось. Самора Машел сказал, что победу одержит на выборах в Южной Родезии Роберт Мугабе». Один из троих сказал, что это желание Саморы, и он тянет своего друга. Другие высказались более осторожно.

Прошли выборы по плану и результат: Роберт Мугабе получил 58%, Джошау Нкома — 20%, Ян Смит — 20%, Музарева — 2%. Роберт Мугабе стал премьер-министром Зимбабве. Все были довольны. Страна Южная Родезия стала Зимбабве — независимое государство. Колонизаторы были выдворены, граница — самая продолжительная с Мозамбиком — стала границей дружбы. Но отдельные банды свою борьбу не прекращали, и основную нагрузку на себя взяла Южная Африканская Республика.

Безусловно, общая обстановка на юге Африки улучшилась, но борьба продолжалась до тех пор, пока

П. Н. Евсюков, посол Советского Союза в Мозамбике, 1979 г.

эти банды не были полностью ликвидированы регулярной армией, которая стала основной силой, защищающей государственные интересы Мозамбика. Я предложил Саморе Машел в связи с очередной годовщиной Республики провести парад войск. Это предложение было одобрено, т.к. нужно было Республике и ее соседям показать военную силу, защищающую свой народ от его врагов. Они назвали его парад Победы. На площади в городе Мапуту поставили трибуну, празднично украсили, хорошо подготовили участников парада с боевой техникой и парадные расчеты без нее. Парад прошел отлично. Все были довольны, нас благодарили.

В сентябре 1980 года мы хорошо подготовили и провели операцию по разгрому, как мы считали, одной из последних банд. Она приносила много неприятностей в центральных провинциях Мозамбика. Управление двумя мотострелковыми бригадами, как всегда, велось с вертолета, в котором находились я, министр обороны Чипонде, начальник Генштаба Моботе и наш

Вооруженные силы Мозамбика, созданные при помощи Советского Союза, одержавшие победу над бандами колонизаторов, на Параде победы. 1979 г.

переводчик. Операция прошла успешно, часть бандитов уничтожена, несколько человек пленили, остальные разбились на мелкие группы и разбежались по сопкам, поросшим кустарником. Мы летели. Я сидел у первого окна, и видел: на одной из сопок в кустарнике маячили три головы и ствол ручного пулемета. И тут же — очередь из пулемета по первому окну. По направлению верно, по центру окна, а по высоте — ниже окна. И две пули обожгли мое тело: одна в левую почку, другая в мочевого пузырь. У меня потемнело в глазах, закружилась голова, я потерял сознание и свалился с сидения. Чипонде распорядился срочно лететь в Мапуту. Полковник Перевозчиков доложил маршалу Огаркову. Тот ему сказал: «Алексей Константинович не ранен, а заболел, и я срочно высылаю свой самолет». Тут же поступила шифровка в мой адрес:

«5 сентября 1980 года вам разрешается вместе с женой и в сопровождении врача убыть в Москву для продолжения лечения. Выражаю удовлетворение проделанной вами работой в качестве главного военного

советника, надеемся на быстрое выздоровление и возвращение к выполнению служебных обязанностей. Исполнение обязанностей главного военного советника возложите на полковника Перевозчикова.

Н. Огарков».

17:39. 04.09.1980.

6 сентября 1980 года приземлились в Москве. С самолета меня — в машину и в военный госпиталь имени Бурденко прямо на операционный стол, у которого уже стояли хирурги со скальпелями. Операция прошла нормально. Изъяли две пули, почку убрали. Тут же хирург мне сказал: «Не беспокойтесь, вам одной почки хватит еще на 50 лет». Вот так в 56 лет, в расцвете, я закончил очень трудную военную, но славную службу. Каждое утро ко мне в госпиталь по приказу маршала Огаркова заезжал генерал-майор Ковалев, справлялся о моем состоянии здоровья и докладывал ему по прибытии на службу.

После выздоровления и выписки из госпиталя прибыл в Генштаб. Маршал Огарков очень хорошо меня принял, и спросил: — Как дальше? — Я ответил: — Служить больше не могу, буду уходить. Он спросил: — А где у тебя квартира? — В кармане, — ответил я, и разъяснил, что в Ташкенте я служебную сдал, а справка о сдаче в кармане. — Первый раз встречаю генерал-лейтенанта без квартиры. Ну, а теперь настроен на Москву? — спросил он. — Нет, я поеду в Симферополь, там у меня жена с сыночком у своей матери-старушки ждут меня. Огарков: — В первый раз встречаю генерала, который отказывается от Москвы. И спросил меня: — Какая у тебя семья? Я ответил: — Четверо. Он звонит командующему Одесского военного округа: «Завтра поездом выезжает в Симферополь генерал-лейтенант Черевко. Прошу вас дать ему четырехкомнатную квартиру, и пусть там его встретят». Пожелал мне выздоровления и всего хорошего. Я поблагодарил его, и мы попрощались — навсегда.

Вот так я осел в Крыму, в пятиэтажном здании получил четырехкомнатную квартиру, — сделал из нее трехкомнатную. И не жалею.

*На торжественном собрании,
посвященном Дню Победы.
9 мая 2004 г.*

После госпиталя отдыхал в санатории «Крым». Прошло дней десять — меня вызывают к начальнику санатория. Он мне сказал, что меня просили позвонить в Москву в Генштаб. Я позвонил. У телефона — генерал-полковник Зотов. Он спросил меня, как я себя чувствую. Я ответил: «Нормально». Он: «Тут Самора Машел вышел на Л.И. Брежнева, говорит: «Мы очень переживаем за генерала Алексея, он от нас улетел лежа в самолете... Мы просим вас направить его к нам, хотим поблагодарить его за ту большую работу, которую он здесь

сделал». Как вы на это смотрите? — А как наше руководство на это смотрит? Он отвечает: — Очень хорошо, это то, что нам нужно. — «В таком случае я готов». Через два дня я был в Москве и вылетел в Мопуту.

Прием был организован президентом Саморой Машел. Приглашено все руководство вооруженных сил и послы социалистических стран. Много было сказано красивых слов и в адрес Советского Союза, и в мой. Потом президент вручил мне, как он сказал, памятный подарок — покрывало на две кровати, сшитое из квадратных лоскутков меха из всех зверей, обитающих в Мозамбике. Гостем у президента я был целую неделю, на все неясные для него вопросы по строительству национальных вооруженных сил он получил исчерпывающие ответы. Я улетел.

Через 8 лет — звонок из Министерства иностранных дел России. Звонил бывший сотрудник Совет-

Интернационалисты. В центре – генерал-майор Н. Е. Молчанов – военный советник в Сирии в 1971–1973 гг.

ского посольства. Он спросил, как я себя чувствую. – Нормально, – ответил я. Он: – Тогда приезжайте послезавтра в Москву в посольство Мозамбика. Я: – Зачем? – В Мозамбике ввели правительственные награды и отметили вас высшим орденом Мозамбика. Посол Мозамбика вам его вручит. – Я поехал. Они пригласили Петра Никитича, его наградили медалью. Мы с удовольствием встретились и отметили эти награждения.

За четырехлетнюю работу в Мозамбике в Генеральном штабе написали на меня служебную характеристику. Я решил познакомить читателей с той оценкой, которую дало мне высшее руководство Вооруженных Сил страны за мою сорокалетнюю службу и исполнение интернационального долга.

Служебная характеристика

на главного военного советника Народной Республики Мозамбик, генерал-лейтенанта Черевко Алексея Константиновича.

1923 года рождения, русский, член КПСС с 1944 года.

В Советской Армии с 1941 года, образование высшее – Военная академия БТВ в 1959 году.

В период с декабря 1976 по декабрь 1980 генерал-лейтенант Черевко А.К. возглавлял работу коллектива Советских военных советников и специалистов в Народной Республике Мозамбик.

Тов. Черевко А.К. за период работы в качестве главного военного советника в Мозамбике проявил высокие деловые и политические качества. Умело и уверенно ориентировался в сложных условиях военно-политической обстановки в регионе. Постоянно изучал, анализировал и своевременно докладывал в Генеральный штаб ВС СССР обоснованные выводы о положении в стране, состоянии и перспективах развития вооруженных сил НРМ, а также предложения по вопросам Советско-Мозамбиканского военного сотрудничества.

Правильно строил свои взаимоотношения с руководящим составом вооруженных сил страны пребывания. Постоянно осуществлял с ним деловые контакты. Выдавал аргументированные рекомендации, направленные на дальнейшее повышение боевой готовности национальных вооруженных сил.

Твердо и целеустремленно осуществляя руководство деятельностью заграничного аппарата, систематически оказывал Советским военным советникам и специалистам, а также мозамбиканским офицерам квалифицированную помощь в выполнении задач по строительству, подготовке и развитию вооруженных сил НРМ.

Эффективно проводил информационно-пропагандистскую работу, умело разъяснял при этом сущность советской внешней политики и превосходство Советских вооруженных сил над армиями империалистических государств. Лично проводил воспитательную работу среди сотрудников аппарата, советников и специалистов. Руководил их марксистско-ленинской подготовкой. Систематически выступал перед личным составом и членами семей с докладами, лекция-

ми и информацией. Избирался в состав партийного комитета при посольстве СССР. За достигнутые положительные результаты в работе, активную общественную деятельность посольство неоднократно объявляло ему благодарность и занесло в Книгу почета.

В 1978 году товарищ Черевко А.К. был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» третьей степени, а в 1979 году ему присвоено воинское звание «генерал-лейтенант танковых войск».

Богатый опыт службы в Советской Армии и также личные качества: деловитость, высокие организаторские способности, партийная принципиальность в сочетании с тактичностью и скромностью,нискали товарищу Черевко А.К. уважение как со стороны местного руководства, так и у сотрудников Советских учреждений в Мозамбике. По характеру уравновешенный, волевой, морально устойчив. Идеологически выдержан. Делу КПСС и Советскому правительству предан.

Вывод: За период пребывания в Народной Республике Мозамбик с возложенными обязанностями справился успешно.

Начальник 1 управления, 10 главного управления Генерального штаба Генерал лейтенант Вентилов.

25 ноября 1980 г.

С характеристикой и выводами по ней согласен.

Начальник 10 главного управления Генерального штаба генерал-полковник Зотов.

3 декабря 1980 года.

А теперь приведу мнение подчиненных обо мне. Я из НРМ улетел 5 сентября 1980 года, а 6 ноября 1980-го, уже после госпиталя, находясь в Симферополе, получил письмо от полковника погранвойск Колесникова, советника при политкомиссаре погранвойск НРМ.

«Глубокоуважаемый Алексей Константинович!

Пользуясь представившейся гарантированной возможностью, направляю вам личное письмо. С момен-

та вашего выезда в Союз я и моя жена Евгения Андреевна через Васильчикова (моего переводчика) постоянно следили за процессом вашего лечения и выздоровления. И мы искренне рады благополучному исходу операции и общему состоянию вашего здоровья. Мы очень бы хотели надеяться, что санаторно-курортное лечение в сочетании с отдыхом возвратят вам прежнее здоровье, бодрость и высокую трудоспособность для исполнения службы на высоком ответственном посту. Нам очень приятно будет еще раз услышать вашу фамилию в числе лучших военачальников. Желаем вам, уважаемый Алексей Константинович, быстрого выздоровления, восстановления сил и благополучия.

Уважаемый Алексей Константинович, я как офицер, имеющий уже большой опыт службы в пограничных, Округе и Главке, откровенно хочу вам сообщить из моих наблюдений и бесед с товарищами следующее: ваше отсутствие чувствуется буквально во всем. Мы все очень сожалеем, что непредвиденные обстоятельства заставили вас преждевременно покинуть Мозамбик. Здесь уже нет того порыва, организованности, исполнительности и дисциплины, что были при вашем руководстве. У нас нет теперь такого умудренного опытом, боевого, заботливого, чуткого и в то же время требовательного и энергичного командира, которого мы имели в вашем лице.

Ваш стиль руководства подчиненными достоин подражания. Лично я всегда с большим чувством удовлетворения наблюдал за вашей деятельностью и гордился тем, что у нас в армии есть такие командиры-генералы, которые самоотверженно, не жалея сил и времени, исполняли свой долг, порученный партией и советским правительством, одновременно мобилизовали подчиненных так же напряженно трудиться во имя интернационализма.

Спасибо вам за хорошую школу, лично я много взял от вас на вооружение. Трудно предсказать, как здесь пойдут дальше дела, но ход событий показывает, что в этом большом организме потерян установлен-

ный ритм, и ваш заместитель по политчасти, с моих позиций, не та фигура, которая могла бы быть проводником идей командира – ГВС. Возможно, я со своей колокольни предвзято расцениваю общее состояние дел, не видя вас у руля этого большого «хозяйства», но мой практический опыт, накопленный за годы службы в войсках, подсказывает, что дела идут не так, как надо. Хотелось бы надеяться, что те большие дела, достигнутые в короткие сроки коллективом под вашим непосредственным руководством, не ухудшились бы, а наоборот шли вперед во всех направлениях.

И лучше всего было бы, чтобы вы, если позволит ваше здоровье, возвратились в Мозамбик и взяли руководство в свои руки».

Полковник погранвойск, советник при политкомиссаре погранвойск НРМ

Колесников.
06.11.1980

*Грамота
Президиума Верховного Совета СССР.
Воину-интернационалисту.*

Президиум верховного совета СССР за мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении интернационального долга, указом от 28 декабря 1988 года наградил Черевко Алексея Константиновича грамотой Президиума Верховного совета СССР – воину-интернационалисту.

Председатель Президиума Верховного Совета
СССР М. Горбачев.

Москва, Кремль, 28 декабря 1988 года.

В заключение скажу, что наше героическое поколение, разгромившее фашизм, после войны решило еще одну очень важную задачу – оно разрушило колониальную систему современного империализма. Представители этого поколения, исполняя интернациональный долг, оказали колониям серьезную помощь в борь-

бе за свободу и независимость своих государств. Советский Союз по просьбе руководителей этих стран организовал военное сотрудничество и с рядом государств, в которых велись боевые действия, шла гражданская война. И многие наши воины-интернационалисты участвовали в этих боевых действиях и достигали блестящих успехов, иногда теряя свое здоровье и жизни. Мы и будущее наше поколение должны это знать и отдавать этим героям войны должное. Беречь память об их подвигах и относиться к ним с уважением и благодарностью за то, что они обеспечили многим народам, страдающим от господства над ними колонизаторов, поработителей, — честь, свободу и независимость. Кроме советников и специалистов Советской Армии в эти страны стремились военные специалисты из других государств. Но когда ставился вопрос, с кем подписать договор о военном сотрудничестве, во всех случаях заявляли — только с Советским Союзом. И объясняли почему: «Советский Союз — самое мощное социалистическое государство, а его армия — самая сильная армия в мире, армия, освободившая мир от фашистского порабощения». А потому авторитет наших военных советников был непре-рекаем.

И те в мире, кто пытается очернить заслуги наших интернационалистов, — это враги нашего победоносного народа. Заслуга военных советников в Мозамбике неоспорима и неоценима. Без их помощи Мозамбик победу бы не одержал. Честь и вечная слава этим воинам.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об авторе</i>	<i>3</i>
<i>От автора</i>	<i>4</i>
<i>Глава первая. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ</i>	<i>5</i>
<i>Глава вторая. ВОЙНА</i>	<i>20</i>
<i>Глава третья. УЧИЛИЩЕ</i>	<i>42</i>
<i>Глава четвертая. СЛУЖБА В ВОЙСКАХ</i>	<i>53</i>
<i>Глава пятая. ЙЕМЕНСКАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА</i>	<i>77</i>
<i>Глава шестая. САМАРКАНДСКОЕ ТАНКОВОЕ УЧИЛИЩЕ</i>	<i>138</i>
<i>Глава седьмая. НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА МОЗАМБИК</i>	<i>151</i>

Документальна повість

ЧЕРЕВКО Алексей Константинович

ВОЕННЫЙ СОВЕТНИК

(Російською мовою)

Обкладинка А. О. Голік

Редактор Н. Л. Никифорова

Технічний редактор Н. Д. Крупська

Комп'ютерна верстка Л. В. Семенюк

Коректор Л. Н. Чичканенко

ДК № 293 від 22.12.2000 р.

Підписано до друку з оригіналу-макету 21.08.08.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнітура «Петербург».

Друк офсетний. Умовн. друк. арк. 11,3.

Наклад 500 прим. Замовлення 316 Ціна договірна

Видавнича фірма «Бізнес-Інформ»

95034, м. Сімферополь, вул. Київська, 76

Офіс 522, тел. 54-84-89, 53-01-44, 24-61-95

E-mail: original@crimea.com

[http:// bookcrimea.com](http://bookcrimea.com)

Видруковано з готових діапозитивів
у друкарні ТОВ «Видавництво «Вперед»
96500 м. Сакі, вул. Первомайська, 14

В этой книге автор, Черевко А. К., рассказывает о том, как исполняли интернациональный долг военные советники. Черевко А. К. исполнял этот долг в Йемене и Мозамбике. Читатели узнают правду о той огромной, напряженной работе, которая часто проходила в условиях боевых действий.

ISBN 978-966-648-197-2

9 789666 481972